

Возле Окружа, именуемой
ной, устроенной и расположенной
Нижне-Исетский, для орудий
и орудий орудий и орудий
и орудий орудий орудий

Н.С. Корепанов

Нижне-Исетский завод, 1789 – 1915 гг.

Н.С. Корепанов

*Нижне-Исетский завод,
1789 – 1915 гг.*

Екатеринбург
2013 г.

ISBN 978-5-91256-150-4

Николай Семенович Корепанов

Нижне-Исетский завод, 1789-1915 гг. — Екатеринбург: ООО «Грачев и партнеры», 2013 г.

Художественное оформление и верстка: Яговитина А.А.

Для оформления обложки использован план Нижне-Исетского завода 1878 г.

Автор выражает признательность сотрудникам Государственного архива Свердловской области за поддержку в работе. Фотографии предоставлены Музеем истории завода Уралхиммаш (Екатеринбург) при содействии краеведа О.Г. Семкина.

Нижне-Исетский завод вблизи Екатеринбурга был основан в начале XIX в. и действовал чуть более ста лет. Замышлявшийся как монетный двор, он был рожден как передовое предприятие по производству стали. Незадолго до Отечественной войны 1812 г. здесь было налажено артиллерийское производство. Впоследствии Нижне-Исетск оставался не самым крупным, но весьма значительным казенным железоделательным заводом. В начале XX в. здесь произошло почти уникальное для Урала событие – завод был передан в аренду рабочей артели.

Настоящее издание является первой специальной работой, посвященной истории Нижне-Исетского завода. Большинство планов и чертежей публикуется впервые.

Корепанов Николай Семенович (р. 1964), историк и краевед, автор нескольких монографий, составитель альбомов и сборников документов по истории Урала XVIII-XIX вв.

Подписано в печать: 14.05.2013. Формат издания 60x90/8. Усл. печ. л. 13,8.

Тираж 10. Заказ № 03/09-1.

Отпечатано: ООО «Издательский дом «Ажур»

620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54

ISBN 978-5-91256-150-4

© «Грачев и партнеры»

Содержание

Введение	7
I. Монетный двор	8
II. Новое строительство.....	12
III. Стальной завод.....	16
IV. Горный завод	20
V. 1812 год.....	25
VI. Меж двумя войнами	32
VII. На переломе эпох	37
VIII. Кризис	41
IX. Охочие люди	46
X. Что там было	50
XI. Тупик.....	53
XII. Артель	56
XIII. Исход.....	63
Список иллюстраций	65
Приложение.....	66

В память 225-летия начала строительства Нижне-Исетского завода

По уральским меркам Нижне-Исетский завод действовал недолго – чуть более ста лет. Он был выстроен вблизи Екатеринбурга, и тем сразу и навсегда определилась судьба его. Здесь жили и работали с оглядкой на огромный город, себя чувствуя его дальней окраиной или же фабричным выселком. Это было тем более оправдано, что Нижне-Исетский завод во многом перенял производство и предназначение Екатеринбургского завода, закрывшегося в 1807 году.

И всё же Нижне-Исетск не был простым продолжением Екатеринбурга, не был и уменьшенной копией его, ибо каждый уральский завод всегда оставался неповторим и ярко самобытен. Меж далеко отстоящими друг от друга городами часто бывало меньше различий, чем между уральскими заводами, дымивших трубами в нескольких верстах один от другого. Лишь со стороны здешний заводской край казался монолитной глыбой, на деле же разную руду плавил по-разному сложенные домны, непохожее железо по-разному выковывали боевые молоты, и по-разному говорили об этом заводские мастера, проживавшие жизнь при разных хозяевах – будто в разных мирах.

Были почти несопоставимы, например, своими цехами и фабриками, укладом жизни и историей, самым заводским «языком» три завода, нанизанные на Исеть – Верх-Исетский, Екатеринбургский и Нижне-Исетский. Верхнему и Нижнему заводам суждено было войти в состав Екатеринбурга, но до тех пор прожили они совсем разную жизнь. Верх-Исетский, основанный казной, побывал в руках трех семейств и двух компаний. Нижне-Исетский всегда оставался казенным и лишь в конце пути оказался взятым в аренду рабочей артелью – редкий и удивительный случай для Урала. О Верх-Исетском заводе, как и о Екатеринбурге, написано множество книг. О Нижне-Исетске книг не написано, история его оказалась почти забыта.

Настоящее издание в какой-то мере должно восполнить эту несправедливость.

Монетный двор

Нижне-Исетский завод был рожден как монетный двор.

В 1781 г. на Урале проведена была масштабная реорганизация горного ведомства, которая привела среди прочего к превращению Екатеринбурга в полноценный город. С этого времени неуклонно понижалось значение Екатеринбургского горного завода, и, наоборот, росла значимость Екатеринбургского монетного двора. Он становился в те годы основным предприятием по чеканке всей русской медной монеты и работал на пределе возможности. В конце 1780-х гг., например, в сутки здесь чеканили медной монеты на 12 тыс. рублей; всего же полагалось начеканить «миллионную сумму».

Тогда же, в 1780-е гг., на Урале случилось подряд несколько засушливых лет, и небольшой Екатеринбургский пруд попросту не мог обеспечить действия всех здешних фабрик. По несколько месяцев в году бездействовали фабрики горного ведомства, приходилось останавливать камнерезную фабрику ведомства Академии художеств, и случалось, что не хватало прудовой воды для действия монетного оборудования. А это уже было недопустимо. Известно, что по просьбе губернской администрации расковка меди для монеты велась периодически на частном Верх-Исетском заводе, и ставился вопрос о передаче некоторых из его производственных площадей под монетную чеканку. Более того, предприняты были меры по устройству запасной плотины у самого истока Исети при Исетском озере. Таким сложным путем пытались регулировать наполнение Верх-Исетского и Екатеринбургского прудов.

Наконец, в феврале 1788 г., в Сенате было принято решение построить на Урале два дополнительных монетных двора. В губернской Перми об этом стало известно от сенатского генерал-прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского, инициатора выпуска в обращение российских бумажных ассигнаций. Собственно, их выпуск и привел к нынешней лихорадочной чеканке медной монеты, ставшей просто разменной мелочью.

В то время, после горной реформы, прежняя екатеринбургская горная администрация вошла составной частью в пермские губернские структуры. Ей теперь было полное название: Экспедиция горных дел при Пермской казенной палате. И размещалась она в Перми.

Так вот, указом Экспедиции горных дел руководителем всего нового предприятия был назначен горный чиновник Федор Ларионович Грамотчиков. Он был коренным екатеринбуржцем. Отец его учился в местной заводской школе, в жизни стал выдающимся плотинным мастером и под старость дослужился до офицерского чина шихтмейстера – редкий, почти уникальный случай. Сам Ф.Л. Грамотчиков начинал горную службу в должности маркшейдерского ученика, а назначение директором новых монетных дворов стало вершиной его карьеры. К амбициозному проекту он привлек и одного из своих сыновей Якова, и тот уже спустя год, в феврале 1789 г., представил монету выстроенного в Пермском крае Аннинского монетного двора.

Но требовалось выстроить и третий монетный двор, причем непременно вблизи Екатеринбурга. Предполагалось также, что новый монетный двор ради экономии средств должен строиться при готовой плотине, например, на месте остановленного казенного Елизаветинского (Верхне-Уктусского) завода или какой-либо купеческой мельницы на Исети ниже Екатеринбурга.

Сам Ф.Л. Грамотчиков предложил выкупить под строительство мельницу

вологодского купца Ивана Скулябина в 5 верстах ниже екатеринбургской плотины. Ее выстроили в 1763 г. екатеринбургские купцы братья Бармины, у них ее купил Иван Хлепятин, первый здешний купец 1 гильдии, и уже от него досталась она И. Скулябину. Князь А.А. Вяземский, однако, выбора не одобрил, ибо вологодский купец, по его понятиям, за уступку мельницы запросил слишком высокую цену.

Действительно, купец затребовал целых семнадцать тысяч, а на будущий монетный двор возлагалась задача ежегодно чеканить медной монеты на миллион рублей. А потому и рождение его утверждалось не в провинциальном Екатеринбурге, ни даже в губернской Перми, а на самом верху: «К сбережению короны лучше занять новое место или обратиться к старому заводу. Изобретая при том как выгоды, так и удобства в построении и поставке на оный [монетный двор – Н.К.] заводчикам меди» [1]. (Уточним, что медь на монетную чеканку поступала с частных заводов в счет десятины.) К подысканию нового места Ф.Л. Грамотчиков затребовал знающего маркшейдерское дело капитана Матвея Логинова и плотинного мастера Екатеринбургского монетного двора Прокопия Морозова. В феврале 1789 г. они решили, что проще и дешевле ни с кем не связываться, а начинать всё с нуля на пустом месте. И назвали то пустое место: вниз по Исети на 11 верст от Екатеринбурга.

Сроки уже поджимали, а потому в Перми немедленно утвердили: «[Пермская казенная] Палата полагает на избранном г-ном коллежским советником Грамотчиковым месте на реке Исети ниже Екатеринбургского монетного двора в 11 верстах, поелику г-н Грамотчиков полагает употребить на то строение расходу менее прежде назначаемого, монетный двор велеть строить» [2]. Тогда же решено было купить для нужд будущего строительства пильную и мукомольную мельницы екатеринбургского купца-старообрядца Ивана Щепетильникова. Хозяйство его было устроено при плотине в 3 верстах выше будущего Нижне-Исетского двора.

Забегая вперед, отметим, что спустя девять лет И. Щепетильников купил плотину с мельницей вологодца И. Скулябина и устроил при ней еще несколько мануфактурных заведений. В 1820-е гг. после смерти И. Щепетильникова все его мельничное хозяйство купил верх-исетский заводской приказчик Григорий Зотов, и с тех пор та плотина звалась «Зотовской». Согласно позднейшим промерам, расстояние от Зотовской до Нижне-Исетской плотины составляло 6 верст 470 сажений.

Относительно строительства Нижне-Исетского монетного двора достаточно сказать следующее. Началось оно в мае 1789 г. и велось хоть и необычно долго, но без душевного надрыва и скрежета зубового, без которых в прошлые времена не обходилось ни одно крупное мероприятие, затеянное казной. Причиной ли тому новое губернское руководство или понуждение активно использовать труд охочих людей – вольных наемщиков и подрядчиков, но за пять лет не случилось, кажется, ни одной гибели работника, ни даже увечья. Впрочем, умер своей смертью казначей строительства.

Федор Грамотчиков лично руководил строительством, лично отчитывался перед Пермью и дослужился за то время до чина статского советника. В помощь себе он затребовал гитен-фервальтера Никиту Ломаева, который и стал формальным управителем строившегося предприятия. Возведением плотины командовал 60-летний плотинный подмастерье Артемий Вершинин. Главным событием жизни, однако, ниже-исетская плотина для него не стала, ибо в начале 1770-х гг. командировали его подправлять плотину казенного Вознесенского завода в Оренбургской губернии, а в смутное время завод оказался в руках пугачевцев. А сам мастеровой побывал в пугачевском плену.

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Фонд. 24. Описание 12. Д.787. Л.868.

2. Там же. Ф.24. Оп.12. Д.788. Л.97.

Нижне-исетская плотина была полностью готова еще до наступления следующего года. В 1790 г. перед прудовым разливом расчистили от леса чашу будущего пруда, а поваленный лес по заведенному порядку пережгли на уголь. Естественно, масштабные работы, как и прежде, вытягивало приписное крестьянство. Плотников, каменщиков и прочих квалифицированных работников обязывался выделять Екатеринбургский монетный двор, но, загруженный работой, выделял неохотно, и не более полусотни зараз. В целом же строительство завершилось к декабрю 1794 г., оставалось лишь установить монетное оборудование. Монтаж оборудования надлежало выполнить мастерам Екатеринбургского двора, но администрация ухитрилась протянуть с этим целый год. Как, впрочем, скоро выяснилось, вышло даже к лучшему.

Готовый к действию Нижне-Исетский монетный двор представлял из себя следующее. Плотина длиной 105 сажень, шириной с насыпью в прудовую сторону 32 сажени, вышиной от основания 4 сажени 2 аршина. В плотине вешнячный и два ларевых прореза. Непосредственно в тело плотины меж вешняком и левым ларевым прорезом была встроена караульня. Основным же рабочим был правый ларевой прорез, и, соответственно, все монетные фабрики устроены были на правом речном берегу.

Здесь последовательно стояли два фабричных корпуса. В первом размещались фабрики якорная, расковочная и плющильная. Якорная фабрика предназначалась для починки и сборки всех вододействующих молотов, две другие – для расковки и плющения медных пудовых штыков в монетные полоски. В втором корпусе последовательно размещались пять фабрик: печатная, гуртильная, пожигальная, прорезная и плавильная.

В плавильной фабрике в одной плавильной печи и двух гармахерских горнах предполагалось получать из медной руды чистую медь в штыках (отсюда они должны были поступать в расковочную фабрику). В прорезной фабрике – штамповать из монетных полосок монетные кружки (полоски должны были поступать сюда из плющильной фабрики), в гуртильной – насекать по ободу монетных кружков гурт, в пожигальной – обжигать кружки перед чеканкой, в печатной – чеканить монету.

Как видим, выстроенный монетный двор представлял собой предприятие полного цикла; из меднорудного сырья здесь готовы были получать готовую продукцию – медную монету. Как говорилось, для появления ниже-исетской монеты все уже было готово: «Для первого вступления в работу на все сорта монеты и на все станы чеканы в готовности» [3].

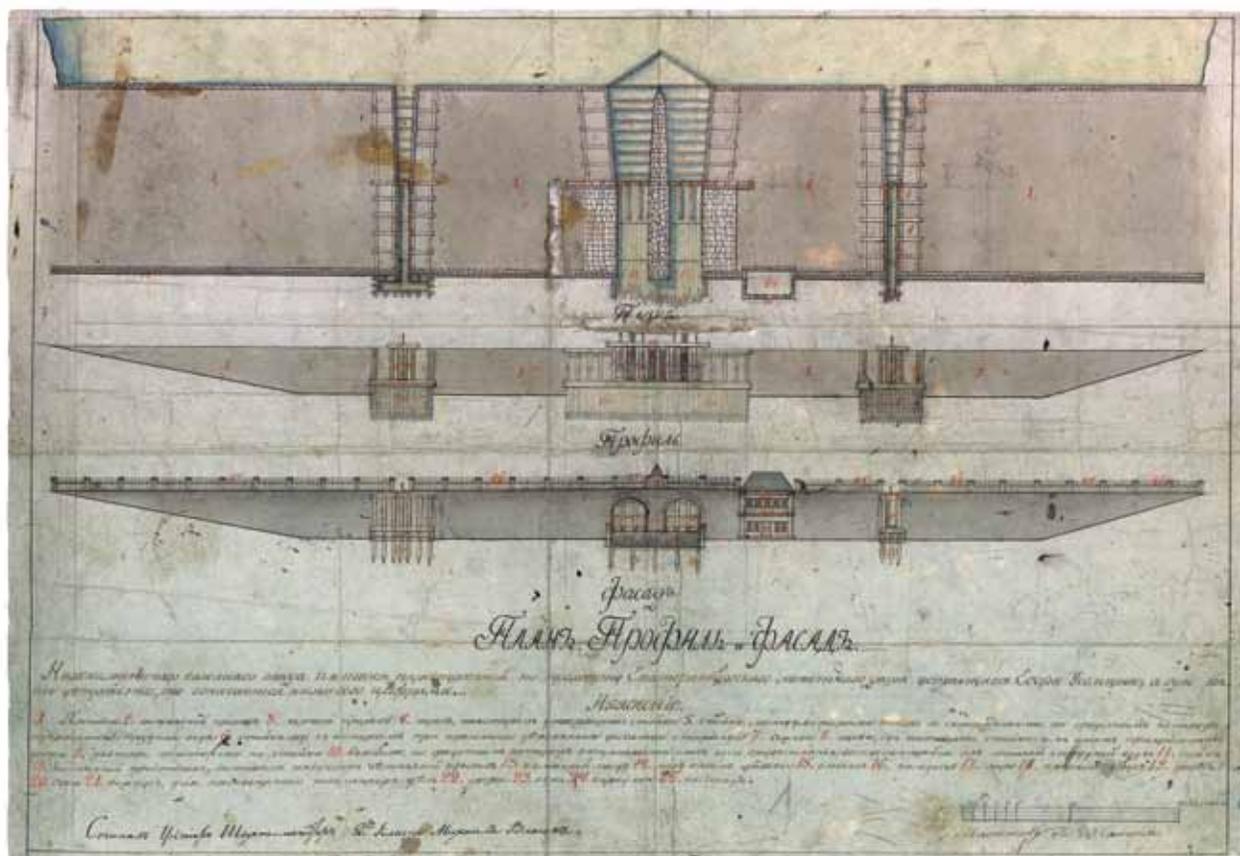
Также по правому берегу были выстроены около десятка казенных домов, среди них дома заводского управителя и надзирателя, а еще хлебный амбар, конюшенный двор, госпиталь и заводское правление – одноэтажное, с четырьмя покоями и 14 застекленными окнами. С самого начала строение на Нижней Исети отличалось не только рациональностью, как все казенные заводы, но и некоторой даже эстетичностью. Уже тогда от правления до конюшенного двора вдоль реки был устроен и огорожен пильными брусками палисадник. А может быть, и чем-то засажен.

На левом берегу размещались вспомогательные заведения: кузница на 6 горнов и со станком для подковки лошадей, слесарная и меховая фабрики. Здесь же стояла лесопильная мельница в два этажа: в нижнем – железные, в верхнем – чугунные колеса к действию двух рам.

За пределами собственно завода, на правом берегу пруда в одной версте от плотины был сложен 30-саженный кирпичный сарай к делу белого и красного кирпича. Также к Нижне-Исетскому монетному двору формально относился и стоявший в Екатеринбурге дом директора Ф.Л. Грамотчикова [4].

3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Фонд. 28. Опись 2. Д.2632. Л.72об.

4. Там же. Л.10об., 69-84.

Старшим при заводе в отсутствие директора и до назначения управителя оставался подмастерье А. Вершинин. И именно ему пришлось рапортовать о кошмарном событии – в ночь на 23 декабря 1795 г. Нижне-Исетский монетный двор сгорел, почти без остатка.

Точнее сказать, сгорели собственно монетные фабрики по правому берегу. 22 декабря двое конюхов просушивали печи монетных фабрик: «Коя просушка была частью дровами и щепьем часу до 1-го дни». Одного из конюхов звали Андреем Корзухиным – фамилия была довольно распространенной на Уктусе, а затем и в Нижне-Исетске. После просушки вымели полы и вообще прибрались, а потом ушли – день был субботний, канун рождественского сочельника: «Мастеровые пущены были с работы часу в 5-м». Ночной сторож успел еще обойти фабрики в 10 часов вечера и залег спать в меховой. «А потом, услыша некоторый шум, пробудясь и увидя огонь, и плотинный был разбужен, и велел ударить в колокол». А далее всё, как и бывает на пожарах: «Всё было около 12-го часу, то и не так скоро люди могли собраться. А между тем огонь усилился и обнял большую половину крышки светлиц... Все сгорело, равно и [правый ларевой – Н.К.] прорез, и около него часть плотины обгорела... Как своими, так и явившимися чрез час уктусскими мастеровыми и жителями, все возможное старание прилагавшими, спасти не могли» [5].

Безвозвратно сгорели оба фабричных корпуса по правому берегу, полностью сгорел также правый ларь, пострадала и правая сторона плотины с заводской стороны. И теперь без монетных и медеплавильной фабрик ни к чему были ни кузня со слесарней, ни пыльная мельница, ни даже заводское правление. Нижне-Исетский монетный двор погиб тотчас по рождении.

Оставались, однако, плотина с прудом – слишком дорогое хозяйство, чтобы забыть о нем.

1. Нижне-Исетская плотина, 1800-е гг.

«План профиль и фасад Нижне-Исетского казенного завода плотине, перестроенной по проекту Екатеринбургского монетного двора уставищика Егора Усольцева».

ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7927. Подлинник. Подробнее см. Приложение, с. 70-71.

5. Там же. Ф.56. Оп.1. Д.109. Л.196-197.

Новое строительство

В общем, монетный двор должны были восстановить и неминуемо восстановили бы.

Но из столицы пришло распоряжение на месте пожарища строить стальной завод – фактически же вспомогательный цех Екатеринбургского монетного двора. Для монетной чеканки постоянно и в большом количестве требовались стальные сердечники. Не в первый и не в последний раз оказалось, что вспомогательное производство нужнее основной продукции.

Сделаем здесь отступление.

Еще в 1780-е гг. вблизи Екатеринбурга на р. Пышме была выстроена имперского значения стальная фабрика. Руководил строительством, а затем и возглавил фабрику командированный указом Екатерины II горный специалист в профессорском звании Иван Филиппович Герман, австриец по происхождению. Чугун для передела в сталь поступал с Каменского завода, а готовая продукция отправлялась в Тулу для оружейного производства. Но уже в начале 1790-х гг. стало ясно, что Пышминская фабрика не справляется со стратегическим предназначением. Фабрике не хватало воды, ибо речка Пышма должна была обеспечивать еще и действие нескольких золотых промыслов Березовских промыслов [6]. Пермские губернские чиновники не отказали себе уязвить профессора: «Долженствовало быть известно г-ну Герману прежде начатия своего производства, что вода для всякого предполагаемого заводского действия почитается первым предметом» [7]. В Сенате с подачи князя А.А. Вяземского рассматривали возможность переноса стального дела в Колывань – на Алтай, но, в конце концов, решили не нарушать налаженного производства. Уральская сталь производилась по английским образцам и не уступала качеством шведской и немецкой. Поступило лишь распоряжение перенести фабрику на Уктусский или Елизаветинский заводы: «Или в такое место, какое г-н Герман по способности сам избрать может» [8].

Так что стальное дело на Нижней Исети изначально программировалось не просто как вспомогательное, но как стратегическое.

В то время в Екатеринбурге, на Урале, и во всей стране резко все изменилось. Правил Павел.

Император отменил уже множество матушкиных решений и переустройств и среди прочего воссоздал прежнюю Берг-коллегию. Вместе с нею в 1797 г. были восстановлены и старая екатеринбургская администрация, не подчинявшаяся пермским губернским властям – Канцелярия Главного правления заводов, и должность Главного начальника уральских заводов, иерархически равная должности генерал-губернатора.

Главным начальником и над заводами, и над монетным делом всю недолгую павловскую эпоху прослужил уже немолодой действительный статский советник Аникита Сергеевич Ярцев. Он был сыном местного горного офицера, горную службу начинал на Урале и руководил строительством трех вятских горных заводов. Затем переведен был заводским Главным начальником на Олонец, где возглавил кардинальную перестройку, фактически же строительство заново, Александровского пушечного завода. Он первым из екатеринбуржцев окончил университет (Московский, естественно) и первым

6. Подробнее см.: Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С.145-146, 159.

7. ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.790. Л.255.

8. Там же. Л.669об.

2. А.С. Ярцев. 1770-е гг.
Википедия

же достиг генеральского чина, хоть и по гражданской табели. Был директором Петербургского горного училища. А кроме того, он долго собирал материал и подготовил к публикации многотомную историю горного дела в России.

В истории Урала то был один из самых ярких горных администраторов, по масштабу личности сравнимый с Генниным и Татищевым и с генералом Глинкой. К его заслугам можно отнести и организацию постройки Нижне-Исетского завода.

Командовать на Нижней Исети Аникита Сергеевич доверил молодому шихтмейстеру Константину Хмелинину – значимого в его службе был пока лишь проведенный до столиц казенный караван. В августе 1798 г. он получил ордер: «Вы командированы ныне к восстановлению Нижне-Исетской плотины для устройства стальной фабрики... Стараться, не упуская нынешнего удобного летнего времени, приговаривать к возке на плотину земли, дабы можно было до зимнего времени оную плотину устроить и воду в пруде запереть» [9].

9. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.1. Л.1, 1об.

Как явствует из ордера, Главный начальник надеялся, что черную работу на строительстве можно будет вытянуть вольными наемщиками. Если же таковых не наберется, Хмелинину полагалось наряжать приписных крестьян из ближних волостей, ясно, что в первую очередь из Арамильской. Поскольку же будущий завод строился для нужд монетного ведомства, Главный начальник распорядился более двух десятков каменщиков, плотников, кузнецов и т.п. перевести на Нижнюю Исеть из Екатеринбургского монетного двора: «Кои бы уже и навсегда тамо могли остаться и кои там дома свои уже имеют. А у коих нет, то таковых расставить там по пустым домам и жилым квартирам. И оным мастеровым помогите наперво исправлять в казенных квартирах печи и прочее» [10].

10. Там же. Л.1об.-2.

Так что первыми ниже-исетскими жителями суждено было стать екатеринбургским мастеровым с семьями. Коренная связь меж Екатеринбургом и Нижне-Исетском стала очевидной уже тогда.

К починке и частичной перестройке плотины командировали плотинного мастера Екатеринбургского монетного двора Прокопия Морозова, который, как помним, участвовал в выборе здешнего места. На строительстве он работал в паре с теперь уже 70-летним подмастерьем А. Вершининым и, в конце концов, также переселился на Нижнюю Исеть.

Тогда же, в августе 1798 г., из уст А.С. Ярцева прозвучало и еще одно имя, может быть, самое загадочное имя в истории Нижне-Исетского завода. Да и во всей истории заводского Урала личность эта остается одной из самых непонятных.

Он был немец, его фамилия была Гумпрехт (Gumprecht), в России он жил со времен Екатерины. На ниже-исетское строительство он был направлен с Екатеринбургского монетного двора, где проводил опыты по стали. И это почти все, что о нем полагалось знать. Известный историк техники Н.Б. Бакланов называет его сосланным в Нерчинск преступником [11], и по косвенным данным можно судить, что он занимался фальшивомонетчеством. Но ни на Нижней Исети, ни даже в Екатеринбурге об этом не было сказано ни разу. И лишь в том первом ордере А.С. Ярцева шихтмейстеру К. Хмелинину имеется глухой намек на это: «Когда оный прислан будет, то иметь Вам за ним крепкий от утечки и от непозволенных ему дел присмотр. Который и будет состоять на Вашем отчете» [12].

11. Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIIIв. на Урале. М.-Л. 1935. С.81.

12. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.1. Л.1об.

Формально Гумпрехт местной администрации не подчинялся и даже не занимал никакой штатной должности, т.е. не ясно, откуда он получал деньги, на что жил. Находился он в «личном заведывании» Главного начальника

Ярцева, который, в свою очередь, был доверенным лицом монарха. В своих ордерах А.С. Ярцев называл его «известный немец Гумпрехт». Даже в те времена это звучало иронически, и можно предположить, что слова «известный немец» прилепились к имени Гумпрехта после какого-то указа из высших инстанций. Такое часто случалось. Он, кстати, уверял, что благожелательные указы о нем издавали и Екатерина II, и Павел I, и Александр I: «Всемилоштивейшее соблаговолили его определить для пользы государства три монарха» [13].

13. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.112. Л.453.

Назначенный к строительству Нижне-Исетский стальной завод относился к монетному ведомству, поэтому большинство квалифицированных работников – плотников, кузнецов и каменщиков – направлялись сюда с Екатеринбургского или Аннинского монетных дворов. Также прибывали работники с Березовских золотых промыслов и с Уктусского золотопрывального завода. Трудились и ссыльные, в том числе и женщины.

14. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.1. Л.28-29.

С Екатеринбургского же монетного двора в сентябре 1798 г. отправились на Нижнюю Исеть первые постоянные жители. То были кузнецы Прокопий Казанцев и Илья Ряпасов, каменщики Дмитрий Подкорытов и Василий Кубарев, плотник Яков Шешуков и еще шестнадцать простых работников. Все люди семейные – с женами и детьми [14]. А в сентябре из Канцелярии Главного правления заводов за подписью упоминавшегося Якова Грамотчикова на имя К. Хмелинина поступил указ: «Должно немедленно начаться по сделанному расположению известного немца Гумпрехта построение при Нижне-Исетской плотине для дела стали фабрики» [15].

15. Там же. Л.30.

18 сентября 1798 г. К. Хмелинин с плотинным П. Морозовым и екатеринбургским пильным мастером Хомутовым отправились обозрывать фронт работ: «Находящийся при оной [плотине] плотинный подмастерье Вершинин уверяет, что те места по исправлении недостроенных и сгоревших частей к поднятию прудовой воды прочны и способны быть могут» [16]. Действительно, речь шла не о перестройке, а о починке плотины и о строительстве при ней новых фабрик.

16. Там же. Л.38об.

Как и при строительстве монетного двора, активно использовался труд наемных людей и подрядчиков. Во всяком случае, заготовка леса, бутового камня, извести и других строительных материалов легла всецело на плечи «вольных охотников». Но, естественно, основная тяжесть черной земляной работы на плотине, как и в прежние времена, пала на приписных крестьян – с марта по июнь 1799 г. здесь посменно поработали в общей сложности 400 пеших и 280 конных работников, наряженных из Арамилской волости [17]. И, как вскоре выяснилось, Нижне-Исетский завод стал едва ли не последним казенным заводом, выстроенным приписными. Выяснилось также, что работы своей они не доделали.

17. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.12. Л.99-105, 113об.

На перестройке плотины с осени 1798 до весны 1799 гг. распоряжались все же не екатеринбуржцы П. Морозов с А. Вершининым, а плотинный уставщик (старший мастер) Каменского завода Садовников. К весне - началу лета 1799 г. починку плотины и постройку стальной фабрики у правого ларя в основном завершили. Любопытно, что бывшую мукомольную и лесопильную мельницу купца И. Щепетильникова, стоявшую в трех верстах выше завода и сильно пострадавшую от разлива Нижне-Исетского пруда, разобрали, а бревна и брусья сплавили на строившийся завод и использовали как строительный материал.

Летом 1799 г. завод был почти в готовности. Плотина укреплена по обоим краям и досыпана насыпью в прудовую сторону. Восстановлен был правый ларевой прорез, причем вместо деревянного ларя проведены чугунные

«фонтальные» трубы. Выстроены же были или достраивались молотовая фабрика две стальные фабрики (одна из них к делу пробной стали), сарай к делу белого и красного кирпича и отдельные четыре печи к их обжигу. По левому берегу стояли в готовности уцелевшие после пожара 1795 г. кузница, слесарная и меховая фабрики. К ним была пристроена якорная к делу речных якорей, но в большей мере для починки молотов [18]. Что же касается кирпичеделательного промысла, то он был налажен в заводе не только для будущего строительства, но и ради основной технологической операции. Известно, что вскоре же здесь устроили особую «мельницу», или толчею, для перемола жженого кирпича в крошку – «для молотья глины и кирпича, идущего на цементовку стали». Собственно «цементную» смесь творили на основе древесного угля. Молотый же кирпич, надо полагать, использовался для катализации процесса или для удержания жара в печи.

18. Там же. Л.176об.-177об.

Ясно, что технологию привез Гумпрехт; он же представил и проект кирпичного сарая. Ясно также, что человек он был непростой.

В июне 1799 г. Главный командир А.С. Ярцев побывал на строительстве и вынужден был сменить управителя: «Во время бытия на Нижне-Исетском заводе усмотрено мною, между управителем шихтмейстером Хмелининым происходят с известным немцем Гумпрехтом споры и раздоры – и не от чего, как только между собою не понимают разговоров. Один не знает по-немецки, а другой по-русски» [19]. О стиле же руководства самого Аникиты Сергеевича достаточно сказать, что в указах и распоряжениях своих он не «повелевал», а «рекомендовал»: «По наступившему ныне удобному времени к клаже каменного строения рекомендую Нижне-Исетской стальной заводской конторе отпущенных на покосы каменщиков, хотя бы и сроки не вышли, всех собрать к клаже молотовой фабрики» [20].

19. Там же. Л.140.

Во время строительства завода Аникита Ярцев несколько раз приезжал сюда «за обозрением». Наверное, Нижняя Исеть была для него не просто возможностью показать, что не зря он здесь поставлен императором. Он вырос на Урале и в юности видел те самые горны и молоты, что и в старости его дымили и стучали по всем здешним заводам. Наверное, он воспринимал Нижне-Исетск попыткой хоть что-то изменить в канун наступающего железного века – века XIX-го.

20. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.9. Л.226.

Основой инновационного производства здесь была стальная фабрика с печами немца Гумпрехта для «цементования» и для «очищения» стали. И пробная стальная фабрика с печью для «томления» стали. Полученная сталь поступала для проковки в молотовую фабрику. Здесь было девять невеликих молотов, устроенных при «скоробьющей» и «тихобьющей» машинах. Здесь же действовала и шлифовальная машина. Все прочие фабрики и кузница были вспомогательными, должны были обеспечивать заводские нужды [21]. Но имелись уже некоторые планы по устройству новых производств. Кстати, выстроенную еще для монетного двора лесопильную мельницу снесло до основания налетевшим с юга и ударившимся о плотину ветром.

21. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.12. Л.176 об.; Д.21. Л.43.

Так или иначе, завод был наконец достроен.

7 декабря 1801 г. 64-летний Главный начальник, отложив все дела, прибыл в Нижне-Исетск и, окруженный толпой заводчан, отстоял молебен в молотовой фабрике. И приказал заводскому управителю Михаилу Ларину выдать из казны по 10 копеек всей заводской команде. Их тогда было 218 мастеровых и работных, 17 воинских чинов, 57 колодников и колодниц.

Спустя пять дней завод начал действовать.

Стальной завод

В январе 1802 г. по требованию А.С. Ярцева составлена была ведомость первой ниже-исетской стали. Она была трех видов: стальные полосы для чеканных сердечников длиной в 2 английских фута, полосы для чеканных «лиц» – в 1 фут и сталь «калиброванная» в полфута. Последнюю предполагалось использовать не для монетной чеканки, а к делу инструментов, а может быть, и холодного оружия. По тогдашней технологии топоры или, скажем, солдатские палаши и офицерские шпаги выковывали из обычного железа, но лезвие или клинок «наваривали» сталью или особой ковкой разновидностью стали – укладом.

Сталь каждого вида различалась и по толщине – от 1/8 до 2 ½ английских дюймов. В феврале пять пудов всех видов ниже-исетской стали отправились для представления в Берг-коллегию, еще один пуд – персонально генерал-прокурору Сената. О качестве ее А.С. Ярцев отозвался: «Выделяемая при сем заводе сталь противу употребляемой на монетное действие лучше и крепче, потому что из цементованной полосы здесь [т.е. в Екатеринбурге – Н.К.] сделанный чекан стоит уже восьмые сутки, в каковое время чеканов обыкновенной здесь стали переменено до шести» [22].

22. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.66.
Л. 737.

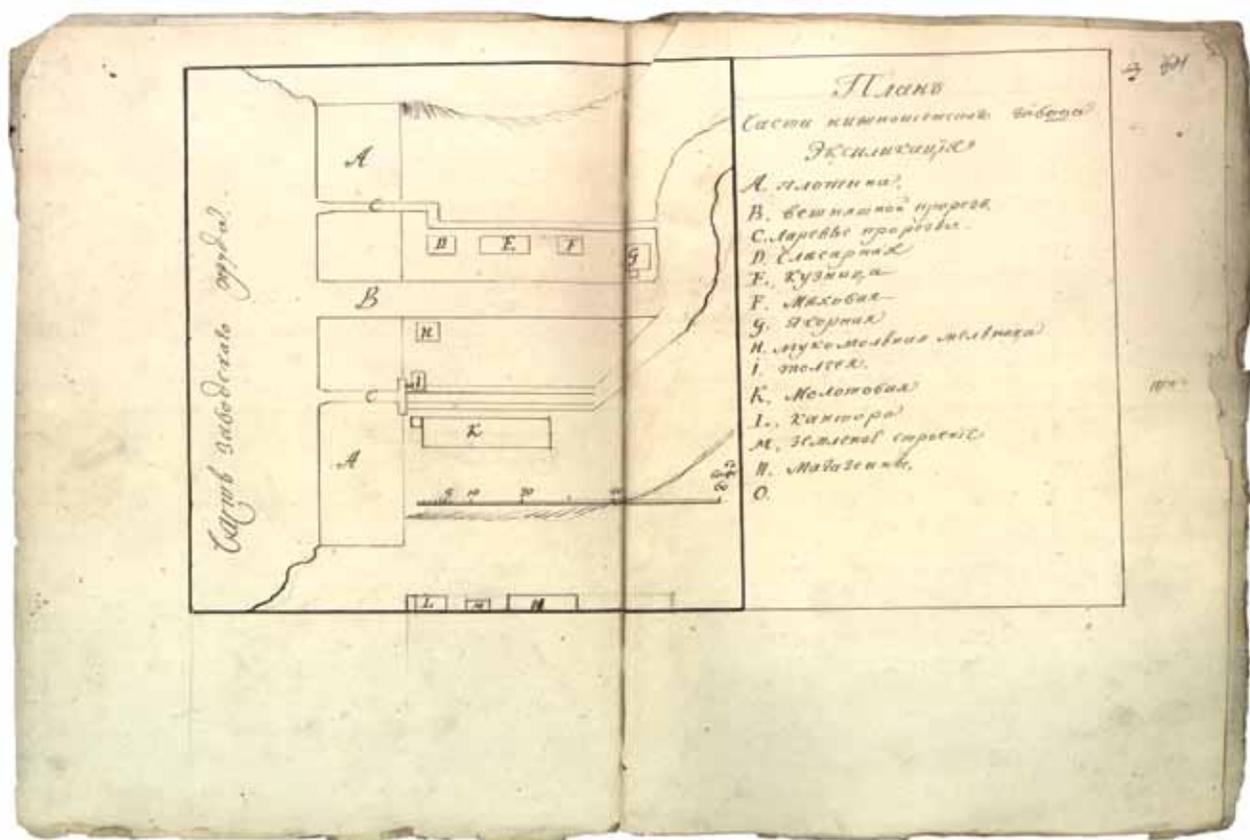
Ниже-исетское стальное дело держалось на Гумпрехте. Ему Главный начальник отправлял модели 5-копеечных, грошовых и копеечных сердечников, от него запрашивал готовую сталь на монетный двор в Екатеринбург. А тот рапортовал «на немецком диалекте», как идет дело: «Для первого цементования положено было в печь железа 137 пуд, из которого и получено сырой стали то ж число. Из каковой проковано 50 пудов. А для вторичного цементования положено в печь обще со 111 пудами железа. Следовательно, во второй раз было в печи цементовано 111 пуд железа на сырую сталь» [23]. Показательно, что завод возглавлял тогда титулярный советник Михаил Ларин, человек, мало сведущий в заводском правлении, но зато в совершенстве владевший немецким и шведским. Прежде он служил на Выборгской таможне, затем переведен был в новорожденную Пермь на укрепление налоговых структур, а уже оттуда И.Ф. Герман вызвал его на Пышминскую фабрику к переводу немецких бумаг по стальному делу. Теперь контакт с Гумпрехтом почитался важнее заводского опыта, ибо по-европейски налаженное стальное дело было новым не только на Урале, но и во всей империи. По крайней мере, так утверждал сам Гумпрехт.

23. Там же. Л.761.

Возможно, он кое-что и преувеличивал, но несомненно, это был выдающийся специалист, способный основать, и в конечном счете основавший, целую отрасль.

В марте 1802 г. А.С. Ярцев затребовал в Екатеринбург 3 пуда «калиброванной» стали для наварки на железные топоры. То было одним из последних распоряжений Аникиты Сергеевича в своей должности, в том же месяце его отозвали в столицу.

Уже ровно год как правил молодой император Александр I, в стране многое менялось. В очередной раз коренным образом было реорганизовано горное ведомство – прежняя Берг-коллегия вошла простым департаментом в состав нового Министерства финансов. А вместо екатеринбургской Канцелярии были учреждены три независимых горных начальства, в том числе Екатеринбургское. Во главе каждого встал независимый горный начальник, полномочиями не уступавший гражданскому губернатору. Екатеринбург-

ское горное начальство возглавил И.Ф. Герман, теперь уже в горном чине обер-берг-гауптмана 4 класса и в ученом звании академика. К ведению Екатеринбургского начальства относились Екатеринбургский монетный двор, Березовские золотые промыслы и все имевшиеся тогда золотопромывальные заводы, Уткинская пристань на Чусовой, а также Каменский, Нижне-Исетский и угасавший Екатеринбургский заводы.

Свое внимание на Нижнюю Исеть И.Ф. Герман обратил почти тотчас по назначении. В апреле 1802 г. он высказался о перековке уклада с остановленной Пышминской стальной фабрики. Естественно расчет строился и на собственную сталь, и вскоре же из столицы последовал указ о строительстве в Нижне-Исетске косной фабрики. Иногда ее называли и молотовой. Возвели фабрику из камня, но действовала она недолго, успев, тем не менее, потрудиться, наряду с Екатеринбургом, над правительственным заказом на косы, серпы, топоры и сохи для поселенцев в Томском и Красноярском уездах. Заведовал фабрикой «литовочный уставщик» Федот Еремеев, а курировал заказ тогдашний управитель Екатеринбургского завода Иван Подоксенов. И уже чувствовалось, что Екатеринбург постепенно отдает, а Нижне-Исетск перенимает многие из его задач.

В сентябре 1802 г. И.Ф. Герман впервые сам побывал на Нижней Исети и первым же делом обратил внимание на плотину: «По осмотру моему Нижне-Исетского завода оказалось, что тамошняя плотина, хотя построена и недавно, однако ж требует некоторой починки, потому более, что по разным частям оной с самого начала не наношено двойного количества глины к отсыпи. Да от волнения воды в некоторых местах промылась отсыпь» [24].

Присланный из Екатеринбурга плотинный мастер Егор Усольцев настаивал на выпуске на время починки заводского пруда. Гумпрехт протестовал, опасаясь остановки стального дела. Разбираться прибыли из Екатеринбурга механик Лев Сабакин и шихтмейстер Иван Подоксенов – один уже знамени-

3. План Нижне-Исетского завода, 1802 г.

ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.66. Л.303-304. Подлинник. Подробнее см. Приложение, с. 73

24. Там же. Л.311.

тый, другому еще предстояло по-настоящему прославиться. В совет, кстати, призвали некоего плотника Никулина, помнившего, как строилась плотина. Видимо, Артемия Вершинина уже не было в живых.

Год выдался опять засушливым, поэтому обмелевший пруд без хлопот частично выпустили и без особых же хлопот переправили плотину. Интересно, что и Гумпрехт поддержал решение и тем показал себя не заносчивым, но склонным к принятию разумных доводов: «При всех в плотине найденных повреждениях немец Гумпрехт показал, что плотина сия со времени ея устройства починкою поправляема не была. И что он оказавшиеся на ней провалы больше относит к размытию от дождей. И в коих хотя большой опасности он не признает, однако же и нужное исправление и починку излишним не почитает» [25]. Это важно для оценки последующих событий.

25. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.66.
Л.313об.

Как и в месяцы недавнего большого строительства, к починке плотины временно присылали мастеровых и работных из ближних мест – с Екатеринбургского монетного двора, с Березовских промыслов, с Уктуса и Каменского завода. Основную же команду мастеровых и работных людей Нижне-Исетска, по данным на 1802 г., составили 110 чел., присланных из Екатеринбурга, 50 чел. с Пышминского и Березовского золотопромывальных заводов, 20 чел. с Уктусского завода, 10 чел. с Пермских заводов. И тотчас же были определены в работу многие из их сыновей.

А малолетние сыновья мастеровых и работных людей, солдат и кое-кого из приказных служителей (писарей) определены были в заводскую школу. Действовать она начала в декабре 1802 г., первым учителем стал конторский переплетчик из мастеровых Григорий Ковригин. Всех школьников в первые годы набиралось от 30 до 40 чел., обучались они чтению и письму.

Продолжалась практика использования наемного, в т.ч. и женского труда: «Учинить публику – из крестьян, их жен и девок по миновании страдного времени явиться сюда для выноски земли... и для выстройки ж каменной фабрики на Нижне-Исетском заводе» [26]. Здесь речь шла о строительстве косной фабрики по левому берегу, но тогда же, осенью 1802 г., началось возведение в одном корпусе пильной и мукомольной мельниц. Новому мельничному корпусу отвели место по правому берегу между стальной фабрикой и «мельницей» к молотью жженого кирпича и глины, которую тогда приспособили под мукомольную: «Дабы поставленной купцом Резановым хлеб не оставался не перемолотым... Дабы приохотить к тому и поселян» [27].

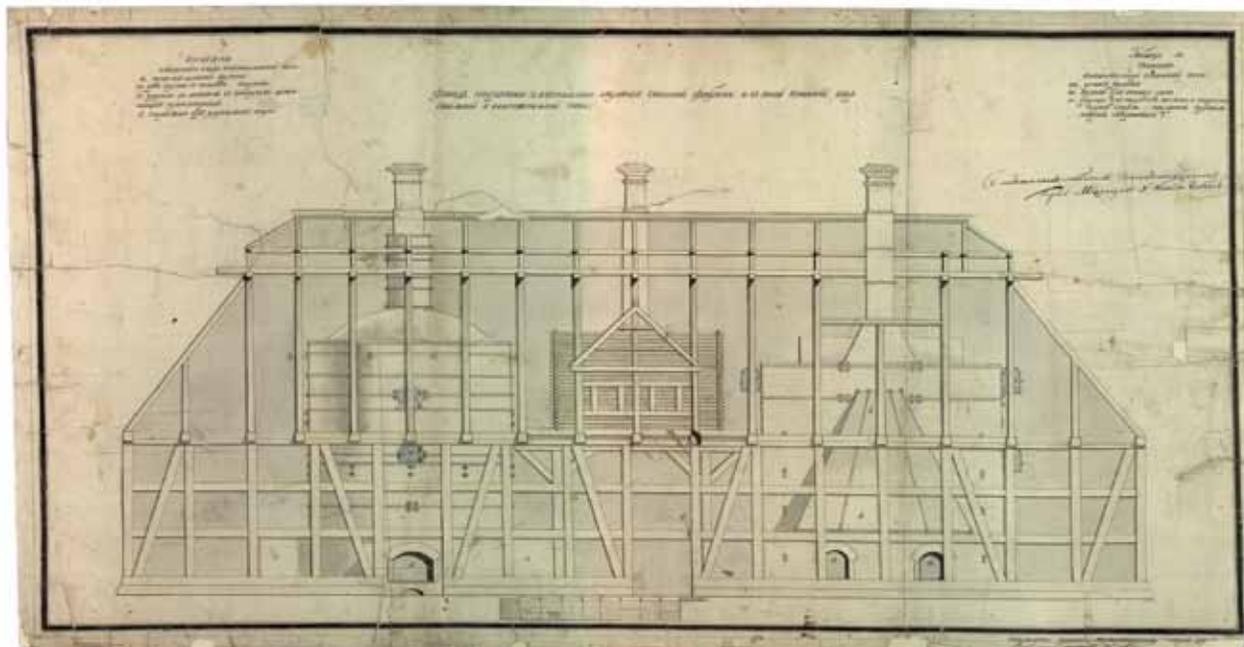
26. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.66.
Л.475.

27. Там же. Л. 402, 402об.

Вводились и другие новшества, из которых самым заметным было переустройство косной фабрики под обычную молотовую. Здесь боевые кричные молоты расковывали привозные с Каменского завода железные крицы в полосовое железо. Конечно же, в сравнении с инновационным стальным производством обращение к технологии прошлого века было шагом назад. И хоть на устройстве при заводе молотовой фабрики на 9 молотов настаивал сам Гумпрехт, использовать ее он предполагал для проковки стали. По расчетам его, таковой должно было получаться в год из трех «цементовых» печей от 10 до 15 тыс. пудов: «Смотря по тому, каких сортов сталь будет» [28].

28. ГАСО. Ф.28. Оп.1.
Д.112. Л.430.

Гумпрехт обещал это лично горному начальнику И.Ф. Герману еще в январе 1803 г., но к назначенному им самим сроку не сделал и половины. Выявились и другие нестыковки, и летом 1805 г. Екатеринбургский горный совет (консультативный орган при горном начальнике Германе) констатировал: «Две большие печи клажею еще не окончены, которые немец Гумпрехт обещает со всем к действию исправить к ноябрю-месяцу... Но тот же строитель Гумпрехт и в 1804 г. обещал отстроить к ноябрю, по миновании коего срока прошло уже 8 месяцев, а в круглой печи не dokonчен еще клажею и нижний свод, на

котором должен устроиться цемент-лагерь. По устройении коего останется еще класть два или три свода и от них преогромную трубу. Да и четверугольной печи цемент-лагерь также еще и поднесь не усовершенствован» [29].

В общем, появившиеся претензии, как и положено, быстро привели к конфликту. В августе Гумпрехта вызвали с отчетом на Екатеринбургский горный совет, а на пакете привычно надписали: «Известному немцу Гумпрехту». Тот посчитал это себе за оскорбление (или сделал вид, что оскорбился) и отозвался многостраничной, исполненной сарказма отповедью на тему, что его тут не ценят. И что надо бы, в конце концов, научиться обращаться к нему по имени: «Ежели же кто, имеющие надобность к нему писать, не знает, как его назвать, то тот найдет достаточное сведение в распубликованном манифесте во время отправления его из Санкт-Петербурга, равным же образом и в № 50-м “Московских ведомостей” прошедшего года. Такие благосклонные выражения, такой все милостивейший образ мыслей, кои милостивый монарх в лице всех народов своего государства к нему изъясляет, [что] должно бы по справедливости всякому служить примером» [30].

Уразумению не поддается, но никакой реакции в ответ не последовало. Ссылный позволил себе осадить чиновников губернского ранга, ссылаясь на самого императора: «Ни в каком законном отношении он к таковому высокому присутствию не состоит... По императорским повелениям он был командирован, поелику его дело единственное в своем роде и в государстве» [31].

Он доработал, кажется, до конца года (еще в октябре он делал распоряжения по молотовой фабрике), а потом был куда-то отослан. Вероятнее всего, туда, откуда недавно его вызвали множеством императорских указов. Стальное дело с его отъездом не заглохло – технический прогресс не знает обратного пути. Но непосредственно в Нижне-Исетске в 1806 г. инновационное производство было признано нерентабельным и остановилось. Вскоре же молотовую фабрику частично переоборудовали под промывальню золотосодержащей руды с Березовских промыслов. Но этим дело не кончилось. Будущее завода теперь угадывалось в тех событиях, что потрясли Европу и в которые уже оказалась втянутой Россия.

Казалось, даже и нескончаемые реорганизации горного ведомства имеют теперь какой-то иной, скрытый, смысл.

4. Нижне-Исетская стальная фабрика, 1804 г.

«Фасад поднятого плотнишного строения стальной фабрики, и в оной внешний вид стальной и очистительной печи».

ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7933. Заверенная копия. Подробнее см. Приложение, с. 72.

29. Там же. Л.451об.-452.

30. Там же. Л.453.

31. Там же. Л.453об.

Горный завод

Переломным для горного ведомства стал 1807 год – была отменена приписная система. Приписных крестьян, поголовно тянувших заводскую лямку, больше не было. Вместо приписных появились так называемые неперменные работники; их выбирали в работы как рекрутов – по одному от нескольких крестьянских дворов. В работы при Нижне-Исетском заводе направлялись неперменные работники ближних Арамильской, Белоярской и Бобровской волостей.

Вместе с приписной системой ушла в прошлое и старая Берг-коллегия. Взамен ее был учрежден Горный департамент в составе Министерства финансов (с 1811 г. он звался Департаментом горных и соляных дел). Тогда же общее местное руководство уральскими заводами сосредоточилось в Перми. Там открылось Пермское горное правление; начальником над всеми заводами стал пермский генерал-губернатор. Прежние независимые горные начальства (в 1807 г. их было четыре) были преобразованы в управления тогда же учрежденных горных округов. Главой Екатеринбургского округа, как и ожидалось, назначен был прежний его фактический руководитель – И.Ф. Герман. В подчинении его оставались все те же предприятия. Лишь закрылся Екатеринбургский завод.

Да, 1 мая 1807 г. официально прекратил действие Екатеринбургский завод. Производственные площади его были переданы монетному двору, а часть оборудования отправлена в Нижне-Исетск. Туда же были переведены многие екатеринбургские мастеровые и заводские служители, включая и последнего управителя Екатеринбургского завода Ивана Никитича Подоксенова. Сын екатеринбургского мастерового, образование получивший в екатеринбургских школах, возглавил теперь Нижне-Исетский завод. На посту ниже-исетского управителя ему суждено было прослужить четверть века – это едва ли не рекорд пребывания казенного заводского начальника в своей должности. Вообще, среди уральских заводских управителей XVIII – XIX вв. И.Н. Подоксенова можно считать одной из самых ярких и масштабных фигур. А сам Нижне-Исетский завод, казалось, перенял в те майские дни что-то от исторической миссии Екатеринбургского горного завода, основанного генералом Генниным.

Символично, что вскоре же на Нижнюю Исеть перевезли из Екатеринбурга деревянную Вознесенскую церковь. В Екатеринбурге она была выстроена в конце 1760-х гг. по настоянию и частично на деньги заводских мастеровых. В Екатеринбурге она стояла в мастеровой Мельковской слободе, под горкой, на которой в конце XVIII в. возвели уже каменную Вознесенскую церковь. И.Н. Подоксенов так передал просьбу заводчан: «Жители здешнего Нижне-Исетского завода изъявляют, что они есть православной соборной апостольской церкви христиане, но для приношения Всевышнему Богу жертвы и прочего христианского обряда не имеют богослужебного храма... На что и просили они Градо-Екатеринбургской Вознесенской церкви у прихожан согласия, чтоб к сему богоугодному делу принести им из города в здешний завод прежде бывшую в служении, а ныне состоящую порожнюю, деревянного здания Вознесенскую церковь» [32].

В Нижне-Исетске перевезенную церковь собрали по бревнышку и установили в обывательских кварталах по правому берегу реки, при кладбище. Первым заводским священником стал Лев Флоровский, носитель известной в Екатеринбурге и на Урале священнической фамилии. А дьячок Петр Максимов с 1809 г. учил в заводской школе грамоте и письму ниже-исетских мастерских

32. ГАСО. Ф.25. Оп.1. Д.1506. Л.1.

и солдатских детей. И ставил оценки: «понятия и успехов хороших», «успевает довольно хорошо», «успевает не худо», «успевает средственно». Имелось, впрочем, ниже-исетским школьникам и другое задание: каждую весну школьников 10-13 лет со всех окрестных заводов направляли на Березовские промыслы к разбору золотых руд и промывке песков. Заводская школа размещалась первоначально в некоем «земляном строении», впоследствии отданном под заводскую полицию. Что-то вроде обширной землянки, надо полагать.

Относительно деревянной Вознесенской церкви следует еще добавить, что, согласно авторитетному церковному изданию нач. XX в., она была первоначально выстроена на Торговой площади Екатеринбурга, а уже оттуда перенесена в Мельковскую слободу [33]. Однако по нашим данным, деревянная Богоявленская церковь с Торговой площади была перенесена в конце 1770-х гг. на новое городское кладбище, где была освящена как Успенская и явилась первой постройкой будущего Тихвинского монастыря. А Вознесенская церковь была выстроена по проекту известного уральского горного офицера Афанасия Кичигина.

Так или иначе, деревянная Вознесенская церковь Нижне-Исетска дожила до советских времен и оказалась таким образом единственной деревянной екатеринбургской церковью XVIII века, увидевшей век XX-й.

Екатеринбург же с закрытием своего завода был провозглашен «горным городом», единственным городом империи, относившемся к горному ведомству. Для Нижне-Исетска он был важен тем, что здесь размещалось управление Екатеринбургским округом – Главная контора Екатеринбургских заводов. На ближайшие почти восемьдесят лет ниже-исетскому управителю и Нижне-Исетской заводской конторе предстояло отчитываться пред нею и пред екатеринбургским горным начальником.

Еще нужно отметить, что с мая 1810 г. И.Ф. Герман постоянно жил в Петербурге и лишь регулярно слал указы в екатеринбургскую Главную контору. В ней в то время распоряжались обер-берг-мейстер Андрей Булгаков и обер-гитен-фервальтер Адольф Агте.

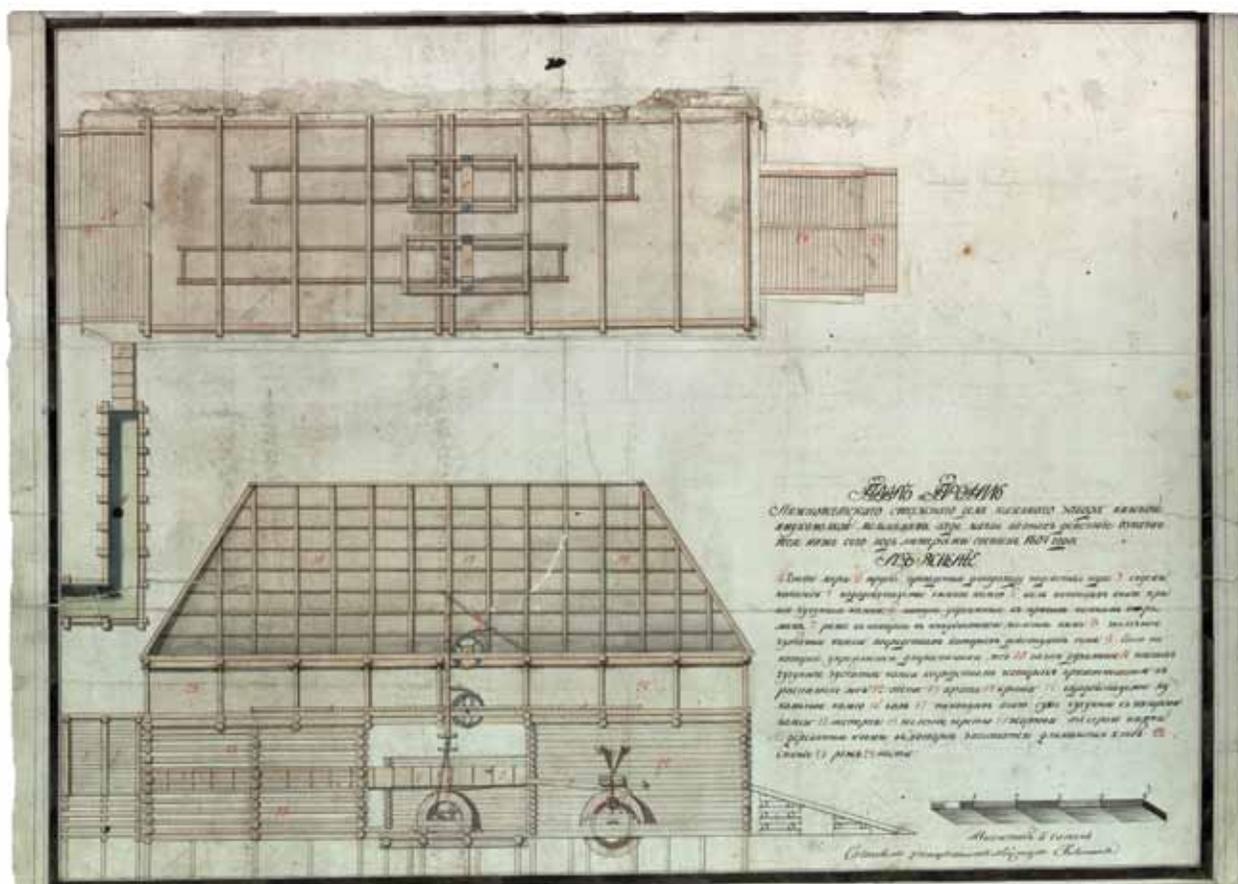
И вот в ноябре 1810 г. под их председательством, с приглашением управителей Каменского и Нижне-Исетского заводов маркшейдера Александра Мамышева и гитен-фервальтера И. Подоксенова и при участии еще нескольких горных офицеров в Главной конторе состоялось важное совещание. Зачитано было обращение военного министра к министру финансов (как помним, горный департамент входил в министерство финансов) о том, что войны не избежать: «Неотложные меры обеспечения границ нашей Империи необыкновенно увеличиваются» [34]. В связи с этим Артиллерийский департамент Военного министерства назначал трехлетний наряд на пушки пяти видов – 24, 18, 12, 6 и 3-фунтовые (калибр определялся весом ядер), 5- и 2-пудовые мортиры, пудовые и полупудовые единороги. Назывались адреса отправки: Финляндский, Лифляндский, Киевский, Астраханский и Сибирский департаменты. Но с важной оговоркой: «Места сии, как и требуемое на оные количество орудий и снарядов, по неизвестности, в котором именно краю потребуетя оборона, непременно навсегда оставаться не могут» [35]. На заводы Екатеринбургского округа возлагался наряд для Астраханского и Сибирского департаментов. Но сделано было важное уточнение: «Сибирский департамент меньше имеет теперь надобности в орудиях и снарядах, нежели Киевский... Все орудия и половину снарядов, принадлежащие первому, обращаются на последний» [36]. Пунктом назначения орудий для Киевского департамента был город Калуга – будущее западное направление.

33. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С.34.

34. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.274. Л.121.

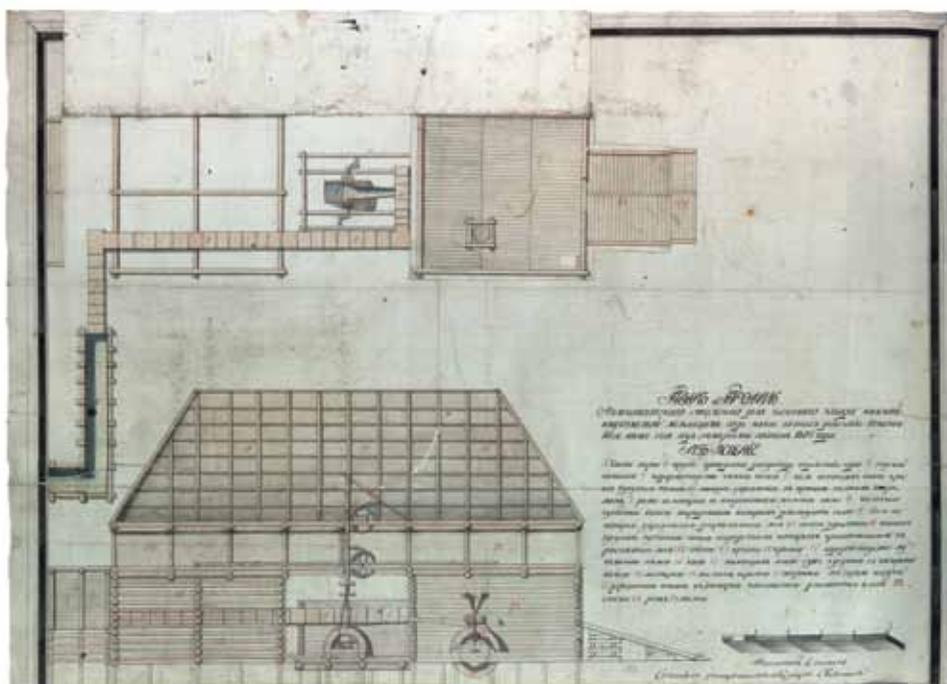
35. Там же. Л.123.

36. Там же. Л.123об.

5. Пильная и мукомольная мельницы Нижне-Исетского завода, 1807 г.

«План и профиль Нижне-Исетского стального дела казенного завода пильной и мукомольной мельницам» ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7937. Подлинник. Подробнее см. Приложение, с. 76-78.

37. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.267. Л.145.

38. Урал в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов под ред. В.В. Данилевского. Свердловск, 1945. С.130-133.

Всего требовалось отлить за 1811-1813 гг. 1284 орудия, в основном, 3-, 6- и 12-фунтовые пушки [37]. Официальный отчет о выполнении наряда опубликован в известном сборнике документов историка В.В. Данилевского [38].

Отливать чугунные орудия во всем Екатеринбургском казенном округе мог лишь Каменский завод с его домной. После отливки у пушек, точнее у пушечных болванок, полагалось высверливать стволы изнутри и обтачивать снаружи, и для этого на Каменке имелись пять «свирельных» (т.е. сверлиль-

ных) станов. Теперь же, для выполнения наряда 1811-1813 гг., требовалось расширить производство, но Каменский завод, ограниченный, как и все уральские заводы, возможностями своего пруда, сделать этого не мог. Поэтому неизбежно зашла речь о Нижне-Исетске с его многоводным прудом.

Тогда же впервые упомянуты были вагранки – малые чугунолитейные печи: «Господа члены присутствия единогласно одобряют построение нескольких вагранок из кирпича, оставшегося от построения известного немца Гумпрехта... На первый случай предполагают г-да члены построить при Нижне-Исетском заводе три таковые вагранки. К каковой постройке немедленно и приступить» [39]. Нижне-исетские вагранки предполагалось использовать исключительно к отливке снарядов. Впрочем, было сказано: «Ученых сему делу литейщиков теперь не имеется» [40].

39. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.274. Л.330об., 331.

40. Там же. Л. 331.

Вскоре же горный начальник И.Ф. Герман из Петербурга и пермский генерал-губернатор К.Ф. Модерах одновременно известили, что отливка снарядов передается казенным Гороблагодатским и Камским заводам, а также распределяется меж частными заводами. Тем не менее, на Нижней Исети одну вагранку успели возвести. Для того специально с Каменки прибыли четверо мастеровых во главе с фурмовым подмастерьем Алексеем Свиным, и сложенная под их руководством «воздушная печь» использовалась впоследствии к литью заводских припасов.

Гораздо более важным оказалось решение о сверлильном производстве (далее мы будем придерживаться тогдашнего названия «свирельный»).

Незадолго до памятного совещания Адольф Агте и каменский управитель А. Мамышев (в недавнем прошлом ниже-исетский управитель) специально заезжали в Нижне-Исетск и теперь совместно с И. Подоксеновым высказались о строительстве в заводе свирельной фабрики на шесть станов. А в перспективе и другой фабрики с такой же мощностью. В штате каждой фабрики должны были трудиться мастер, 4 кузнеца и 24 работника: «Но людей при всех заводах очень мало, не упоминая, что знающих свирельное дело, кроме мастеровых Каменского завода, совсем не имеется» [41]. Поэтому, как и в случае с вагранкой, приходилось рассчитывать на каменских мастеров.

41. Там же. Л.330.

Действительно, с Каменки на Нижнюю Исеть прибыли свирельный мастер Васильев (вскоре же умер) и подмастерье Прокофий Косяков [42]. В 1811 г. в свирельную же фабрику Нижне-Исетска повторно был прислан фурмовой А. Свиным – «как знающий заделывать раковины» [43]. Фабрика заработала в конце того года, хоть и вполсилы: «Свирельные станы не всегда в полном числе обращаются от малоимения здесь мастеровых и рабочих людей, которые от сего действия частью повременно отделяются к чугунолитейной печке для отливки разных припасов, нужных к свирельному производству и прочему действию завода, поелику с Каменского завода никаких припасов давно уже, хотя и требуются, не доставляются» [44].

42. Ф.28. Оп.1. Д.268. Л.204.

43. Там же. Л.127.

44. Там же. Л.77об.

Итак, становилась ясной схема будущего артиллерийского производства. Каменский с Нижне-Исетским заводом составляют комбинат: на Каменке, главным образом, отливка пушечных болванок, на Нижней Исети – их сверление и обточка. Ясным же становилось и стремление заводских управителей: «На Каменском заводе управителем учинен опыт, что можно по три вдруг орудия отливать из доменной печи...». А в марте 1812 г. докладывал уже И. Подоксен: «Устроил вододействующую машину, на заводах уральских еще не бываемую, которую и поместил в одном корпусе свирельной фабрики на свободном колесе. Машина сия с таким успехом обделку производит, что в сутки, т.е. в две смены, приводит в совершенную исправность 3 пушки, с занятием только на каждую смену по 2 человека мастеровых».

Тогда же разворачивалось одно из важнейших в истории Нижне-Исетска событий.

45. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.271. Л.168.

В декабре 1811 г. из Главной конторы Екатеринбургских заводов за подписью обер-берг-мейстера А. Агте получен был указ о направлении на Нижнюю Исеть с пермского Юговского завода мастерового Якова Зотина: «И о позволении ему сделать из железа пушку» [45]. Решение-де принято на самом верху – в Департаменте горных и соляных дел, и имя Зотина прозвучало уже и в Военном министерстве. И в судьбе мастерового принимают участие и горный начальник И.Ф. Герман, и сам директор Горного департамента Андрей Федорович Дерябин.

46. Там же. Л.169.

До перевода на казенный Юговской завод служил мастер на Верх-Исетском заводе Яковлевых: «Обучился там разным ремеслам. И по многим опытам нашел средство с лучшею надеждою и прочностью делать из железа, наподобие стали, пушки так, что оные против имеющихся в армии таковых же медных равной пропорции зарядов действовать могут не токмо на равную дистанцию, но и превосходством» [46].

Сделаем здесь краткое и для многих неожиданное отступление.

Дело в том, что уральские чугунные пушки, прославленные многими историками, в реальности очень многим портили жизнь и на уральских заводах, и в русской армии. Подлинным бичом чугунно-пушечного производства были «раковины» внутри стволов и «ноздри» снаружи. Не менее половины пушек, точнее пушечных болванок, приходилось браковать уже на этом этапе. Далее, на этапе внутреннего сверления и наружной обточки стволов случались неизбежные и частые повреждения, из-за которых приходилось браковать еще не менее половины пушек. Наконец, в ходе указных пробных стрельб на заводских полигонах разрывало, по нашим данным, не менее трети стволов или же по свидетельству признавалось негодными. Таким образом, в армию поступали, может быть, одна или две пушки от десяти первоначально отлитых. Из армии также постоянно приходили нарекания на оказавшиеся негодными к стрельбе или разорвавшиеся чугунные пушки.

47. Подробнее см.: Корепанов Н.С., Курлаев Е.А., Побережников И.В. Технико-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII-XVIII вв. Екатеринбург: БКИ, 2011. С.117-134.

В качестве примера можно привести полную драматизма долгосрочную производственную операцию, длившуюся на Каменском заводе все 1760-е годы. Растянувшаяся на десять лет попытка усовершенствовать чугунно-пушечное литье практически не дала результатов [47]. Несомненно, что основной технологической причиной тому бедствию была хрупкая структура самого чугуна. До сих пор проблема нехватки качественных орудий решалась лишь за счет пушек из меди – металла более пластичного, но и в несколько раз более дорогого.

Поэтому известие о некоей пушке из железа, «наподобие стали», близкой по свойствам к медным пушкам, вызвало подлинный ажиотаж и в горном, и военном ведомствах.

48. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.271. Л.175.

В марте 1812 г. мастеровой со всем семейством перебрался в Нижне-Исетск. С приданными ему людьми трудился мастер два месяца и в мае представил готовое изделие: «Железная небольшая пушка, совсем сделана, высверлена и обточена, весом в 14 пуд 37 фунтов» [48]. И в день начала войны, 12 июня 1812 г., во всеуслышание объявил, что ни убавлять, ни прибавлять ни в котором ее месте не собирается: «В присутствии конторы объявил, что железную пушку к пробе представить желает не иначе, как в каком она ныне виде находится. А в прочем ничего до опробования не переменять» [49].

49. Там же. Л.178.

В общем, выглядело это так, что на далеких заводах появилось в самый критический момент нечто стратегической важности – секретное оружие русских. И что не страшен теперь сам Бонапарт.

1812 год

Удивительно все же, как с приходом внешней угрозы меняется порядок работы, порядок жизни, даже сам национальный характер. Вместо обычного русского простодушия, снисходительности и беспечности откуда-то берутся злое упрямство, почти маниакальная придирчивость и внимание к мелочам и железная, фанатичная воля.

В марте 1812 г. обер-берг-мейстер Агте настоятельно рекомендовал до отправки весеннего каравана с артиллерией удерживать мастеровых и рабочих людей Каменского и Нижне-Исетского заводов от выходных и праздников. А в мае, уже после отправки каравана, под сим подписались все работники нижне-исетской «свирельны»: «Обязываемся мы все сверлить и обтачивать чугунные орудия, чтоб из числа нас никого со станов на другие работы не переводить. Но если же в сие время высверлить и обточить орудие не успеем, то должны работать воскресные и праздничные дни без получения за оные положенного жалованья» [50].

50. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.267. Л.30-30об.

Уместно назвать их по именам: подмастерье Василий Колмогорцев, работники Дмитрий Алферов, Михайло Антипин, Евсей Бабин, Семен Волегов, Трофим Дубровин, Клементий Карякин, Иван Коптелов, Василий Коровин, Иван Коровин, Михайло Кузнецов, Григорий Лешуков, Михайло Михайлов, Михайло Мичурин, Евдоким Морозов, Никита Осокин, Михайло Паршаков, Василий Родионов, Василий Сивков, Яков Собенин, Андрей Сураков, Алексей Телегин, Егор Трусов, Федор Федоров, Иван Черноскутов. При фабрике у заделки «раковин» по-прежнему состоял и литейный подмастерье А. Свиньин.

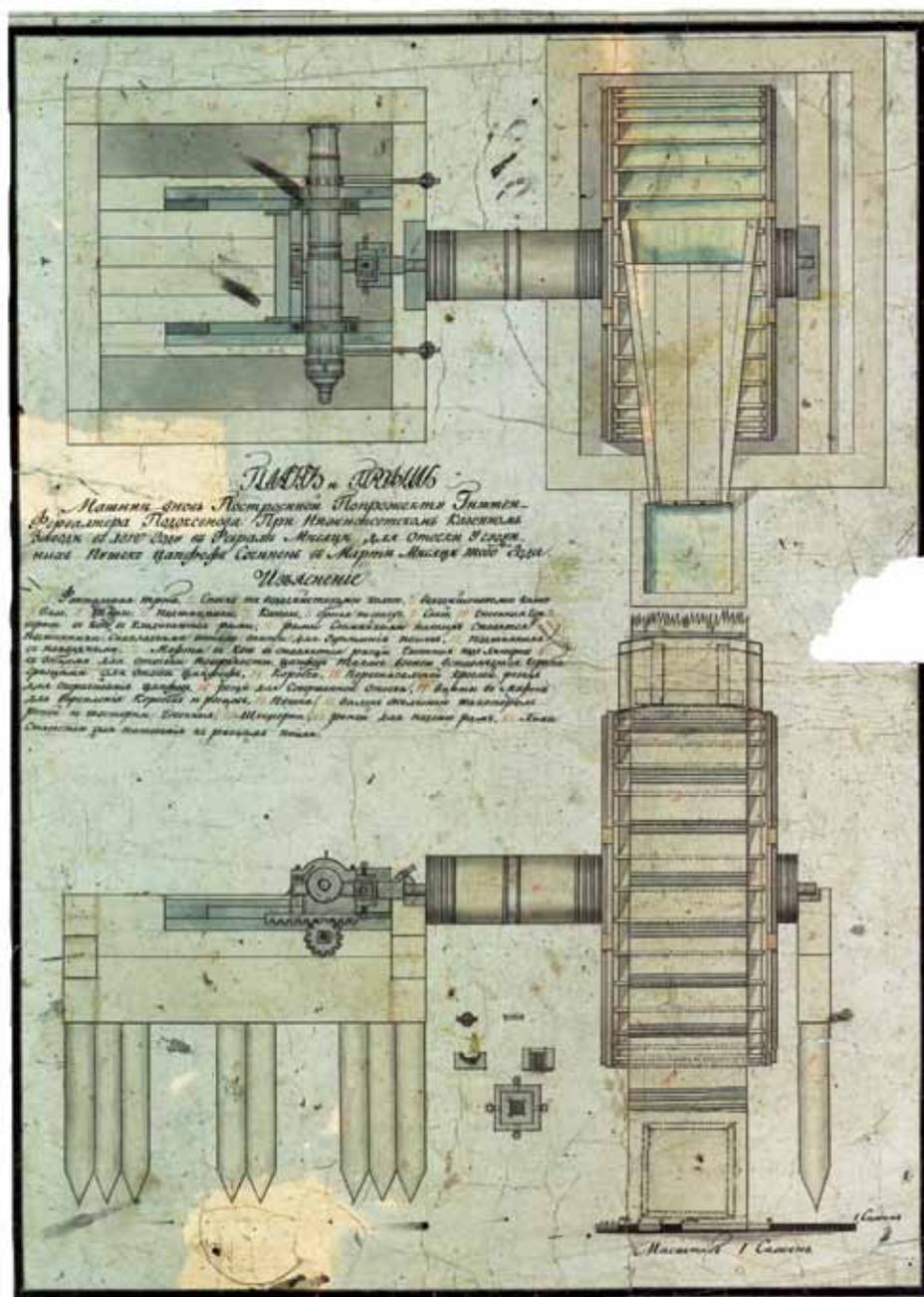
Уместно также сказать, что 1812 год на Нижней Исети, как и во всех уральских заводах, прошел нервно и тяжело, но без патриотического пафоса. Ни в одном указе из Екатеринбурга или столиц не прозвучало никаких призывов, и ни разу даже не были произнесены слова «Отечественная война».

Порядок был такой: вольнонаемные возчики – крестьяне окрестных селений – везут 90 верст с Каменки пушечные болванки, в Нижне-Исетске их рассверливают и обтачивают, приемщик от Артиллерийского департамента свидетельствует по чертежам, затем тремя выстрелами опробует на полигоне. Годные пушки отправляют по снегу с подрядными возчиками на казенную Уткинскую пристань. Нельзя забывать, что ритм производственной жизни определяли весенние караваны. Заводская продукция поступала к потребителю спустя год после отправки по Чусовой.

Приемщиком орудий от Артиллерийского департамента только что прибыл штабс-капитан Масалов. Именно под его командой пушки, прославившие русскую армию, делали свой первый выстрел на нижне-исетском стрельбище. И памятный год на Нижней Исети начался с его отбраковки восемнадцати 3-фунтовых орудий, из 78-и присланных с Каменки. Неслышанное дело при прежних приемщиках.

Екатеринбургская Главная контора (Агте) немедленно издала гневный указ: «Прежде производилась отливка сперва весьма тонко, тако, что орудия по отточке в частях не выходили, а цапфы [нем. Zapfen – шип, втулка; крепление орудия на станке] были поставлены не на своих местах, а кривы... А первого литья около 40 болванок тонких, косых, ноздреватых, с кривыми цапфами, или признаны за совершенно негодные» [51]. Затем высказался из Петербурга сам Герман: «При пробе в Нижне-Исетском заводе разрывает некоторые [орудия] на девять, а другие на четырнадцать частей... полагаю,

51. Там же. Ф.28. Оп.1. Д.268. Л.109об.

6. Машина для отточки пушечных цапф по проекту И. Подоксенова, 1812 г.

«План и профиль машине, вновь построенной по проекту гитен-фервальтера Подоксенова при Нижне-Исетском казенном заводе в 1812 году в февраль-месяце для отточки у чугунных пушек цапфов. Сочинен в марте-месяце того ж года.»

ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7929. Подлинник. Подробнее см. Приложение, с. 82-83.

что происходит сие единственно от небрежности при отливке орудий... Дабы старались отливку производить во всем следственно с инструкцією, а при том и чугун выбирать лучшего качества» [52].

52. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.267. Л.46.

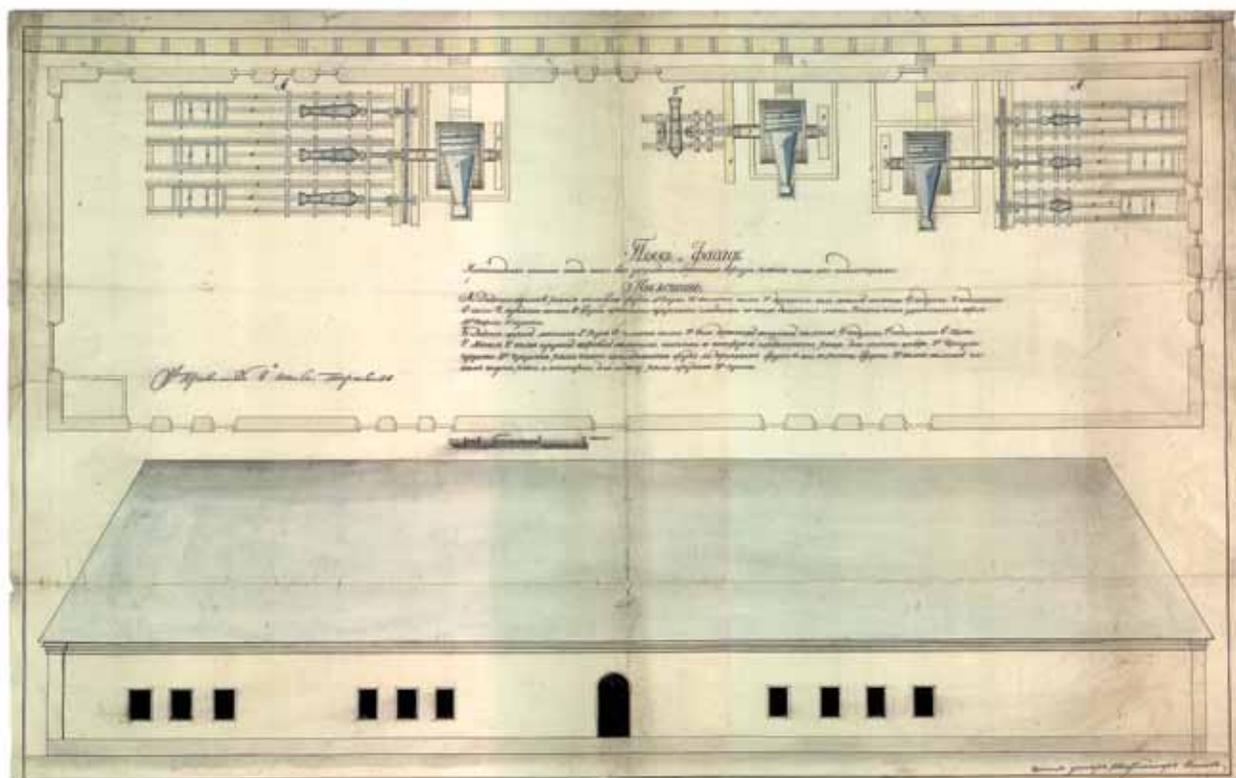
Почти тотчас изменился сам порядок опробования орудий, неизменный со времен Петра I: «Тогдашний порох по пробному месту бил на 73 фута. А порох, ныне приготавливаемый, имеет гораздо преимущественную силу, противу прежнего бьет на 120 футов. Количество оно на пробу, действительно, не соразмерно» [53].

53. Там же. Л.47об.

И.Ф. Герман высказал также сомнения относительно действий штабс-капитана: «При калибровке г-ном Масаловым наблюдается неумеренная и не отвечающая потребности орудий аккуратность, ибо недостающая половина дюйма поставляется им в погрешность» [54]. Немыслимо себе представить: природный немец обвиняет русского в излишней аккуратности!

54. Там же. Л.48.

Но штабс-капитан так и не отступил на эти полдюйма, да и в самом Артиллерийском департаменте твердо заявили позицию: «Заводским конторам не пробованные и не свидетельствованные орудия не отправлять на пристань.

В противном же случае, обратная перевозка их останется на ответе тех контор. А пробу в зимнее время производить, когда морозы будут не свыше 10 градусов [очевидно, по Реомюру – Н.К.]» [55].

Мы далеки от мысли искать здесь правых или неправых, но следует знать: 1812 год на Нижней Исети прошел, помимо прочего, в нескончаемых перепалках меж управителем Подоксеновым и артиллерийским приемщиком Масаловым. Допускаем даже, что волнами докатилось до Нижне-Исетска что-то скрытое от глаз, творившееся в ту пору в высших эшелонах горного и военного ведомств.

Еще до начала войны штабс-капитан считал себя в праве вмешиваться в руководство, чего, видимо, было не избежать.

«Прошу оную контору, дабы из привезенных болванок с Каменского завода, если которое орудие в сомнении, что цапфы и приливы по отточке не обещают требуемой точности, то таких не ставить на стан, дабы не потерять излишнего труда в отделке орудий» [56].

«Предписано указом Нижне-Исетской конторе отделить от работ 16 мастеровых для заделу раковин на забракованных мною орудиях. Прошу оных представить к забракованным орудиям, коим я покажу, на которых орудиях можно учинить поправку» [57].

С началом же войны тон его еще более ужесточился: «Известно мне, что во оном заводе засекают вес на орудиях, не придерживаясь ни к какому правилу – ни к плотности металла, ни к настоящему весу. Но как Артиллерийскому департаменту весьма нужно, чтобы орудия были точны во всех отношениях, почему и прошу контору приказать непременно орудия весить, как возможно вернее, и на лучших весах в фунтах. И если переходит за полуфунт, то и показывать с полуфунтом» [58].

Впрочем, конфликтов штабс-капитан не искал, а в тяжелые времена иной раз и сам брался за черную работу: «Для удостоверения в неверности цапф в забракованных мною орудиях прошу прислать ко мне лучшего столяра для показания ему сделать цилиндр, показывающий центральность и положение цапф» [59].

Мы подчеркнули эту сторону дела и задержались на этой не самой важной в истории Урала личности, дабы ясной стала ситуация в Нижне-Исетске, да,

7. План сгоревшей свирельной фабрики Нижне-Исетского завода, 1820-е гг.

ГАСО. Ф.25. Оп.1. Д.7944 (1). Подлинник. Подробнее см. Приложение, с. 84-85.

55. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.268. Л.43-43об.

56. Там же. Л.45.

57. Там же. Л.110.

58. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.267. Л.107.

59. Там же. Л.122.

в каком-то смысле, и на всех уральских заводах. И еще раз подчеркнем: не звучало тогда по заводам громких слов об угрозе Отечеству – был изматывающий и кропотливый труд.

С началом войны тотчас же усилились требования по артиллерийскому наряду: «С екатеринбургских [имеется в виду Екатеринбургского округа – Н.К.] Каменского и Нижне-Исетского заводов в прошлый и нынешний караван отправлены были все орудия одного рода, исключая мортир. Но для Артиллерийского департамента Военно-сухопутного министерства потребно, чтобы в число наряда, на Екатеринбургские заводы в три года расположенного, было бы отливаемо и отделяваемо соответствующее количество всякого рода орудий... Почему и просит предписать Каменскому заводу начать отливку частию единого рода и мортир, которые почитаются за нужнейшие и полезнейшие орудия. По большому ж количеству воды при Нижне-Исетском заводе единого рода могут быть с успехом отделяваны» [60].

60. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.267. Л.76.

Уже в июле стало очевидным, что Каменский завод не поспевает с поставкой к сверлению пушек малых калибров – 3-, 6- и 12-фунтовых: «Для сверления и обточки на станах свирельных при заводе Нижне-Исетском не имеется пушек в болванках двенадцати- и шестифунтовых калибров. О доставлении коих сюда и писано в контору Каменского завода, но однако оных поныне в присылке не имеется... При здешнем заводе пушек в болванках 6- и 3-фунтового калибра к сверлению не имеется... Действие свирельное совсем почти останавливается» [61] Впрочем, благодаря простоте, удалось безболезненно распустить мастеровых на покос – обычный и обязательный порядок на уральских заводах. Ради же ускорения приема отлитых орудий из Нижне-Исетска на Каменку отправлялись теперь и припасной смотритель, и обычные мастеровые. И надо помнить, что в наступившее время прежняя дежурная формальность повсеместно превратилась в свирепый досмотр: «Видится строгое оной [Нижне-Исетской – Н.К.] конторы наблюдение о браковке орудий... И даже принятые командированным от оной конторы мастеровым Степаном Чудовым, знающим свирельное искусство, в болванках орудия, к удивлению, оказались еще несовершенными» [62].

61. Там же. Л.83, 92.

62. Там же. Л.71-71об.

Из Екатеринбурга распорядились также каменскому и нижне-исетскому управителям проводить впредь совместное освидетельствование.

Совместный прием пушечных болванок на Каменке предложил проводить сам управитель Каменского завода гитен-фервальтер Александр Грамотчиков, сын упоминавшегося Ф.Л. Грамотчикова: «Приказать для приема отлитых в болванках орудий прибыть самому г-ну управителю Нижне-Исетского завода, который, как полагать должно, по опытности уже своей в свирельном искусстве мог бы чрез прием и личное свидетельство отвратить все последствия [брака при отливке – Н.К.], дав безостановочный ход свирельному производству... Отлучка г-на управителя Нижне-Исетского завода может быть производима в месяц один раз, в которое всегда будет готовых отлитых орудий до сорока болванок» [63]. Как видим, И.Н. Подоксенов почитался тогда уже одним из опытейших специалистов по «свирельному» делу.

63. Там же. Л.88об.

В августе он, действительно, побывал на Каменке, но уже в сентябре не мог себе того позволить: «При заводе здешнем к сверлению пушек 3- и 6-фунтового калибра в болванках состоит малое количество. За приемом коих хотя бы и следовало быть на Каменском заводе самому г-ну управителю, но как он занят весьма нужными делами, требующими скорого выполнения, препровождается при сем свирельный подмастерье Василий Колмогорцев» [64].

64. Там же. Л.125.

В то время получено было из Петербурга очередное развернутое распоряжение И.Ф. Германа: «По требованию Артиллерийского департамента в будущем 1813 г. должно будет сверх прочих казенных заводов располо-

жить отливку орудий на Екатеринбургские и Златоустовские заводы... Рекомендую Главной конторе Екатеринбургских заводов иметь наблюдение, дабы пушки от лучшего качества чугуна выходили чистые и гладкие, а потому к отделке и сверлению годные... Отлито ко 19 июля 1812 г. и отправлено в других караванах только 390, следовательно остается еще большая половина не исполненной, что происходит от недостатка в сверлении... Орудия на 1811 и 1812 гг. еще недостающее число 454 пушки и в течение 1813 г. назначенное количество непременно были бы приготовлены в свое время и на пристань отправлены». Горный начальник требовал весь имевшийся на Каменке чугун отныне пускать исключительно на орудия, а свирельное производство на Нижней Исети расширить: «Устроить при Нижне-Исетском заводе еще вновь потребное число свирельных станков, к чему и приступить без наималейшего отлагательства» [65].

65. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.267. Л.147-147об.

Итак, в конце сентября 1812 г. в Нижне-Исетске, наряду с выполнением артиллерийского наряда, в авральном порядке приступили к строительству второй свирельной фабрики на шесть станков. Три из них предназначались для сверления и обточки орудий больших калибров: «Так как на нынешних нет возможности с успехом высверливать от 18 фунтов и далее» [66].

66. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.274. Л.111.

Станы со всем оборудованием отливались на Каменском заводе под надзором подмастерья А. Свинына. А все прочие работы сумели вытянуть, не прибегая к нарядам, используя лишь экономические рычаги. Так, по настоянию А. Агте, доставили сосновые бревна к строительству: «Дабы не отяготить чрезмерным количеством работ непреходящих работников, перевозку сих бревен произвести посредством приглашения вольных людей за умеренную цену, не превышая той, каковую платят частные люди за перевозки» [67]. Поденно платили и вольным работникам на самом строительстве – от 25 до 50 копеек в день. Нанимались к строительству жители окрестных деревень – в основном, естественно, из Арамильской волости. И почти половину строительных работ взвалили на женские плечи.

67. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.267. Л.161об.

По нашим подсчетам, до конца года на строительстве в общей сложности успели потрудиться 522 поденных работника, из них 248 были женщины. Строительство продлилось до февраля 1813 г., причем из Екатеринбурга постоянно подгоняли: «Что же касается до устройства свирельных станков, то Нижне-Исетской конторе наистрожайше подтвердить, чтоб она таковые непременно строением поспешила окончить... Ныне прежнего гораздо теплее идут дни, которые время от времени должны прибывать. Следовательно, не удаляя до февраля-месяца, прилагали бы усиленную поспешность, даже и в праздничные дни. В противном случае, всякая медленность останется на ответственности управляющих, и поступится по всей строгости» [68].

68. Там же. Л.250, 256.

Это была не единственная постройка. Одновременно возводили вторую вагранку, и кое-что еще по требованию штабс-капитана Масалова: «В занимаемой артиллерийским караулом при цементовой [печи] у находящегося в ней пороха каменной будке управитель завода гитен-фервальтер Подоксенов не позволяет в нынешнюю стужу иметь огонь в нарочно сделанной для сего печке... Но как в оной будке уже почти два года содержится караул, и даже в летнее время имелся в оной огонь, и при осторожности не оказалось никакого сомнения на случай пожара... Я могу ручаться за осторожность и бдительное смотрение за огнем... А за сим прошу еще кончить начатый в начале сего года пороховой погреб и пристроить в 20 сажнях теплую малую для караула избу, т.к. малочисленная команда на заводе не может фрунтового на три смены караула, а содержит внутренний» [69].

69. Там же. Л.227-227об.

Несмотря на многими упоминавшуюся стужу того года, в декабре, по давно заведенному порядку, вольные крестьяне-возчики начали возить гото-

вые орудия на Уткинскую пристань. С 15 марта будущего года эстафету готовились принять непременно работники: «Обязываемся мы, сколько будет высверлено и обточено при заводе Нижне-Исетском орудий чугунных, калибров 24, 18, 12, 6, 3 фунтов, перевезть из фабрик свирельных на пробное место, а оттоль для отправления на караван. Ежели на реке Чусовой будет стоять лед, то на Уткинскую, а как скоро возможности ездить не будет, тогда на Билимбаевскую пристани» [70]. Отметим здесь, что в декабре с Каменки впервые доставили к сверлению и обточке первые шесть полупудовых единорогов. И еще раз напомним, что речь идет о весе ядер, соответствующего калибра; вес же собственно перевезенных единорогов составил более 490 пудов – 77-78 пудов каждое орудие. Вообще, тяжеловесные мортиры и единороги расположены были рядом на заводы Златоустовского округа.

70. Там же. Л.251.

И накануне зимней перевозки и пробных стрельб в очередной раз высказался штабс-капитан Масалов, подтвердив тем, как тут все было непросто: «Представлены были от завода для пробы весьма худые, кособокие и совсем не имеющие надлежащего вида ядра. И хотя управитель одного завода брал на свою ответственность могущую случиться при выстрелах орудиям порчу, но для пользы государственной не может быть сие правилом. Почему и прошу контору впредь давать для пробы ядра, сходственные положению Высочайшей инструкции» [71].

71. Там же. Л.209.

И здесь самое время вспомнить мастерового Зотина.

Свою железную пушку он, как помним, представил в самый канун войны. Штабс-капитан Масалов немедленно отозвался: «Сия пушка есть новое изобретение, почему мне и надобны как верный план оной пушке, так и цель ея приустройства, дабы учинить оной осмотр и утвердительную пробу, как со стороны прожекта, так и по годности в существе ее» [72]. Он, кстати, первым обратил внимание (по крайней мере, сделал это в письменной форме), что она не литая, а выкованная вручную. Он называл ее «железо-кованной».

72. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.271. Л.190.

И.Н. Подоксенов резонно заметил: «Пушка сия сделана по умственному сего Зотина прожекту, которой плана не имеется» [73]. Он, впрочем, не упомянул, что мастеровому составить чертеж было бы не под силу по неграмотности его.

73. Там же. Л.189.

Масалов, не менее резонно, настаивал: «Вновь прожектированная пушка не имеет точного шкального 3-фунтового калибра, а более в местах полуфунтом, почему и не имеет быть опробована до тех пор, покуда не приведена в настоящий калибр 3- или 4-фунтовую. Причем же канал не ровен и с цапинами. Но как мастеровой Зотин просит неотменно выполнить поскорее предписание и желание свое, то и прошу контору предложить Зотину прописанное правило» [74]. Сверх того он затребовал подробное описание пушки. В первую очередь его интересовал расход материалов и реальная стоимость ее. Из заводской конторы отозвались, что с этим как раз все в порядке – пушка обходится дешевле чугунных: «А ежели б таковых делаемо было в пристойном одному мастеру количестве, то цена оных была б ныне обошедшего умереннее» [75].

74. Там же. Л.191-191об.

В сентябре ее довели до стандартного 3-фунтового калибра, объявили о готовности к пробе и 10 октября представили Масалову. Количество пороха к трем пробным выстрелам было отпущено как на пушку медную – более пластичную.

75. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.271. Л.192об.

Накануне проб несколько удивила позиция Зотина: «Просит сделанную им пушку опробовать, устраняя от того г-на Масалова» [76]. Одновременно он сделал в заводской конторе и громкое заявление: «Обнадеживает, что может делать разборные трех- и шестифунтовые пушки, которые будут брать с гор и болотистых мест, и по выстреле могут быть бомбардирами разобраны, и всякий из них свою часть может нести на руках, не требуя лошадей» [77].

76. Там же. Л.197об.

77. Там же. Л.197об.

Масалов же относился к предстоящим пробам более чем серьезно: «Прошу

для таковой новой пробы поставить на пробном месте деревянные подклады, дабы лучшее было можно после каждого выстрела делать наблюдение в канале. И сделать в виде приборника с деревянною дровкою поршень, обитый кожей, чтобы он как можно плотнее приходил к каналу орудия, не имея никакого зазору... Для пробы потребны ядра самые верные как в весе, так и фигурою. Почему и прошу представить четыре ядра ко мне для окалибрования их двойным кружалом... Требуется пыжи из пакли, весом в 24 золотника каждый» [78].

8. Пушка Я. Зотина в собрании Артиллерийского музея в Петербурге.

78. Там же. Л.201, 203, 204.

Испытание пушка выдержала. Надо полагать, даже с отменным успехом.

79. Там же. Л.205об.

Масалов упоминал уже в ноябре: «Сам собою одобрить орудие не могу. Но что оно ковано из цельного железа – весьма хорошо, и что выдержало надлежащую для чугунного такового ж калибра пробу, а за сим может выдержать и полное действие, в том со своей стороны положительно одабриваю» [79]. Однако же заметил не без яду, что проба проводилась, судя по его ощущениям, при морозе ниже дозволенных Артиллерийским департаментом 10 градусов: «Но на Нижне-Исетском заводе для сего нет и термометра... А что Нижне-Исетский завод не совершенно снабжен всеми нужными инструментами для принятия орудиев, сам заметил во время пробы отделанной на том заводе железной пушки в октябре-месяце, когда уже начались довольно сильные морозы» [80].

80. Там же. Л.210об.-211.

Кстати, он тогда же рекомендовал наградить Зотина дополнительным серьезным жалованьем. (В исторической литературе об этом отчего-то не вспоминают.) В дни, когда остатки «двунадесяти языков» покинули пределы России, прославившегося мастерового вызвали в контору, объявили о трехкратном повышении оклада и об отзыве Германа: «О деле сложного железного орудия нашел оное уважительным по удобности строения в нынешнее время потребной к сему машины и по совершенному недостатку в рабочих людях. А по сему, похваляя усердие и примечательную способность Зотина к делу по его проекту железных пушек, рекомендует оставить занятие его по сему предмету до удобного к тому времени» [81].

81. Там же. Л.213.

Как выяснилось в том году, русские чугунные пушки тоже на что-то годятся. Их изготовители, впрочем, повышения оклада или иного награждения не удостоились.

Меж двумя войнами

Говорят, что генералы всегда готовятся к прошедшей войне. В какой-то мере это можно отнести и к заводам, делающим пушки. И хоть масштабное пушечно-сверильное производство на Нижней Исети свернули по завершении большой войны, сама технология литья и сверления чугунных стволов сохранилась вплоть до Крымской войны.

Завершим историю Зотина.

В начале 1813 г. из Артиллерийского департамента поинтересовались: можно ли зотинскую пушку рассверлить до 6-фунтового калибра? В феврале Зотин отвечал: «Желает и надеется он, рассверля канал при утонении стен, что его орудие выдержит пробу» [82]. А спустя два месяца объявил о новом изобретении. Точнее сказать, об озарении, поскольку чертежа опять не было, а объяснить неграмотный изобретатель мог лишь на пальцах: «Вновь изобретаемое им сухое колесо, имеющее действовать без огня, воды и паров, может быть годно ко всякому заводскому действию или машине. Ежели благоугодно будет привести сие в испытание, то повелено бы было с мая-месяца сего года начать его строить. К чему и потребно будет занять лучших плотников, кузнецов и слесарей до двадцати человек» [83].

Сухого колеса так и не начали строить, да и, строго говоря, не ясно, чем бы оно принципиально отличалось от множества колес и приводов сухой передачи, что устраивали на Урале с середины XVIII века.

Кажется, к тому времени мастер уже несколько переоценивал себя и свой вклад в общее заводское дело. Во всяком случае, директор Горного департамента А.Ф. Дерябин, сын приходского священника, сам начинавший с заводских низов, вдруг объявил, что Я. Зотин добивается встречи с Александром I: «Мастеровой Зотин просит о доведении до Высочайшего сведения изобретения его железных пушек и сухого колеса..., также о вспомоществовании ему на проезд в Петербург для объяснения других известных ему изобретений... Артиллерийский департамент предписал чиновникам своим произвести дальнейшие испытания. Когда таковые окончатся и по оным докажется польза изобретенного им орудия, тогда все сие доведено будет до сведения Государя императора» [84].

Известно, что в марте или апреле 1813 г. с зотинской пушки снят был наконец план, и вместе с планом отправилась она с весенним караваном в столицу. А сам Зотин после этого сделался не нужен.

Мастеровой завел промысел – делал на продажу и по заказу медные серьги. А потом и бес его попутал – попытался продать местному крестьянину отшлифованный медный слиточек за золотой. Не подумавши, что все местные знают, как выглядит настоящее золото. Мастерового разоблачили, присудили к 25 ударам палками, но за прошлые заслуги смягчили наказание до отработки штрафа в нерабочие дни.

Пушка его не пригодилась.

Очевидно, что мастер сделал шаг в верном направлении. Но то ли от неспособности его грамотно представить изобретение, то ли от косности или нерасторопности артиллерийского ведомства, второго шага не получилось. Да и ручная выковка орудия никак не годилась для поточного производства.

Как известно, сталепушечное производство сложилось в России лишь спустя полвека, уже после Крымской войны. Может, раньше и не было объективных возможностей, но иной раз кажется, что Наполеон, в отличие от

82. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.271. Л.222об.

83. Там же. Л.238-238об.

84. Там же. Л.241-241об.

отечественного Артиллерийского департамента, изобретением Зотина нашел бы как распорядиться.

С полным же окончанием большой войны, в 1816 г., на Нижней Исети перечли оборудование. В кричной фабрике на два корпуса действовали 4 боевых, 1 колотушечный и 1 якорный молоты, там же и 2 вагранки. В недостроенном каменном корпусе уже пущена была в ход машина к плющению листового кровельного железа. В двух свирельных фабриках действовали соответственно 6 и 3 стана и в каждой по машине к обточке цапф. Имелись мукомольная мельница на 2 стана, пыльная мельница на 2 рамы, кузничная фабрика на 8 кузничных и 2 гвоздарных горна. Возобновилось стальное производство мощностью 2 цементационных печей, со вспомогательным кирпичным сараем и обжигальной печью. Помимо же изготовления кричного железа и стали, сверления и обточки артиллерийских орудий сложились и новые производства: отливка орудий и чугунных припасов, в том числе сереброплавильных горшков, выковка малых речных якорей, горных инструментов и гвоздей.

Всех заводских работников было 288 человек, в т.ч. 20 малолетних. Историю свою они вели с 1789 года [85].

85. ГАСО. Ф.25. Оп.1. Д.1556. Л.2-5.

Собственно пушечно-сверильное производство после войны было свернуто. В 1820-е гг. одна из фабрик сгорела, ее собирались восстановить, но до конца проект не довели. Но зато, как иной раз случается, лишь по окончании войны завод обратился к производству артиллерийских снарядов. И даже удостоился на сей счет почти наивысшей по тем временам похвалы.

В 1827 г. начальник Генштаба известил директора Артиллерийского департамента: «Его высочество [будущий император Александр II – Н.К.], рассмотрев откованную при Нижне-Исетском заводе гранату, способ сей соизволил одобрить». Впрочем, наследник вполне грамотно поинтересовался, отчего снаряды не льют, а куют: «Признаётся ли полезным производить отковку ядер, не произойдет ли от сего медленности?» [86]

86. ГАСО. Ф.25. Оп.1. Д.2900. Л.1.

Управитель завода И.Н. Подоксенов – он был тогда уже в чине обер-гитенфервальтера – дал развернутую характеристику этого вида производства: «1. Введенный здесь способковки артиллерийских снарядов под колотушечными молотами сделан единственно к скорейшему выполнению наряда пустотелых снарядов, коих выковывается под 6 колотушечными молотами в две смены 12 кузнецами с работниками 450 штук. 2. Снарядам производится здесь только ручная опиловка и на чугунных кругах, устроенных при водяном действии, отточка. Сверх того при ковке и отделке снарядов под молотами против ручной опиловки облегчаются и силы рабочих людей. При здешнем заводе найден способковки под колотушечными молотами бомбам 1-пудового калибра, у которых вообще с прочими снарядами стены и окружность по кружалам выходят весьма верными. 3. Если вовсе остановить здесь ковку снарядов под молотами, то в ручной опиловке их встретится большее затруднение от нового обучения сему слесарей... За всем сим ручная отделка снарядов продолжаться будет медленнее, снарядов приготовится в малом количестве, и при том расходов увеличится» [87].

87. Там же. Л.39-40об.

Спустя несколько лет И.Н. Подоксенов оставил управительский пост и в чине обер-берг-мейстера вышел в отставку. Несмотря на множество заслуг, поощрений и даже наград завод после него оставался не в лучшем состоянии. Самое приметное, что оставалось, была недавно выстроенная заводская контора на левом берегу в линию с плотиной. Впрочем, для нижне-исетцев гораздо более важным было открытие в начале 1820-х гг. заводского госпиталя.

В то время Горное правление уже было переведено из Перми в Екатеринбург, а с 1831 г. в Екатеринбурге же размещалась резиденция Главного начальника всех уральских заводов. Почти сразу им стал генерал-лейтенант Андрей Иванович

Дитерихс. И так получилось, что генерал, мало что успевший на своем посту, сумел организовать серьезное переустройство Нижне-Исетского завода.

Началось с того, что марте 1833 г. по предписанию министра финансов в Нижне-Исетск прибыл обер-берг-мейстер Эдуард Грасгоф и провел серию опытов по выделке железа для ружейных стволов. И справедливо раскритиковал заводскую организацию: «Сама кричная работа ни в чем не отличается от обыкновенного на Урале способа. Но не смотря на отличнейшие свойства здешнего чугуна, железо здесь готовится самое дурное... Я при сем нашел кричное устройство в самом худом положении, так, что по ветхости всех частей нельзя верно установить ни одного молота. Самые молота при первых ударах беспрерывно затрудняют мастеров починками... При том на устройство кричных горнов и на производство самой работы обращается менее внимания, нежели где-либо на Урале, но все предоставлено на произвол кричных мастеров, не довольно искусных в своем деле» [88].

88. ГАСО. Ф.25. Оп.1.
Д.3000. Л.278, 284-284об.

С этого момента генерал Дитерихс обратил на Нижне-Исетский завод самое пристальное внимание и регулярно стал туда заезжать. Есть все основания предполагать, что отставка И.Н. Подоксенова была напрямую связана с теми событиями. В декабре 1833 г. И.Н. Подоксенов сменил гитен-фервальтер Александр Чайковский. По требованию Дитерихса старый и новый управители совместно составили перечень заводских недостатков. Например, в каменной кричной действуют 4 горна и 3 боевых молота: «Устройство первых стеснено, а последние ветхи». В корпусе плющильной и якорной фабрик 4 нагревательных печи, по одному плющильному и резному стану, молоты гладильный и разгонный, двое вододействующих ножниц: «Ныне приступлено к построению новых трех нагревательных печей и плющильного стана... Все устройство плющильного цеха требует обновления». Сверлильная, слесарная, пильная фабрики – всё ветхо и устарело [89].

89. Там же. Л.79-80.

Летом 1834 г. А.Н. Чайковский нашел, что еще добавить: «Каменная стена около вешнячного прореза наклонилась и может обрушиться... Берег Исети, не имея ни обшивки, ни укрепления, подмывается беспрестанно... Каменная стена, окружающая берег, обрушилась... Цементная печь обрушилась... Полиция, школа, госпиталь, контора и дома, занимаемые чиновниками, находятся в самом дурном состоянии» [90].

90. Там же. Л.253-254об.

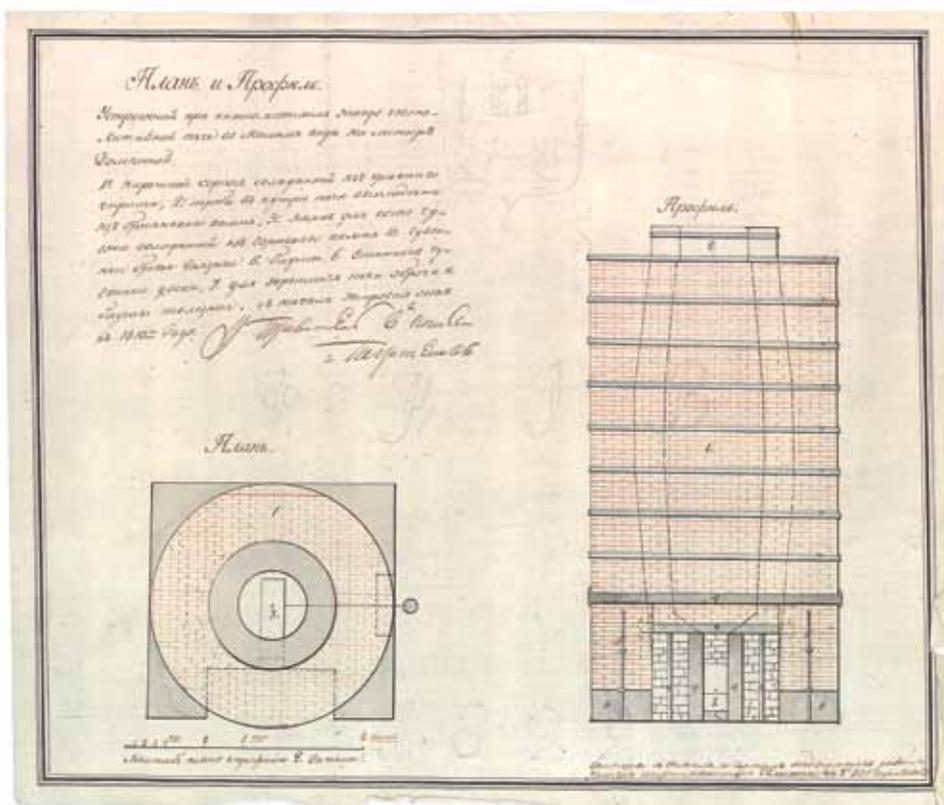
А генерал Дитерихс после каждого посещения завода высказывался: «Обозревая Нижне-Исетский завод, я не нашел даже никакого приступа к исправлениям... В бытность в Нижне-Исетском заводе я удостоверился, что перестройки производились крайне медленно... При обозрении вчера Нижне-Исетского завода нашел я, что некоторые из предложенных там еще в 1833 г. перестроек до сих пор не кончены, и от того завод все еще не в полном действии» [91].

91. Там же. Л.115, 257об.,
364.

Но переустройство завода, со скрипом начатое, все же двигалось, и уже при других управителях и при новом Главном начальнике завод стал другим – хотя бы внешне. Во времена генерала Глинки по правому берегу Исети встали в ряд над заводскими цехами новая контора и управительский дом, полиция и школа, госпиталь с аптекой и заводской архив. Меж административными зданиями и заводской площадкой наметили бульвар, озаботились и набережной: «Бывшая деревянная набережная в Нижне-Исетском заводе, устроенная при плотине с лицевой стороны пруда, по прошествии тридцати лет пришла в совершенную ветхость, так, что во многих местах обрушилась, и от того берега плотины вымыло водою более чем на сажень» [92]. За пять лет, к 1852 г., выложили каменную набережную, по освидетельствованию которой «оказалась произведенною прочно и расходов, на то употребленных, стоит» [93]. В апреле 1855 г. Владимир Андреевич Глинка заехал в Нижне-Исетск и оставил несколько распоряжений по заводскому благоустройству.

92. ГАСО. Ф.28. Оп.1.
Д.1184. Л.3.

93. Там же. Л.260б.

9. Вагранка Нижне-Исетского завода, 1824 г. «План и профиль устроенной при Нижне-Исетском заводе чугунно-литейной печи в малом виде, на манер домненной.»

ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7942. Подлинник. Подробнее см. Приложение, с. 90-91.

А в 1857 г. сами жители выбрали место новому кладбищу, взамен упраздняемого в черте завода: «Мы, управитель Нижне-Исетского завода штабс-капитан Малахов, благочинный священник Николай Конев при собрании священно- и церковнослужителей ниже-исетской Богородицкой церкви и почетных прихожан, единогласно положили согласно общему желанию жителей просить об отводе места под кладбище по правую сторону трактовой дороги, идущей в Арамильское селение, при пересечении оной речкой Поповым Ключом» [94]. Окончательный же отвод новому кладбищу на горе по правому берегу Исети состоялся лишь в 1890-е годы.

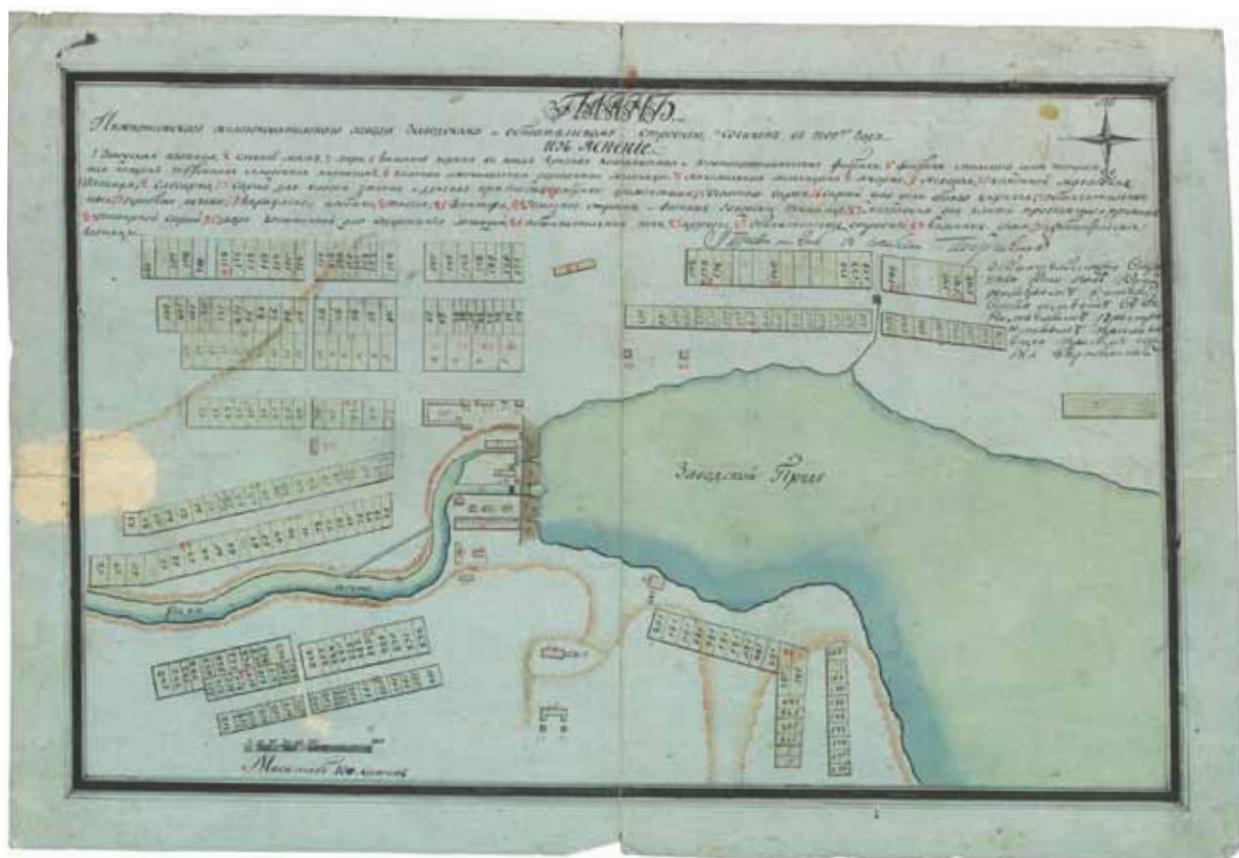
94. ГАСО. Ф.28. Оп.2. Д.2362. Л.20.

Из собственно заводских корпусов в те годы была перестроена кирпичная фабрика, а в 1842 г. по проекту главного заводского архитектора Михаила Малахова возвели в камне новую пушечно-сверильную фабрику – Малахов проектировал ее деревянной. Впрочем, действовать она так и не начала. Без действия стояли также и от ветхости не подлежали восстановлению колотушечная фабрика и, что особенно интересно, доменная печь. Ее возвели в начале 1830-х гг., еще при И.Н. Подоксенове Она была экспериментальной и предназначалась к действию на обычных дровах – опыт был привезен из Петрозаводска. Но дело вскоре же заглохло.

В то время исправно действовали в Нижне-Исетске литейный цех с одной вагранкой (здесь же и находилась и наполовину разобранный домна), кричный цех (4 горна, 3 молота), плющильный цех (2 печи, плющильный стан, гладильный и разгонный молоты), кузнечный цех (10 горнов), гвоздильный цех (6 горнов), якорный цех (4 горна, 1 молот), слесарный цех (1 горн), «стальное производство» (1 цементационная печь) [95].

95. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.1143. Л.331-333.

Судя по всему, В.А. Глинка Нижне-Исетский завод интересовал лишь возможностью усовершенствовать казенное кричное производство. По его распоряжению ведущий уральский металлург Владимир Рашет проводил тогда опыты на Гороблагодатских заводах и командирован был оттуда на Нижнюю Исеть: «Желая довести кричное производство в Нижне-Исетском заводе до такого же совершенства, до какого оно доведено на других

10. План Нижне-Исетского завода, 1809 г.

ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7603.
Заверенная копия. Подроб-
нее см. Приложение, с. 80-81.

96. ГАСО. Ф.25. Оп.1.
Д.3064. Л.1.

97. ГАСО. Ф.25. Оп.1.
Д.3077. Л.1.

благоустроенных заводах, я поручил инженер-штабс-капитану Рашету произвести в Нижне-Исетске опыты по делу кричного железа» [96]. С мастерами, приданными ему в помощь с Гороблагодатских и Воткинского заводов, В. Рашет работал в Нижне-Исетске в декабре 1839 и в июне 1840 гг. Но, как заметил В.А. Глинка, не нашел здесь отклика: «Опыты, производимые до сего в Нижне-Исетском заводе по кричному делу не сопровождалась полным успехом. Главною тому причиной предрассудки и даже извинительная осторожность местных мастеров, которые понимают, что от увеличения их суточной выковки железа и от уменьшения траты горючего материала должна умножиться для них тяжесть работы» [97].

За успех операции мастерам обещано было именем «Высшего правительства» повышение платы и даже награждение, и тем подтверждался курс на кардинальное переустройство завода.

В 1846 г. расширен был литейный корпус и взамен бездействовавшей домны сложена отражательная печь к цементации чугуна. По словам тогдашнего заводского управителя Павла Милованова, монтаж ее, хотя бы и на окружном уровне, определенно был шагом вперед: «Так как дело это в округе Екатеринбургских заводов новое, то просить прислать сюда мастерового Воткинского завода Знаева, ибо мастеровой этот занимался при подобных постройках» [98].

В конце 1840-х гг. по проекту механика Горного правления Петра Тета были внедрены листокатальная машина и 38 «чистительных» станков к полировке артиллерийских снарядов. В начале 1850-х гг. смонтированы токарно-резный и винторезные станы к делу гвоздей, винтов, станочных валков и т.п. Смонтирован был скоробьющий кричный молот, перекладывались кричные горны по более экономичной и менее объемной модели, сложена была вагранка для вторичной переплавки чугунного лома.

И, в общем, казалось, что так оно впредь и будет продолжаться и что будущее завода стабильно и предсказуемо.

98. ГАСО. Ф.28. Оп.1.
Д.1143. Л.393об.

На переломе эпох

Знающие люди понимали, что облегчить судьбу металлургического завода, обеспечить его будущее, скорее и проще может обычная домна. Без нее завод оставался вспомогательным, «передельным», продолжал зависеть от каменского чугуна.

В середине века проблема, казалось бы, начала решаться. В Горном правлении распорядились передать в казну все бездействовавшие частные рудники Екатеринбургского округа, а в 1853 г. прямо заверили: «Ежели рудники будут обещать достаточный запас руды, а выплавленный чугун даст хорошее железо, то вопрос о возможности устроить доменную печь в Нижне-Исетском заводе можно будет почитать решенным» [99].

Заводской управитель Лев Данковский составил тогда проект и смету ниже-исетской домны, в Каменском заводе провели несколько обнадеживающих плавок руды из Нижне-Исетской дачи. Активно начали разведывать новые месторождения, но по результатам их горный начальник округа подполковник Карпинский высказался: «В даче Нижне-Исетского завода железные руды находятся гнездами более или менее скученными, но не обширными пластами, подобно горе Благодати или Каменогорскому руднику. И где можно было, они большею частию уже выняты» [100].

Тем был вынесен приговор и проекту ниже-исетской домны, и, как стало ясно спустя несколько десятилетий, самому заводу.

Собственно, острая нехватка чугуна в Нижне-Исетске сказалась немедленно, и, может стать, нескольких сотен ниже-исетских ядер, бомб и гранат и не хватило для успеха в Крымской войне.

В те месяцы по шестьсот пудов снарядов ежедневно давал Севастополю южно-российский Луганский завод, но весной 1855 г. из Горного департамента поступил наряд на 300 тыс. пудов и в Екатеринбург. В истерическом тоне было приказано снаряжать в августе экстренный караван: «Приготовить к отправке все снаряды, требующиеся в Сибирь, по крайней мере до 250 тыс. пудов. На сей конец увеличить количество вагранок, сколько их в кратчайшее время выстроить будет возможно; не увольнять на страду литейщиков, выдавая им тройную плату; и если бы встретился недостаток в чугуне и рабочих людях, остановить выделку всех тех сортов железа, которые не требуются экстренно» [101].

Наряд был распределен меж заводами Екатеринбургского, Гороблагодатского и Златоустовского округов. Нижне-Исетску, среди прочего, полагалось отправить в августовском караване ядра, бомбы и гранаты, отлитые недавно для Петропавловска-Камчатского.

Подполковник Л. Данковский высказался о принципиальной возможности устройства в заводе третьей вагранки, в прочем же: «Показанное количество снарядов Нижне-Исетский завод может приготовить в таком только случае, если будет достаточно чугуна» [102].

Каменка захлебывалась, не справлялась, и сколько-то чугуна в Нижне-Исетск впервые поступило с Ревдинского завода. А сколько-то пришлось перековывать из запасов Екатеринбургского монетного двора. Копром для забивки свай и ручными молотами разбивали и бросовую чугунину и вполне исправные наковальни и подводами волокля к ниже-исетским вагранкам. Вскользь кто-то упомянул, что нехватка чугуна в Нижне-Исетске обратила на себя внимание «Высшего правительства».

И, как и следовало ожидать, сильно обмелели к августу и Чусовая и

99. ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.3222. Л.37.

100. Там же. Л.39.

101. ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.3326. Л.2.

102. Там же. Л.14об.

Ай-река (для сплава Златоустовского каравана). Всерьез готовились гнать весь груз посуху до Перми и до Бирска, но, как водится, ради речной волны до дна выпустили пруды Ревдинского и еще двух заводов.

Тем работа в Нижне-Исетске не кончилась, и по заказам Артиллерийской экспедиции Черноморского флота продолжалась отливка и обточка гранат для морских орудий.

...Одним из последствий тех бестолковых дней можно считать изменение профиля Нижне-Исетска – наконец он перестал быть своего рода вспомогательным цехом Каменского завода. К тому же все убедились, что пришла пора кардинально менять всю железную технологию.

В то время повсеместно на Урале уходил в прошлое кричный передел. Расковка разогретых в горнах железных криц сменялась пудлингованием – переплавкой чугуна в мягкое малоуглеродистое железо в пудлинговой печи. Давно уже назрело устройство пудлинговой фабрики и на Нижней Исети. Отметим только, что переход этот происходил спустя век после появления технологии, во времена, когда Европа и Америка обращались уже к мартеновскому производству.

Пудлинговую фабрику в Нижне-Исетске решено было разместить в каменном здании простаивавшей пушечно-сверлильной фабрики. Ее, как помним, выстроили по указу генерала Глинки и по проекту архитектора М.П. Малахова. Здание было двухэтажным, стояло на слабом грунте в сырой низине, где били целых три ключа (возможно, и не без влияния подтекавшей плотины). От простоя и морозов сваи, набитые под фундамент станков, вышли из земли на полтора аршина. Нештукатуренные стены потрескались, были слишком тонки и могли не выдержать серьезного заводского действия. Поначалу ее вообще предполагали обратить в обычный заводской склад или переустроить под лесопилку. Лишь в мае 1858 г. екатеринбургский горный начальник Миллер прямо предложил: «В упомянутом здании признается полезным поместить пудлинговое производство и другие необходимые для получения крупно- и мелко-сортового железа устройства» [103].

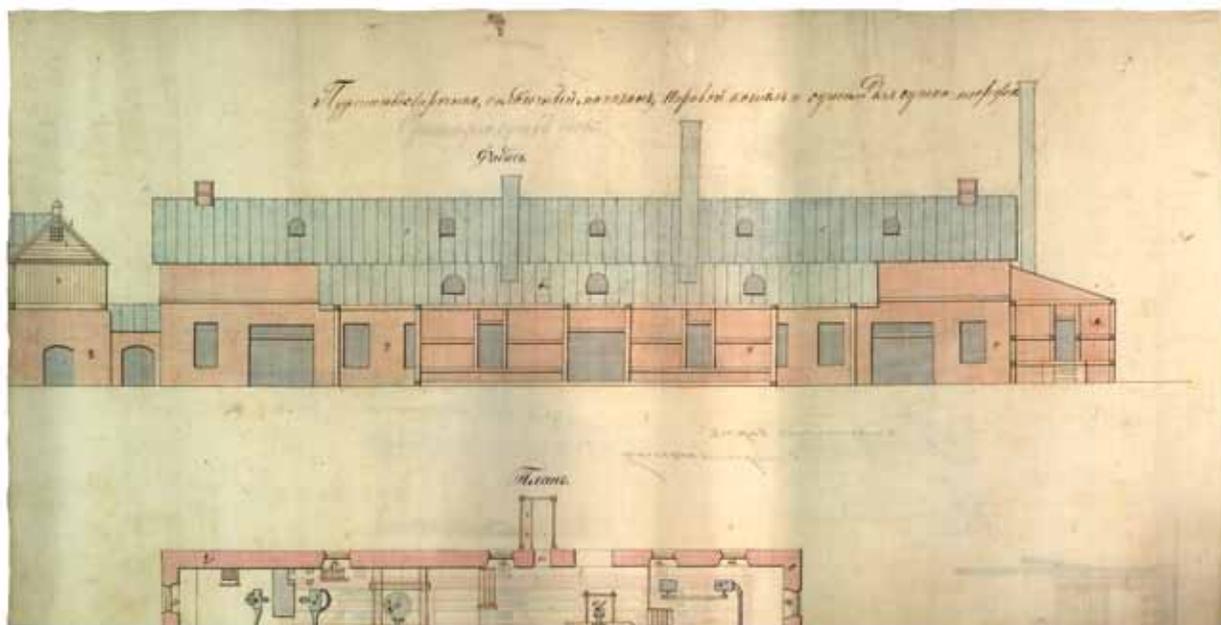
103. ГАСО. Ф. 25. Оп. 2.
Д. 3263. Л. 98об.

Словом, фабрику решили перестроить, к делу подключили окружного архитектора Андрея Спиригина и окружного механика Николая Штейнфельда. Вскоре же разобрали верхний этаж, укрепили фундамент, частично переложили и укрепили стены. К началу 1860-х гг. корпус был полностью перестроен.

Во всей истории Нижне-Исетского завода то была одна из самых значимых построек и последняя столь масштабная. Монетный двор погиб, со сталью не получилось, и ушли в прошлое чугунные пушки. Но для чего-то же был рожден Нижне-Исетск? Примерно так это воспринималось. И полтораэта, и двести учеников в заводской школе из двух отделений – для чего-то же они подрастают?

...И так совпало, что одновременно предпринимались растянувшиеся на два десятка лет бесплодные попытки перенести пороховой погреб. Прежний был отрыт в склоне горы в нескольких десятках саженей от заводских построек еще в 1817 году. Вмещал он 500-700 пудов пороха и ежеминутно напоминал заводу о бренности бытия. Особенно остро это почувствовали после жуткого взрыва в немецком городе Майнце в 1857 г. – тамошний пороховой погреб, как писал «Артиллерийский журнал», был устроен почти как в уральском Нижне-Исетске. Однако в России, как известно, привыкли искушать судьбу ради высоких целей.

А пудлингово-сварочный цех был подлинно высокой целью, последней попыткой Нижне-Исетского завода утвердиться в его заводском предназначении. Кроме того, новый цех воспринимался и как символ наступивших новых времен. В феврале и марте 1861 г. прозвучали великие реформы, на Урале означавшие отмену понятия непременных работников и личную зависимость

мастеровых от заводов. В те же дни новый механик Екатеринбургского округа Николай Лебедев объявил о частичном изменении прежнего проекта цеха.

По новому проекту здесь должны были появиться 2 пудлинговые печи (торфяная и дровяная), 2 газосварочные печи (также под торф и под дрова), прокатный стан и сортовой стан с вододействующими ножницами, две турбины системы Жонваля к действию станом.

Монтаж оборудования под руководством Н. Лебедева и помощника механика Горного правления Ивана Тиме начался весной 1862 г. и продлился три года. Общие работы по обеспечению действия цеха продолжались до начала 1870-х гг. Например, были устроены три сушила для просушки торфа и дров к печам, и проведены опыты по их использованию – как ни странно по сравнению с углем это считалось новым словом: «На торфе сварить железо возможно, так же, как и на самосушних дровах. Но на чем выгоднее – определить невозможно... Для сварки употреблялись кричные куски и брусковое железо» [104].

От сушил до цеха был проложен короткий участок рельсовой дороги, а количество газосварочных печей в цехе доведено было впоследствии до четырех. Но самое главное, именно в этом цехе впервые в Нижне-Исетске была смонтирована паровая машина к действию парового молота.

Появление «паровика» – паровой машины – для каждого завода было переломным и долго ожидаемым событием. По всему уже чувствовался приход новой эпохи, для всякого уральского завода дававшей возможность показать себя. Впрочем, для казенных заводов это было скорее обязанностью. Регулярно теперь проводились международные и российские выставки, и регулярно приходили распоряжения в них участвовать.

Не сказать, чтобы Нижне-Исетск участвовал с задором, однако же исправно представлял, что требуют. Продукция его обычно шла под общими ярлыками с продукцией Каменского завода и поступала в раздел продукции и минеральных богатств Екатеринбургского округа.

Так, на Петербургскую мануфактурную выставку 1861 г. от Нижне-Исетского завода представлены были: «Две полосы железа, приготовленного по контуазскому способу из чугуна с Каменского завода... Два листа плющильного железа из болваночного контуазского... Две продолговато-стрельчатые гранаты для нарезных 4-фунтовых пушек, отлитые в вагранке из чугуна Каменского завода» [105]. На Лондонскую всемирную выставку 1862 г. опять отправилось железо полосовое и листовое.

11. Пудлингово-сварочный цех, 1874 г.

ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.8087. Л.24. Подлинник. Подробнее см. Приложение, с. 112.

104. ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.3552. Л.3об.-4.

105. ГАСО. Ф.25. Оп.1. Д.1886. Л.23.

12. План Нижне-Исетского завода, 1878 г.

ГАСО. Ф.43. Оп.1. Д.961. Л.277. Подлинник. Подробнее см. Приложение, с. 110-111.

106. ГАСО. Ф.25. Оп.1. Д.1935. Л.3.

107. Там же. Л.15-15об.

108. ГАСО. Ф.25. Оп.1. Д.673. Л.6.

109. ГАСО. Ф.43. Оп.1. Д.961. Л.315.

110. Там же. Ф.25. Оп.1. Д.673. Л.21об., 42.

К Парижской всемирной выставке 1867 г. управитель завода Владимир Рейхель поначалу вообще не был морально готов: «В настоящее время в Нижне-Исетском заводе требующихся подобного рода изделий, могущих составить особенный интерес для Всемирной Парижской выставки не производится» [106]. Но в соединении с каменной продукцией все же нашлось, чем удивить за границу: «Готовых снарядов, приготовленных в последнее время, с самых мелких до самых крупных. Кусок чугуна от пушки, выдержавшей 2 800 выстрелов, с приложением руд, шлаков от плавки пушечного чугуна, химического ее разложения и механических проб» [107].

О возможном участии в Парижской выставке 1878 г. управитель Николай Коженков отозвался: «Из Нижне-Исетского завода могут быть отправлены образцы железа, мерительные инструменты, снаряды артиллерийские и водопроводные трубы, изготовляющиеся для Уральской горнозаводской железной дороги» [108]. Уральская железная дорога, уточним, строилась с 1874 г. от Перми до Екатеринбурга, затем дотянута была до Тюмени. Со строительством ее петербуржец Н. Коженков вообще связывал большие надежды: «Нижне-Исетский завод, расположенный в 12 верстах от пункта соединения Уральской горнозаводской железной дороги и будущей Тюменской, т.е. почти в середине пути между водяными сообщениями Европейской России и Сибири, имеет много данных для развития горнозаводского дела» [109].

Но прозвучала тогда и тревожная нотка: «Отобрано при Нижне-Исетском заводе для Парижской всемирной выставки железа до 50 пуд, в числе коего имеются прутья сортового железа от 3 до 6 аршин... Что же касается до снарядов для Артиллерийского ведомства, а также образцовых мерительных приборов, то первые из них совершенно не могут быть изготовлены вследствие того, что завод не имеет больше нарядов на эти изделия, на изготовление же вторых потребуется много времени и больших издержек, на которые при существующем положении завода решиться не могу» [110].

Итак, время приказов и государственных нарядов ушло, пришло время конкуренции и самостоятельного поиска заказов. И оказалось, что Нижне-Исетский завод к тому не готов.

Кризис

В пореформенные годы экономика края перестраивалась, и тяжело пришлось всем уральским заводам. Многие предприятия так и не смогли приспособиться к новым реалиям. В 1870-е гг. в самом Екатеринбурге закрылись монетный двор и знаменитая прежде механическая фабрика. Переданы были в частное владение забуксовавшие Березовские промыслы. В Екатеринбургском округе казна владела теперь лишь Каменским и Нижне-Исетским заводами. При этом Нижне-Исетск был на грани закрытия.

Говоря откровенно, завод, сколько ни бился, так никогда и не сумел преодолеть кризиса и его последствий. По представлениям заводских управителей и докладным запискам екатеринбургских Главных начальников в Горный департамент, по ходатайствам предполагаемых арендаторов можно судить, отчего это происходило.

Самое главное, Нижне-Исетский завод, как все казенные заводы, был готов исправно выполнять ведомственные наряды, но не имел ни опыта, ни возможностей вести конкурентную борьбу.

«Нижне-Исетский завод отличался всегда исправным выполнением всех возлагаемых на него заказов, как частных, так и правительственных, преимущественно в военное время, когда заказы должны быть исполняемы столь возможно поспешнее... Даваемые же заводу от Артиллерийского ведомства наряды весьма ограничены и при том год от года сокращаются» [111].

111. ГАСО. Ф.43. Оп.1. Д.961. Л.2об., 3-3об.

«Казенные горные заводы Каменский и Нижне-Исетский устроены для удовлетворения нужд армии и флота. С уменьшением заказов от Военного и Морского министерств, при существующих в этих заводах технических средствах они действуют для казны невыгодно» [112].

112. ГАСО. Ф.24. Оп.16. Д.391. Л.5.

Конкурентные возможности всякого металлургического завода обеспечивались, прежде всего, наличием своего чугуна. В Нижне-Исетске же отродясь не было домны, завод жил привозным каменским чугуном. Все разговоры о превращении Нижне-Исетского завода в рентабельное предприятие начинались с необходимости построить домну. А это в свою очередь ставило вопрос о сырье, о железных месторождениях в Нижне-Исетской даче. Еще в 1870-е гг. казалось очевидным, что проблем с этим не будет: «Обилие железных рудников в окрестностях – в настоящее время в Нижне-Исетской даче насчитывается более чем 125 не разрабатывавшихся железных рудников» [113]. Но уже в следующем десятилетии в расчет их отчего-то не брали, очевидно, из-за бедности руды: «Заводоуправление, признавая удешевление чугуна вопросом жизни и смерти Нижне-Исетского завода, находит необходимым ходатайствовать об ассигновании для разведок рудных месторождений... Оказалось недостаточно сведений о количестве и составе руд» [114]. Уточним, что нижне-исетские месторождения содержали лишь бурый железняк, с содержанием не более 40 % металла.

113. ГАСО. Ф.43. Оп.1. Д.961. Л.315.

114. ГАСО. Ф.24. Оп.16. Д.391. Л.7об., 8.

Кроме того, к 1870-м гг. оборудование завода безвозвратно устарело, требовалась капитальная реконструкция. В 1874 г. исправлявший тогда управительскую должность горный инженер А. Архипов резюмировал, что требуется из первоочередного по технике: в пудлинговом цехе смонтировать сварочную печь системы Сименса; в кричном цехе заменить древние молоты и водяные колеса паровыми молотами; в литейном цехе устроить отражательную печь: «За неимением отражательной печи чугун составляет мертвый капитал» [115]. Об этом непрерывно приходилось докла-

115. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.1865. Л.5.

- дывать Главному начальнику: «Завод построен уже давно и нуждается в капитальном улучшении технических устройств... Неимение в кричном цехе горнов с нагретым дутьем и паровых молотов... Отсутствие в пудлингово-сварочном цехе печей системы Сименса... [На замену] механизмов приискать невозможно по устарелости их и за изобретением в последнее время машин совершенно иных конструкций» [116]. Отсутствие хотя бы одной паровой машины было уже попросту недопустимым: «Для более выгодного действия завода существенным пособием был бы установ паровой машины хотя бы при прокатном стане для безостановочного действия цеха сортового железа в продолжении всего года – в особенности в осеннее и зимнее время, когда население нуждается в заводской работе» [117].
- Естественно, сказывалась и архаичная энергетика древесного угля. Некоторые участки каменноугольных копей в Каменской даче разведаны были всего в 90 верстах от Нижне-Исетска, но перевод завода на каменноугольное топливо требовал масштабного, а значит и затратного, переустройства. Окрестные же леса Нижне-Исетского завода во второй половине XIX в. уже не могли обеспечить углем все заводские операции: «Лесная дача Нижне-Исетского завода очень расстроена и может удовлетворять заводским потребностям лишь при самой строгой экономии... Недостаток леса в истощенной Нижне-Исетской даче [происходит] от бывших ранее больших отпусков жителям, в особенности г. Екатеринбурга, а также от напольных пожаров» [118]. Еще говорили: «Лесная дача Нижне-Исетского завода находится далеко не в блестящем состоянии, и для сохранения лесов заводоуправление старалось перейти на торф» [119]. Однако предпринятые в 1860-е гг. первые опыты использования торфа положения не спасли. Да и к тому же единственным разведанным торфяным болотом Нижне-Исетской дачи оставался 500-десятинный торфяник между Исетью и Челябинским трактом.
- Вообще, последствия природных явлений были, видимо, немаловажным фактором в тогдашнем кризисе. Во всяком случае, в 1881 г. коллежский советник Н. Коженков первой причиной «невыгодности действий» Нижне-Исетского завода называл следующее: «Недостаток воды в заводском пруде. Известно, что явление это происходило в течение последних трех или четырех лет вследствие изменившихся климатических условий» [120].
- Наконец, рыночный механизм ограничивался почти исключительно возможностями Нижегородской ярмарки. Н. Коженков всегда критично высказывался об отсутствии прав самостоятельного заключения контрактов и оптового сбыта продукции. Тем более это было недопустимо при очевидном кризисе перепроизводства: «При большей производительности завода сбыть все приготовленное им железо в заводе и Ирбитской ярмарке будет немыслимо» [121]. Николай Петрович полагал, однако, что постоянные заводские лавки в Москве, Екатеринбурге, Троицке и Ирбите сами по себе спасли бы завод – «даже и при нынешнем страшном упадке цен на железо» [122]. Спустя десятилетие ниже-исетский управитель Николай Огильви продолжил тему: «Заводоуправление выводит, что все количество изделий продано будет на месте и в Сибири, не отправляя его на Нижегородскую ярмарку, где существующие цены ниже местных... Убыточное действие завода зависит главнейше от низких продажных цен на железо и, в особенности, на железо Нижне-Исетского завода, которое с давних пор не пользовалось хорошей репутацией.. В настоящее время оно, в особенности сортовое, по качествам своим мало уступает железу других заводов, но раз потерянная репутация восстанавливается с трудом» [123].

116. ГАСО. 43. Оп.1. Д.961. Л.1, 6-6об., 32.

117. Там же. Л.316об.

118. Там же. Л.1об., 315об.

119. ГАСО. Ф.24. Оп.16. Д.43. Л.8.

120. ГАСО. Ф.43. Оп.1. Д.961. Л.301.

121. Там же. Л.306.

122. Там же. Л.6об., 91.

123. ГАСО. Ф.24. Оп.16. Д.391. Л.11.

Еще в 1870-е гг. было очевидным, что сохранение в Екатеринбургском горном округе лишь двух предприятий (Каменский и Нижне-Исетский заводы) неизбежно приведет к кризису самого округа: «Изделия заводов Екатеринбургского округа будут обходиться гораздо дороже... С упразднением казенной разработки Березовских золотых промыслов, которая несла часть расходов по содержанию управления Екатеринбургского округа, производство Нижне-Исетского завода будет обременено еще и этой частью расходов» [124].

124. ГАСО. Ф.43. Оп.1. Д.961. Л.2об., 26об.

Но если Екатеринбургский округ, в конце концов, в середине 1880-х гг. был упразднен, то о вероятном закрытии Нижне-Исетского все высказывались с большим сожалением: «Жаль закрывать такой завод, в котором так много мелких специалистов по заводскому делу. Лучшим доказательством могут служить результаты по приготовлению листового железа, выделка сортового, изделий для железной дороги и диафрагменные снаряды» [125]. Несомненно, это было главным здешним богатством: «Население, привыкшее к разнообразным заводским работам» [126].

125. Там же. Л.7об.-8.

126. Там же. Л.315.

Кое-что было предпринято.

Очевидно, например, что с закрытием екатеринбургских казенных предприятий выбрасывать их на вольную продажу было бы недопустимо. «Осматривая станки бывшей Механической фабрики я нашел, что многие из них, будучи предназначены к продаже, могли бы быть с пользой употреблены в здешнем заводе», - отмечал в 1874 г. Н. Коженков [127]. Действительно, кое-что из не самого серьезного поступило тогда в Нижне-Исетск, например, болторезный, сверлильный и несколько токарных станков. Кое-какой горный инвентарь доставили с Березовских промыслов. Хотя в глубине души они наверняка понимали, что списанным оборудованием судьбы завода не выправить.

127. ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.1865. Л.11.

Усилилось социальное напряжение. В 1870-е гг. рабочие уже вполне понимали, что наступило новое время, и просто за здорово живешь не убивались у станков. И никто всерьез не воспринимал учрежденные по указам в пореформенное время квази-профсоюзы, так называемые «горнозаводские товарищества». Н. Коженков уверял: «Главный недостаток в работе Нижне-Исетский завод ощущает преимущественно летом. В это же время среди рабочих возникают исключительно несправедливые неудовольствия на заводууправление, особенно в цехах кричном, пудлиново-сварочном и в плющильном» [128]. 24 июня 1875 г. Нижне-Исетский завод потрясла первая, по нашим данным, забастовка. Организованно прекратила работу ночная смена плющильного цеха. Присланному от екатеринбургской Главной конторы чиновнику мастер Яков Кривых, подмастерье Ефим Шилков и еще 16 рабочих объяснили, что норма завышена и что справиться никак невозможно.

128. ГАСО. Ф.25. Оп.1. Д.2035 «а». Л.1об.-2.

Екатеринбург принял соломоново решение: норму снизить, но и забастовщиков уволить до единого. Недостатка в рабочих руках не было – в цеха принимали по контрактам обывателей со всей Нижне-Исетской волости. И многие из них к тому стремились.

В новое время быть заводским рабочим означало уже не только относительно стабильную зарплату, но и некоторые социальные гарантии. Тяжко заболевшим или травмированным, например, полагалась одна из тридцати коек в заводском госпитале. И с отдачей госпиталя со всем хозяйством при нем (аптека, прачечная, кладовые, огород и т.п.) из-под ведения заводской администрации Екатеринбургскому земству гарантии сохранялись. На этом настоял, в частности, управитель Н. Коженков: «Медицинская часть может быть передана в ведение земства, но с тем, чтобы короннослужащие и работающие при заводе контрактные и члены горнозаводского товарищества пользовались медикаментами так же бесплатно, как это делается в настоящее время от казны» [129]. В штате Нижне-Исетского госпиталя

129. ГАСО. Ф.25. Оп.1. Д.694. Л.2.

трудились тогда лекарь (младший врач), два фельдшера и аптечный ученик.

Всякому было ясно, что отказ от налаженного производства, как и от налаженного быта, ни к чему хорошему не приведет.

С 1874 г. Горный департамент входил в Министерство государственных имуществ. Лучше многих представляя себе все «за» и «против», министр П.А. Валуев и директор Горного департамента Николай Александрович Иосса не исключали, тем не менее, закрытия завода. В сентябре 1877 г. они высказались: «Конечно, было бы желательно продать Нижне-Исетский завод до прекращения его действия» [130].

130. ГАСО. Ф.43. Оп.1.
Д.961. Л.27.

13. Открытие памятника
Александрю II.

14. Памятник Александрю II.

На 1880 год при заводе числилось 1223 работника в возрасте от 21 до 50 лет. Впрочем, непосредственно в цехах трудились лишь полтысячи. И именно этим людям надлежало совершить осознанный, гражданский поступок.

В конце концов, именно в такие, нелегкие и всеми проклинаемые, времена перемен каждому наконец приходилось уяснять для себя: свобода всегда лучше несвободы.

Спустя ровно год после убийства Александра II, в Нижне-Исетском заводе состоялся большой сход и вынесен был общий приговор: «Мы, служители и работающие в Нижне-Исетском заводе, в общем собрании 8 марта 1882 г. постановили в память освобождения горнозаводских людей от обязательных трудов поставить памятник императору Александру II. Для постановки памятника решили удерживать из месячного жалования служащих и рабочих по 2 %» [131].

131. ГАСО. Ф.28. Оп.2. Д.1930. Л.1.

Заводом командовал тогда надворный советник Александр Фелькнер, представитель петербургской ветви известной в горном ведомстве фамилии. В Нижне-Исетск он прибыл с должности управителя Александровского пушечного завода, выстроенного когда-то не всеми еще забытым А.С. Ярцевым. Вообще практически все управители Нижне-Исетского завода после И.Н. Подоксенова были выпускниками Петербургского горного училища (по-новому: института). В ранние годы его, напомним, тоже возглавлял А.С. Ярцев.

Своей рукой заводской управитель набросал эскиз будущего монумента и представил в Екатеринбург: «Монолит из Мраморного завода в 2 сажени высотой и 1 аршин в квадрате... Чугунный бюст покойного императора в момент издания указа об освобождении мастеровых, вероятно, можно найти в Екатеринбурге. А если нет, то я надеюсь приобрести его в Петербурге от профессора Чижова... Надписи будут высечены в мраморе и вызолочены. Корона и венки из лавра и дуба рельефные – бронзовые и вызолочены... Памятник поставить на квадратной площадке, возвышающейся над общей площадью. Площадка будет выслана и утрамбована камнем... Тумбы, окружающие памятник, чугунные и соединены железной цепью» [132].

132. Там же. Л.3-3об., 11.

Тумбы с цепями, естественно, взялись изготовить своими силами. Мраморный обелиск подрядился высечь житель Мраморного завода Иван Пермикин со своими работниками. Заказ на бронзовые рельефы отдал петербургской фабрике Германа Корнфельда. Относительно же бюста знаменитый скульптор Матвей Чижев отозвался Фелькнеру: «Милостивый государь Александр Николаевич! Спешу сообщить Вам, что в прошлом 1881 г. мною была сделана модель бюста покойного Государя в общегенеральском мундире... Из Вашего письма мне помнится желание завода иметь бюст в те года Государя, когда издан был указ освобождения крестьян, т.е. двадцатью годами моложе. В таком случае художнику приходится делать другую модель бюста» [133]. Словом, от дорогого заказа пришлось отказываться. Дешевле оказалось запросить на время бюст императора с Луганского завода, в Каслях сделать с него слепок и отлить по нему новый бюст.

133. Там же. Л.25-26.

И долго и непросто выбирали участок на казенном месте по правому берегу Исети: «Близ заводской конторы при встрече двух перпендикулярных линий идущих: первой – посредине заводской плотины, и второй – посредине расстояния между казенных зданий и бульвара» [134].

134. Там же. Л.53-53об.

В мае 1884 г. памятник открылся. Охочим людям, пожертвовавшим на него по два процента заработков, казалось, наверное, что если получилось с памятником, получится и со всем остальным.

Охочие люди

Приобрести завод первыми изъявили желание известные екатеринбургские предприниматели английского подданства братья Ятес. Точнее сказать, екатеринбургский купец 2 гильдии Василий Егорович Ятес и записанный тогда красноуфимским купцом брат его Фома. В августе 1877 г. они подали прошение об аренде или даже покупке завода, обещая в последнем случае уплатить шестую часть заявленной стоимости завода немедленно, а оставшуюся часть суммы выплачивать в течение 37 лет. Спустя два месяца екатеринбургский горный начальник Анатолий Протасов говорил об этом, как о решенном деле: «Для завода было бы не безвыгодно имеющиеся в запасе материалы предварительно переработать или израсходовать» [135].

135. ГАСО. Ф.43. Оп.1. Д.961. Л.30об.

Главный же начальник Уральских заводов Иван Павлович Иванов разъяснял Горному департаменту: «Братья Ятес имеют в виду учредить в этом заводе промышленные заведения и с этою целью просят отдать им заводскую плотину со всеми заводскими зданиями, жилыми и хозяйственными помещениями, но без внутренних устройств и механизмов и без лесной дачи и рудников... Будущее действие одного заведения братья Ятес обязываются вести на каменном угле и торфе, не требуя лесных материалов... Просят иметь право установить разработку торфяников в местах наиболее близких к Нижне-Исетскому заводу» [136].

136. Там же. Л.34-34об.

Оценка всего заводского имущества растянулась почти на год, и за то время что-то изменилось в настроениях горных властей. Во всяком случае, по поводу убыточности завода Горный департамент теперь уже высказывался не столь однозначно: «Продажа железа Нижне-Исетского завода в убыток на ярмарке 1876 г. была вызвана не дурным качеством металла, а общим застоём в торговле железа» [137]. Теперь, по всем подсчетам получалось, что завод вовсе даже не убыточен, а напротив приносит, хоть и не большую, но прибыль.

137. Там же. Л.163.

Дело с приватизацией завода отложили, а спустя еще три года, в декабре 1881 г., условия сохранения завода в казне обрисовал горный начальник А. Протасов: «Нижне-Исетский завод, бесспорно, мог бы при казенном управлении давать прибыль, если бы только был снабжен паровыми машинами для действия заводских механизмов во время маловодья (что в последние годы сильно ощущается), соответственными техническими устройствами и в особенности при устройстве доменного производства, большей самостоятельностью по приготовлению разных сортов железа и продажных изделий» [138]. На необходимые для всего переустройства ассигнования рассчитывать не приходилось, и окружной начальник полагал, что завод можно отдать в аренду лет на десять.

138. Там же. Л.299об.

Сигнал был принят, и в том же 1881 г. желание купить или арендовать завод высказал владелец Сысертского горного округа Дмитрий Павлович Соломирский. Решение затянулось, и в 1887 г. претендентами на покупку завода объявили себя петербургский инженер путей сообщения Станислав Гендель и екатеринбургский купец 1 гильдии Петр Алексеевич Злоказов, представитель торгового дома «Братья Злоказовы».

Путеец владел заводом рельсовых скреплений в Нижнем Тагиле и желал объединить его с арендованным Нижне-Исетским заводом в один комплекс. Но очевидно, что ходатайство его могло вызвать у местной администрации лишь раздражение: «Репутация ниже-исетского населения заставляет серьезно опасаться безработицы, т.к. и в настоящее время проезд в окрестностях завода считается положительно опасным... Казенные заводы, изго-

товляя железо на Нижегородскую ярмарку, кроме прямых убытков наносят еще и косвенный вред общему железному делу увеличением скопления железа в запасах ярмарки и понижением цены» [139].

Нижне-исетский управитель Николай Огильви, заочно полемизируя с претендентом, доказывал, что петербуржец передергивает и цифры и факты, что убытки и расходы заводские не так велики, допускать же арендатора до лесной дачи опасно или даже самоубийственно. И добавил не без сарказма: «Всякий арендатор постарается довести число рабочих до возможного минимума. А от этого может произойти увеличение опасности проезда в окрестностях Нижне-Исетского завода» [140].

В свою очередь, купец П.А. Злоказов сверх Нижне-Исетского намеревался купить еще и Каменский завод со всеми их долгами и с не раскупленным ниже-исетским железом, а также и с лесными дачами, а по возможности и с прилегающими участками соседних дач. Для казны это было неприемлемо, и, кроме того, Н. Огильви высказал опасение, что природные купцы станут использовать завод не по заводскому назначению: «Частное лицо, не занимавшееся никогда заводской деятельностью, легко может воспользоваться всеми устройствами завода для перехода на какую-нибудь другую отрасль и будет еще извлекать барыш на счет вверху и внизу лежащих мельниц путем торговли водой. Поэтому населению и соседним владельцам была бы более желательна продажа завода кому-нибудь из владельцев частных заводов, например, Верх-Исетских или Сысертских» [141].

Словом, местная администрация, включая и Главного начальника И.П. Иванова, склонялась к передаче Нижне-Исетского завода Д.П. Соломирскому.

Уже когда все три ходатайства рассматривались в Петербурге, подал голос екатеринбургский купец 2 гильдии Михаил Андреевич Тимофеев: «Для выигрыша времени я решил обратиться прямо в Горный департамент» [142]. Причем его предложение, по признанию Н. Огильви, было наиболее выгодным для казны.

Уточним здесь, что продукцией завода были в то время до десятка видов железа, что все эти охочие люди надеялись получать от завода следующее: выделанное пудлинговым способом железо сортовое и шинное; вышедшее из-под молота листовое железо – глянцевоe, матовое и черновое; выделанное по технологии еще XVIII в. кричное полосовое железо; а еще железо расковочное нескольких видов – кровельное, котельное, «сошничное», болваночное и лопаточное. А также чугунную отливку и железные изделия, главным образом, для железнодорожного потребления. И в 1880-е гг. добывали по заказу военного министерства бомбы с медными поясками и бомбы с со свинцовой оболочкой.

Впрочем, на знаменитую в крае Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку 1887 г. завод представил лишь незначительную мелочь: мерные аршины и сажени, гири и аптекарские разбивные фунты, мерные ведра и четверики, утюги и т.п. И отчего-то отправили на экспозицию паровой локомобиль. В анкете Уральского общества любителей естествознания было записано: завод железоделательный и чугуноплавильный, основан в 1798 г., производство круглый год за исключением страдного времени, в работе обращается до 400 человек, паровых котлов 4, паровых машин 3, водяных колес 18. Госпиталь с аптекою, школы мужская и женская [143]. Здесь уточним, что народное начальное женское училище открылось в заводе в декабре 1876 г. и содержалось исключительно на отцовские деньги – на деньги рабочих и служащих. Размещалось оно за пределами жилых кварталов на прудовом берегу.

...Судьбу завода должен был решить министр госимуществ А.С. Ермолов (а может, и кто-то выше). После долгой волокиты, в феврале 1894 г., из Горного департамента сообщили: «Его превосходительство признал несвоевременным возбуждать вопрос о передаче в частные руки завода, не дающего ныне убытка» [144].

139. ГАСО. Ф.24. Оп.16. Д.43. Л.2, 2об.

140. Там же. Л.6об.-7.

141. ГАСО. Ф.24. Оп.16. Д.391. Л.11об.

142. Там же. Л.26.

143. ГАСО. Ф.28. Оп.2. Д.2546. Л.32-33.

144. Там же. Ф.24. Оп.16. Д.391. Л.80.

Это заявление можно считать принципиально важным, а в какой-то мере даже и неожиданным. Дело в том, что уже пять лет, как заводские цеха находились под управлением заводских артелей.

В конце 1880-х гг. положение завода казалось уже настолько бесперспективным, а отдача его в аренду или частное владение настолько затягивалась, что местная администрация всех уровней была уже готова на все что угодно и, в конце концов, решилась на смелый по тем временам эксперимент. Цеха puddингово-сварочный, литейный, листокатальный и кричный отданы были в аренду рабочим коллективам, сейчас же организовавшимся в цеховые артели, хоть и с серьезными надзорными полномочиями со стороны заводской администрации. В частности, уполномоченный от цеховой артели и сам ее состав утверждался заводским управителем.

Артели приняли цеха без всяких договоров на аренду – и это тоже показатель отчаянного положения. Лишь в апреле 1894 г. с управителем завода заключены были соответствующие «условия».

Вот некоторые выдержки из «условий» артели puddингово-сварочного цеха – судя по всему, артель именно этого цеха первой проявила инициативу и впоследствии вела дело наиболее энергично.

«1. За круговую порукою принимаем на себя выделку всех сортов puddингово-сварочного железа по назначению и заказам или нарядам управителя завода...

2. К исполнению работ артель обязуется являться во все рабочие дни в трезвом и исправном виде в полном составе. В противном случае артель подвергается штрафу...

3. В случае сокращения заводского производства за недостатком рабочей воды или чугуна, артель сокращает или останавливает действие цеха по особому распоряжению Управителя...

4. Для исполнения цеховых работ артель принимает по описи все оборудование цеха...

5. Все расходы, сопряженные с выделкой железа, артели принимают на свой счет... Ремонт же зданий, ларей, фундаментов, разного рода перестройки и исправления заводоуправление принимает на себя...

8. Окончательно отделанное железо, подлежащее к сдаче в магазин, должно быть хорошего качества, выдерживать установленную пробу...

15. Если откроется, что выделанное железо кем-либо из артели утаится или будет продано в посторонние руки, то виновный преследуется по всей строгости закона...

16. В обеспечении всего дела артели отвечают круговую порукою друг за друга и всем своим имуществом...

19. Артели обязываются соблюдать порядок и чистоту как внутри, так и около фабрики, и ни под каким видом не допускать пьяных к работе...» [145].

Проект «условий» рассматривали и в Уральском горном управлении, и лично Главный начальник Иван Павлович Иванов. Множество дополнений и поправок было внесено по требованию губернского органа – Пермской контрольной палаты. Постоянно высказывался и управитель Нижне-Исетского завода: «Срок условия признается наиболее удобным с июля по июль, а не с января по январь... С января за недостатком воды в заводском пруде работы по приготовлению металлов останавливаются на несколько месяцев... Обыкновенно, начиная с весны, большинство кричников расходятся по различным посторонним заработкам» [146].

Дело было абсолютно новым. В 1890-е гг. нечто подобное сложилось еще лишь в Камско-Воткинском казенном заводе – рабочая артель взяла в аренду механический цех и сколько-то успела побиться. Но спустя краткое время запутавшаяся в долгах артель была распущена, а ее арендный договор расторгнут.

145. ГАСО. Ф.28. Оп.2. Д.2018. Л.19-24.

146. Там же. Ф.28. Оп.2. Д.2018. Л.13, 13об.; Д.2032. Л.3.

15. Вид на плотину и цеха с горы по правому берегу, нач. XX в.

16. Богородицкая церковь и здание бывшего заводоуправления, нач. XX в.

17. Богородицкая церковь, нач. XX в.

Видно, время еще не пришло – не было ни опыта, ни объективных возможностей.

Надо ли говорить, что и в Нижне-Исетске дело не пошло.

Уже на момент заключения «условий» высказывались некоторые сомнения в связи с накопившимися артельными долгами. А в феврале 1896 г. заводской управитель докладывал Главному начальнику: «Все заводские механизмы и печи, исправление коих производилось счетом артелей, пришли в крайне плохое состояние и требуют капитального, и причем неотложного, ремонта. Артели же мастеровых, будучи и без того задолженными заводоуправлению, фактически не имеют возможности произвести этот ремонт» [147]. Почти немедленно И.П. Иванов приказал вернуть завод в казну: «Дано разрешение на переход с артельных работ на казенный, или хозяйственный, способ ведения цеховых работ» [148].

Рабочие, хлебнув самостоятельности, поддержали решение. И хоть и было ясно, что проблемы завода никуда не делись, но все же к началу наступающего XX века ниже-исетцы обогатились редким для Урала опытом. Они теперь знали, что из кризиса можно выйти, рассчитывая лишь на самих себя, и при том вполне мирно – без пролития крови. Жаль, что этот опыт не пошел дальше Нижней Исети.

147. ГАСО. Ф.28. Оп.2. Д.2032. Л.1.

148. Там же. Л.2.

Что там было

18. Детский сад в здании бывшего управительского дома, 1941 г.

Итак, к началу наступившего XX века на Нижней Исети имелось следующее. Заводская плотина, представлявшая собой земляной вал со сбитыми из брусьев вешнячным (тогда говорили «весенним») и двумя ларевыми (тогда говорили «рабочими») прорезами и с каменной набережной. С двух внешних сторон плотина была выстлана камнем и обнесена частично деревянной, частично чугунной решетками. Историю плотины вели с 1789 г., каменная набережная была выложена в 1865 г. во время капитальной перестройки. Плотина подвергалась ремонту также в 1874 и 1897-1898 гг. Через сливной мост плотины перекинут был деревянный мост. На плотине с 1819 г. стояла каменная сторожка.

Два рабочих ларя. Левый был выстроен одновременно с плотиной еще в 1789 г., затем, перестроенный в 1875-1877 гг., использовался для кричного и плющильного цехов, с их закрытием – для цехов литейного и слесарно-токарного с кузнечным. Вместо правого ларя теперь подавала воду для пудлингово-сварочного цеха железная водопроводная труба (смонтирована в 1901 г.).

Каменный фабричный корпус на левом берегу слева от ларя, прежде занимаемый кричным цехом, ныне – литейным цехом, формовочной палаткой, сушильным помещением, окрасочной и укупорочной; здесь же действовала и турбина. Корпус был выстроен в 1805 г., затем дважды перестраивался, в частности, в 1875 г. к нему был сделан пристрой для отливки артиллерийских снарядов. В конце 1870-х гг. корпус был надстроен деревянным этажом для столярного цеха.

На левом же берегу справа от ларя каменный 1-этажный корпус, выстроенный в 1816 г., достраивавшийся в 1830-е гг. и в начале XX в. Здесь размещались цеха слесарно-токарный, шлифовальный, плющильный и кузнечный, 2 турбины в торце корпуса, примыкавшего к плотине, и локомобиль в противоположном конце. Прежде корпус предназначался под плющильный, молотоделательный и слесарный цеха, кузницы.

Каменный 1-этажный корпус на правом берегу, выстроенный в 1865 – 1872 гг., дважды перестроенный и занятый пудлингово-сварочным цехом и паровыми котлами. Здесь же были устроены сортировочная и укупорочная для железа и склад чугуна, с наступлением новых времен переустроенный под рабочую столовую. Этот корпус, как помним, перестроили из простаивавшей пушечно-сверильной фабрики, возведенной в 1842 г.

Еще несколько каменных и деревянных строений на заводской площадке

за плотинной: сараи, сушилка для торфа и дров, склады, навесы на столбах и магазины (те же склады), кирпичеделательная фабрика с обжигательной печью возле пудлингового цеха, два генератора там же, вагранка (1843) и отражательная печь (1886) – обе в чугунных корпусах. Короткий отрезок железной дороги в 35 футов при пудлинговом цехе (1899). Заводская площадка обнесена была оградой с воротами; с откоса плотины спускалась лестница.

В пределах заводской ограды на линии плотины у главных ворот стояла и бывшая заводская контора, построенная в 1827 г. – самое примечательное из административных заводских зданий. В 1843 г. контора была обращена в артиллерийскую приемную, затем использовалась под «слесарно-сборочную», «доводочную» и т.п. В начале XX в. здание было перестроено и отведено для поверочной палатки мер и весов. Именно в этом здании до передачи его под поверочную действовал народный театр.

Прежняя 2-этажная каменная палатка мер и весов в начале XX в. была преобразована под токарную мастерскую для обточки гирь и кладовую для их хранения.

Большинство административных зданий завода стояло на правом берегу, и от заводской площадки было отгорожено бульваром.

2-этажное каменное заводоуправление, или заводская контора, было выстроено в 1840-1844 гг., перестроено в начале XX в. и выходило на линию плотины. К заводоуправлению примыкал по линии же плотины одновременно с ним выстроенный и перестроенный каменный 1-этажный корпус под химическую лабораторию, чертежную, библиотеку, архив, казначейство и др.

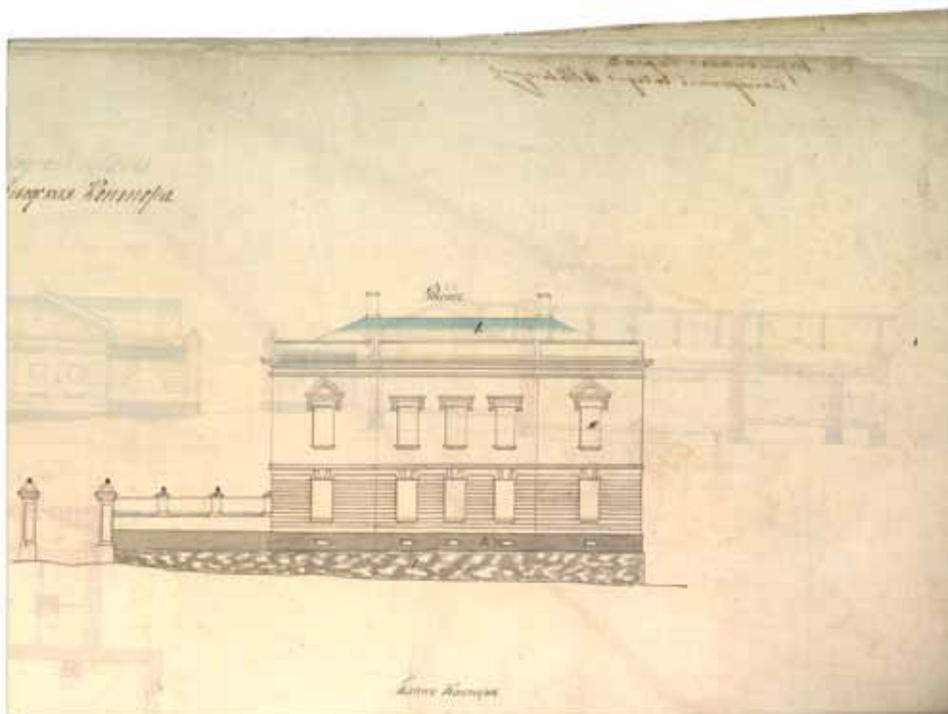
Позади заводоуправления, фасадом обращенные на бульвар, стояли последовательно каменные одноэтажные корпуса школы (1848), госпиталя и аптеки (1854), дом заводского управителя (1835). Большинство зданий были крыты железом, лишь несколько сараев и т.п. под глиняной черепицей местной кустарной выделки. [149]

Общий же парк оборудования на момент посещения завода директором Горного департамента Н.А. Иоссой в июле 1900 г. был следующим: газопудлинговая печь – 1, газосварочных – 3, пудлинговых – 4, отражательных

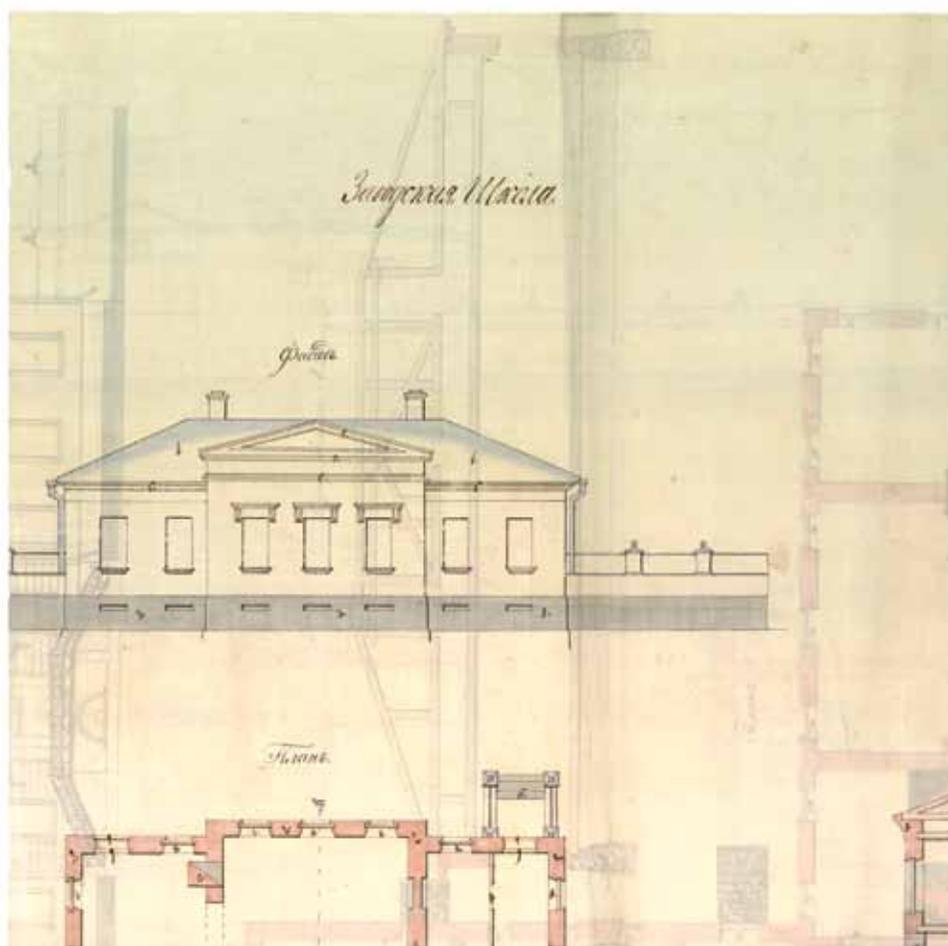
19. Управительский дом Нижне-Исетского завода, 1879 г. Управитель Н.П. Коженков, жена Анна Андреевна, дочери Анна и Елизавета.

149. ГАСО. Ф.24. Оп.19. Д.988. Л.293об.-303; 1389. Л.30-35об.

20. Заводская контора, 1874 г. ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.8087. Л.1. Подлинник. Подробнее см. Приложение, с. 103.

21. Заводская школа (мужское училище), 1874 г. ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.8087. Л.3. Подлинник. Подробнее см. Приложение, с. 105.

150. ГАСО. Ф.28. Оп.2. Д.2584. Л.3.

и калильных – 7; вагранок – 2 (из них одна в действии), кричных горнов – 7 (все бездействовали), кузнечных горнов 9 (из них три в действии), паровых машин – 3, гидравлических машин – 13 (четыре в действии), паровых котлов – 4, паровой молот – 1, прокатных станков – 3, станков – 18, вододействующих кричных молотов 11 (два в действии) [150].

Тупик

В начале XX века в стране наметился и начал крепчать экономический кризис. Так что Нижне-Исетскому заводу, и так еле державшемуся на плаву, стало совсем худо. И на самом верху – теперь уже окончательно и бесповоротно – приняли решение от завода отказываться.

В сентябре 1904 г. Главный начальник Павел Петрович Боклевский известил заводского управителя: «Нижне-Исетский завод ввиду убыточности, согласно личного приказа Министра земледелия и государственных имуществ, с 1 мая 1905 г. будет закрыт. Покорно прошу объявить всем рабочим» [151].

151. ГАСО. Ф.24. Оп.19. Д.988. Л.3

Рабочим было объявлено, и рабочие повели себя не просто разумно, но даже, к некоторому удивлению администрации, вполне организованно. Немедленно были выбраны представители от цехов, которые грамотно и аргументированно затребовали возмещения на такой случай. А пореформенные законы на случай закрытия казенного завода обещали каждому из них пахотный, сенокосный и лесной наделы и выгон для скота. После состоявшейся беседы заводской управитель Степан Чемолосов известил, что рабочие намерены просить правительство и самого Николая II продлить действие завода еще на два года: «Представители от цехов заявили мне, что получить наделы до закрытия завода по крайней мере года за два для рабочих представляется необходимым потому, что все они люди совершенно непривычные к земледельческому труду, им нужно еще некоторое время присмотреться и усвоить этот труд, обзавестись инвентарем, разработать землю и т.п. ... Если же завод будет закрыт до поземельного устройства рабочих, то, конечно, они будут поставлены в самое безвыходное положение» [152]. Упомянул, кстати, управитель и немолодой возраст большинства рабочих, к тяжкому и непривычному труду неспособных. Вообще чувствовалось, что судьба завода и рабочих искренне его беспокоит.

152. Там же. Л.4об., 5.

В марте 1905 г. С. Чемолосов представил аналитическую записку о причинах убытков и о возможных последствиях закрытия.

Естественно, кризис и обвал цен на железо; естественно, война с Японией: «Железо, предназначенное в Сибирь, лежит уже пятый месяц на станции Уктус и ждет очереди» [153]. Расходы при закрытии пойдут на консервацию и содержание заводских зданий и оборудования, на земельные наделы и провиант рабочим, а также и на возмещение по горнозаводскому товариществу: «Рабочая часть населения завода наиболее обеспечена... Они все члены горнозаводского товарищества, имеющего капитал 60 тыс. рублей. Эти члены товарищества содержат на свои средства детский приют; они исключительно поддерживают церковно-приходское попечительство... Два храма Нижне-Исетского завода поддерживаются опять-таки рабочими, остальное население вносит на это дело крохи. С закрытием завода все это рухнет...» [154]

153. Там же. Л.24об.

154. Там же. Л.27об.

В заводе числилось тогда 2145 мужчин и 2388 женщин, из них собственно рабочих 452 человека и членов семей 1188 человек.

По докладу следовало также, что Нижне-Исетская лесная дача малоземельна и бедна плодородной почвой, но изобилует разведанными месторождениями полезных ископаемых. А потому земельные наделы придется отводить в соседних дачах, что означает чреватое многими неожиданностями переселение. Да и не ждет никто ниже-исетцев ни в ближних, ни в дальних заводах: «Соседние фабрики и заводы не увеличивают число рабочих, а напротив сокращают вследствие переживаемого тяжелого положения промышленности» [155].

155. Там же. Л.27об.

22. Вид на Нижне-Исетский завод, нач. XX в.

156. Ф.24. Оп.19. Д.988. Л.29, 30.

С. Чемолосов видел выход в налаживании работы на заказ, в частности, в производстве гирь и весов и особенно подковных гвоздей: «В данное время подковные гвозди выписываются из Петербурга и Москвы... Деньги, платимые за гвоздарное железо в Швецию, останутся в России» [156].

Меж тем, прошение рабочих достигло каким-то образом Петербурга. По телеграфу директор Горного департамента Н.А. Иосса известил П.П. Боклевского, что Николай II лично интересуется Нижне-Исетском, велит созвать особое совещание в составе министров земледелия и госимуществ, финансов и внутренних дел. (Горный департамент входил тогда в состав Министерства земледелия и государственных имуществ, но уже вскоре был передан в состав Министерства торговли и промышленности.) Потом стало известно, что решением особого совещания действие завода продлено на месяц – до 1 июня. Потом до 11 июня. Потом до особого распоряжения.

Наконец, 20 июня 1905 г. получена была телеграмма: «Высочайше повелено действие Нижне-Исетского завода ныне же прекратить» [157]. Рабочим выплачивать ежемесячные пособия, снабжать бесплатно мукой.

Конечно, это воспринималось, как катастрофа.

Никто никогда не верит, что ожидаемая или тем более заранее объявленная беда может и впрямь случиться, и когда она все же случается, никто к ней не готов.

1 июля работы прекратились по всем цехам, рабочие были уволены, лишь на некоторых участках завершали работу по заказам.

Создалась ликвидационная комиссия завода, началась распродажа оставшейся продукции и заводских запасов, посыпался град растерянных прошений: служил при заводе по вольному найму двадцать лет, занимаемая мною должность упраздняется, хотя за истекшие полтора года войны с Японией имел возможность занять более выгодные места и т.д., и т.п.

О наделах дальше разговоров не шло; рассчитывать приходилось женатым рабочим на 4 пуда ржаной муки в месяц, одиноким – на 2 пуда, малолетним – на 1 пуд. Мальчишкам рабочих семей полагалось выдавать бесплатный провиант до 12 лет, девочкам – до 18-и. Закрывались заводские госпиталь и

157. Там же. Л.51.

аптека, прекращалось бесплатное лечение заводчан. Лишь по личному распоряжению П.П. Боклевского временно сохранялся фельдшерский пункт, велся амбулаторный прием больных. Упразднилось горнозаводское товарищество; накопленные за двадцать лет копеечки оставались копейками – для полной пенсии следовало отчислять в кассу товарищества не менее 35 лет.

Не надо забывать: Урал, как и вся Россия, горел революцией. В Нижне-Исетске могло полыхнуть страшнее, чем на Мотовилихе. Здесь хватало горючего материала, хоть пока весь пыл уходил в бытовые столкновения. Управитель С. Чемолосов как-то жаловался в Екатеринбургскую полицию: «Ежедневно с наступлением ночи молодые ребята собираются толпами в 15-20 чел., производят игру на гармониках, распевают песни, переходящие иногда в буйства и драки, так что вечером пройти мирному обывателю куда-либо по делу становится небезопасным. Да и проживать в квартирах при таком ежедневном шуме невозможно. 29 августа толпа пьяной молодежи собралась около здания заводской конюшни и производила разные безобразия. На просьбу конюшенного старосты прекратить шум, один из артели бросился на него вооруженный свинцовой пластинкой с гвоздями, так что последнему пришлось отстреливаться из револьвера» [158].

А из столицы пока следовали лишь общие рассуждения: «Нижне-Исетский завод отжил свой век, и новой жизни вдохнуть в него невозможно. Ничтожный масштаб производства и устарелость технических способов не дают ему места среди промышленных учреждений настоящего времени... Завод работает не для нужд армии и флота, а для потребностей рынка, конкурируя с частными заводами. Прекращение действия его было бы в интересах как Государственного казначейства, так и частных горнопромышленных предпринимателей» [159]. Впрочем, справедливо говорилось, что для возможного производства гвоздей требуется стальная проволока и ее придется возить из Златоуста. Значит и само производство проще наладить в Златоусте. Словом, перспектив никто не видел. Нижне-Исетский завод, казалось, уже погиб.

23. Виды Нижне-Исетского завода, нач. XX в.

158. ГАСО. Ф.28. Оп.2. Д.2600. Л.313.

159. Там же. Ф.24. Оп.19. Д.1389. Л.11, 13.

Артель

В ноябре 1905 г. прозвучало наконец первое разумное и твердое заявление уволенных рабочих и служащих: «Нижне-Исетский завод ликвидируется не окончательно. Действие его еще может быть возобновлено, пока он не будет продан или сдан в аренду» [160]. По ряду признаков чувствовалось, что в рабочей среде что-то затевается. Что-то конструктивное.

160. ГАСО. Ф.24. Оп.19.
Д.988. Л.244.

В следующем месяце, в декабре, стало известно, что от ниже-исетских рабочих выбраны двое уполномоченных, двое Иванов – Иван Васильевич Каликин и Иван Михайлович Степанов. И отправлены просить милости Николая II: «Рабочие Нижне-Исетского завода дали нам доверенность представить лично Его величеству всеподданнейшее прошение о возобновлении действия завода на средства казны впредь до фактического отвода им земельного надела. А если это окажется невозможным, то об отдаче завода нашим доверителям в аренду для производства работ на товарищеских артельных началах» [161].

161. ГАСО. Ф.24. Оп.19.
Д.1389. Л.11.

Несомненно, эхом отзывались события пятнадцатилетней давности, когда заводскими цехами уже распоряжались цеховые артели. Несомненно же, что теперь события могли выйти на более высокий уровень.

Пока же уполномоченные просили Главного начальника П.П. Боклевского приостановить распродажу заводских материалов и вообще всячески их поддержать: «Не откажите в поддержке нашего ходатайства. Вам прекрасно известно, в каком тяжелом положении находятся наши доверители, не наделенные землей и лишённые заработка» [162].

162. Там же. Л.10б.

Причем все понимали, что земельные участки, даже если и будут выделены, жизни бывшим рабочим не облегчат: «Почва Нижне-Исетской дачи гориста, болотиста, частью лесиста и за весьма малыми исключениями непригодна для хлебопашества» [163].

163. Там же. Ф.43. Оп.1.
Д.961. Л.311об.

В конечном счете, все решал Боклевский. В Горном департаменте и еще выше решение должны были принять, исходя из представления Главного начальника и под его ответственность. А Павел Петрович мог исходить лишь из двух известных ему попыток – здесь же в Нижне-Исетске полтора десятка лет назад и чуть позже в Воткинском заводе. В обоих случаях дело бездарно проваливалось, и, как любой нормальный человек, он не думал, что третья попытка чем-то будет отличаться: «Отдача Нижне-Исетского завода в аренду рабочим дело крайне мудреное. По-видимому, уполномоченные сами имеют весьма смутное представление, на каких условиях это можно устроить. Опыт передачи завода артелям в начале 90-х годов дал весьма печальные результаты. Теперь, при крайне низких ценах на железо, сомневаюсь в успешном исходе» [164]. И привел вполне логичный довод: начального капитала у рабочих нет, значит придется рассчитывать на казенную субсидию. А если в столице такую выделят, то не проще ли возобновить казенное действие завода?

164. Там же. Ф.24. Оп.19.
Д.1389. Л.6.

Но ведь только что отгремел пятый год. Уже все знали, что такое всеобщая политическая и баррикады на улицах. И надо полагать, кто-то увидел в ходатайстве ниже-исетских рабочих возможный вариант и альтернативу.

Словом, в марте 1906 г. из Горного департамента известили о решении Николая II: «Местному горнозаводскому начальству представить проект кондиций на отдачу Нижне-Исетского завода в аренду артели рабочих» [165].

165. Там же. Л.8.

В Горном департаменте составили здравое и чрезвычайно разумное рассуждение о том, что это невозможно. К доводам П.П. Боклевского добавили

еще множество аргументов. Например, что сохраняющееся на заводе пудлингование есть вчерашний день металлургии. Или, что организовать доменное производство не удастся – древесины на выжиг угля в Нижне-Исетской даче не хватает, а торф для выплавки чугуна почти не пригоден. Наконец, что помимо отсутствия капитала, у рабочих нет управленческого опыта и вообще ничего, что могло бы служить гарантией. «Иначе обстояло бы дело, если бы ниже-исетские рабочие вошли в компанию с состоятельным лицом, которое могло бы внести залог, участвовало бы в общем предприятии оборотными средствами и заботилось бы о распродаже металла» [166]. И много что еще. И в общем тоже потребовали от П.П. Боклевского составить проект договора.

166. Там же. Л.15.

В мае 1906 г. проект договора между Уральским горным управлением и уполномоченными от артели был составлен. Если сравнивать его с «условиями» 1890-х гг., надзорные функции заводоуправления были сведены к минимуму. Заводская артель, в сравнении с ограниченными полномочиями прежних цеховых артелей, получала почти полную хозяйственную самостоятельность.

Основные положения договора были таковы.

Артель берет в аренду у казны все заводские здания и постройки, оборудование и механизмы, плотину и пруд. В артель входят местные заводчане; посторонние обязаны уплатить за вступление в артель паевой взнос и участвовать в ней личным трудом. В качестве топлива артель получает участок торфяного болота за обычную плату. Артель предоставляет горнозаводской администрации право технадзора и обеспечивает доступ к документации. Артель обязуется застраховать все хозяйство и каждые полгода выплачивать арендную плату – 1 % от валового дохода. Артель имеет право получать кредиты горного ведомства металлами и горючим. Лечение рабочих артель принимает на себя. Срок аренды двенадцать лет с последующим продлением еще на двенадцать.

За общее собрание артельщиков подписались десять уполномоченных. Среди них были уже знакомые администрации И.М. Степанов и И.В. Калинин и еще несколько имен, которые предстояло запомнить. Например, Петр Колосов, Иван Кочергин.

Что-то изменилось за прошедшие два месяца, и в Горном управлении к артели стали относиться в целом доброжелательно и вполне по-деловому: «Г-н П.П. Боклевский, вполне сочувствуя идее сдачи завода артели рабочих, полагает, однако, что эта аренда не должна носить филантропический характер, и казна должна строго и определенно отстаивать свои интересы» [167]. Наверняка многие полагали, что это все неизбежно и за этим будущее – за подобными формами.

167. Там же. Л.20об.

Нижне-исетские рабочие действительно верно уловили «тренд» новой эпохи, ибо несомненно, что при любом последующем раскладе именно за кооперацией, за кооперативными формами труда было будущее. Можно также сказать, что ниже-исетцы первыми на Урале реально осуществили воспламеняющий лозунг «заводы – рабочим». Причем в цивилизованной форме.

9 и 12 июля 1906 г. состоялось первое общее собрание артели. Выбрали правление в составе трех членов, включая председателя – И.В. Каликина, приняли название: «Трудовая артель кустарей Нижне-Исетского завода». Вскоре же в названии появилось слово «рабочих»: «Трудовая артель рабочих и кустарей Нижне-Исетского завода». Со следующего года утвердилось название: «Нижне-Исетская трудовая артель». А на одном из много раз менявшихся артельных бланков значилось: «Первая на Урале горнозаводская кооперация. Трудовая артель рабочих и кустарей Нижне-Исетского завода». Артельной эмблемой стали скрещенные кайло и молот.

В октябре 1906 г. договор с артелью был утвержден в Министерстве торговли

и промышленности. Добавлены были пункты о запрете получить в аренду лесную дачу и рудники, о праве артели сдавать от себя внаем арендуемые помещения, уточнена арендная плата за завод: за первый год не взимается, за 1908-1909 гг. – по 1 тыс. рублей, за 1910 г. – 1,5 тыс. р., далее по 2 тыс. р. ежегодно.

168. ГАСО. Ф.24. Оп.19.
Д.1389. Л.115.

К тому времени уже стало ясно, что дело пойдет, и многие потянулись к артели. В первом общем собрании участвовало 57 членов-учредителей. А в третьем, состоявшемся в ноябре 1906 г., уже 198 членов при общем количестве 233 человека. Вскоре же председатель правления констатировал: «Беспрерывно продолжающийся прием новых членов и впредь может продолжаться» [168]. Председателем был тогда И.М. Степанов, членами – И. Каликин и П. Колосов.

В ноябре 1906 г. общее собрание артели приняло уже утвержденный министерством договором аренды, и каждый артельщик в том подписался. В местных газетах «Урал», «Уральская жизнь» и «Уральский край» в разделе официальной хроники было опубликовано: «От Уральского горного управления. Сим объявляется, что 23 марта с.г. Высочайше повелено представить проект кондиций...» и т.д. Сообщение публиковалось также в «Московских» и «Петербургских ведомостях». 17 декабря 1906 г. артель официально вступила в права арендатора, в январе 1907 г. началась передача заводского имущества из казны в артель. Тогда же утвержден был артельный устав.

Артельщики, впрочем, показывали себя хозяевами еще до получения завода: «Правление Артели имеет честь просить Ваше превосходительство сделать распоряжение, чтобы находящиеся в цехах станки и машины до сдачи завода в аренду периодически смазывались салом».

Естественно, настоящие заботы, а затем и проблемы, начались уже с получением заводского хозяйства, с началом работ.

169. Там же. Л.106.

«Правление просит освободить от казенного железа помещение бывшего кричного цеха. Это помещение является единственным удобным для Артели под склад сортового железа» [169].

170. Там же. Л.185.

«В ближайшие дни [февраль 1907 г. – Н.К.] Артель намерена открыть действие завода. Правлением Артели затребована уже партия чугуна с Каменского завода» [170].

171. Там же. Л.186об.

«Вообще, правление Артели вынуждено ходатайствовать о понуждении администрации закрытого завода к более энергичной передаче арендованного имущества. До сего времени Артель встречает на каждом шагу со стороны смотрителя завода Иванова различные препятствия в выдаче частей и приспособлений. На скромные просьбы правления г-н Иванов и его сослуживцы всегда отвечают с пренебрежением, высокомерно... Артели с трудом приходится выручать от г-на Иванова необходимые для цехов и механизмов принадлежности... До 9-10 часов утра служащие не желают являться к месту исполнения их обязанностей. Везде и всюду их приходится ждать и задолживать рабочих» [171].

Так и кажется, что Нижне-Исетской артели, хоть и в малой степени, пришлось пережить то, что предстояло пережить спустя совсем немного лет всей махом национализированной промышленности. В этом смысле, Нижне-Исетскую артель, хоть и со множеством оговорок, можно считать «моделью» скорого советского будущего.

172. ГАСО. Ф.28. Оп.2.
Д.2208. Л.3.

Иногда бывшая казенная администрация открыто саботировала артельное правление: «Контора закрытого завода не только не побеспокоилась составить опись, а даже “забыла”, что материалы сданы Артели, потому что продолжает отпускать их не в кредит, а за наличный расчет» [172]. Иногда же доходило до мелких уколов: «В настоящее время г-н смотритель распорядился снять с арендованных Артелью заводских зданий вывески и гербы и намерен снять также

Святые иконы из всех зданий и цехов для продажи таковых с торгов» [173]. Тянули с передачей технической библиотеки и чертежей на оборудование.

Кстати, помимо книг по механике, горному делу и т.п. в заводской библиотеке, надо полагать, стараниями заводского учителя Василия Константиновича Хомутова, накопилось несколько художественной литературы. Правление артели просило: «Для Артели желательно было бы получить в аренду техническую библиотеку,.. Существующую же при заводе особую беллетристическую библиотеку, образовавшуюся от выписки периодических журналов, правление Артели осмеливается просить Ваше превосходительство пожертвовать в собственность Артели для пользования ее служащих и рабочих» [174]. П.П. Боклевский не возражал: «Согласен пожертвовать правлению артели при условии хранить ее в целостности и исправности» [175]. Известно, что в начале века заводская библиотека выписывала более двухсот названий газет и журналов. Среди них были, например, «Нива», «Родина», «Вокруг света», «Русское богатство», «Иностранная литература», «Природа и люди», «Музыка и пение», «Исторический вестник» и др.

О быте и досуге рабочих правление артели заботилось вполне искренне и этим также напоминало что-то будущее, советское. В июле 1907 г., например, член правления И. Кочергин выступил на общем собрании артельщиков с речью: «В Нижне-Исетском заводе не существует ни чайной, ни публичной библиотеки-читальни. Свободное от работы время и праздники часть мастеровых, особенно же подростки, проводят в пивных, которых, к сожалению, со времени открытия работ на арендованном Артелью заводе богачи наоткрывали вдвое больше против прежнего. Раньше было 2-3, а теперь целых 5! Имеется казенная винная лавка и целые десятки потайных шинков, где торгуют водкой и пивом» [176]. И. Кочергин добром вспомнил прежде существовавшее театральное общество и предложил учредить в заводе так называемый «народный дом» – фактически заводской клуб. И общее собрание утвердило: «В память неоднократно оказанной Артели Его величеством монаршей милости наименовать его Народный дом императора Николая II» [177]. Разместить народный дом предложили там, где недавно действовал народный театр, где впоследствии администрации устроила палатку мер и весов, и где ныне заседала казенная Ликвидационная комиссия.

Действительно, Нижне-Исетский народный дом им. Николая II вскоре

24. Торжества в честь 300-летия дома Романовых. Народный дом в Нижне-Исетске, 1913 г.

173. Там же. Ф.24. Оп.19. Д.1389. Л.287об.

174. Там же. Л.152.

175. Там же. Л.154.

176. Там же. Л.394об.

177. Там же. Л.395.

же был учрежден, и разместился именно в памятном для завода здании – в первой заводской конторе. Этому содействовал персонально министр торговли и промышленности Д.А. Философов, побывавший летом 1907 г. в Екатеринбурге и специально заезжавший в Нижне-Исетск. В народном доме возродилось театральное общество, там начали ставить спектакли, крутили кинофильмы. Там же собирались и местные сельские сходы.

В этом эпизоде любопытно также упоминание об открытии всего за полгода массы точек виноторговли. Значит, появились у людей деньги.

Действительно, ниже-исетцы в «артельную эпоху» зажили много лучше прочих уральских рабочих. Главный техник Уральского горного управления, он же и председатель Ликвидационной комиссии казенной администрации завода, Карл Морен упомянул как-то, что ниже-исетские рабочие совершенно «избалованы» высокими платами и пенсиями [178]. А они просто получали установленную правлением реальную плату за свою работу, которую должны были бы получать и во всех прочих заводах, избегая тем социального напряжения, а затем и взрыва. Так бывает всегда, когда люди перестают надеяться на помощь сверху и начинают рассчитывать только на себя. Правление обычным порядком нанимало техников, счетоводов и т.п., и многие серьезные специалисты успели поработать на артель.

Естественно, деньги на организацию работ откуда-то должны были взяться. Естественно же, взяться им было неоткуда, кроме как от кредита. В этом, наверное, и заключается коренное отличие «нижне-исетской модели» от советской национализированной промышленности. Нижне-Исетский артельный завод вполне мог воспользоваться кредитными возможностями и некоторой даже благосклонностью со стороны руководства горного ведомства. Возможно, в столице, да и в Екатеринбурге, Нижне-Исетскую артель рассматривали как своего рода эксперимент.

Уже в ноябре 1906 г. Горный департамент дал принципиальное согласие на выделение артели кредита металлами и горючими материалами (торф, дрова, пни) на сумму в 10 тыс. рублей. Именно в связи с обязательством артели (хотя и с полугодовой задержкой выплаты) сумели скоро восстановить завод: «Имея полное основание рассчитывать на этот кредит, Артель спешно отремонтировала завод, привела в порядок все цеха» [179]. Сверх имевшегося были смонтированы вторая вагранка и лесопильная рама. В марте 1907 г. артель запросила от министерства кредит материалами еще на 20 тыс.р., а еще раньше правление обратилось с ходатайством к Николаю II об освобождении от промыслового налога: «Члены артели, полтора года страдавшие от безработицы, мирно домогающиеся возможности честно трудиться, сумеют и постараются оправдать Монаршее доверие и милость Вашего величества» [180].

И вскоре же на типографском бланке артельного правления появился штамп: «От гербового сбора Высочайшим повелением 6 апреля 1907 г. артель освобождена».

На самом же бланке значилось дословно: «Правление Нижне-Исетской трудовой артели, арендующей с Высочайшего разрешения Нижне-Исетский казенный завод. Адрес для писем и телеграмм: Екатеринбург, Нижне-Исетской артели. Для грузов: станции Уктус и Исток Пермской железной дороги, почтовый ящик № 2. Телефон № 202. Производство сортового железа, чугунного и медного литья, кузнечно-механических изделий, сельскохозяйственных машин, кирпичных прессов, столярных работ, буксов, тормозных аппаратов, вагонной оковки и прочих железнодорожных скреплений. Исполнение заказов по чертежам. Заказы принимаются в Правлении Артели. Условные текущие счета в Екатеринбургском отделении Государственного банка и Екатеринбургском отделении Волжско-Камского банка (номера)». Были и варианты. Правление

178. ГАСО. Ф.24. Оп.19. Д.1275. Л.20.

179. Там же. Ф.24. Оп.19. Д.1389. Л.204.

180. Там же. Л.223.

артели, потратившись на издание бланка, явно сэкономило потом на рекламе.

Горный департамент пообещал кредит в 20 тысяч, выданный артели на три года, считать беспроцентным. Запрошенный артелью с Гороблагодатских рудников локомобиль, в выдаче которого лично отказал П.П. Боклевский, был, в конце концов, по прямому распоряжению Министерства торговли и промышленности перевезен в завод по первой зимней дороге на лошадях. Новый председатель правления Андрей Белоглазов уж очень на том настаивал: «По случаю особенного мелководья Артель вынуждена была остановить действие прокатной фабрики с 22 сентября, рассчитывая, что с начала октября, возможно будет работать паром» [181]. И своей властью П.П. Боклевский распорядился сохранить взамен госпиталя и аптеки хотя бы фельдшерский пункт. Впоследствии он действовал под надзором Екатеринбургского земства. Горное управление сохраняло за собой некоторые надзорные функции, хотя бы и косвенно. В частности, в прежней квартире заводского управителя разместилась теперь администрация по лесным делам: «Перевод Канцелярии лесничества и квартиры лесничего из Екатеринбурга в Нижне-Исетский завод вызван в целях приближения его к потребителям лесов и наблюдением за пользованием горючим» [182].

181. Там же. Л.403.

182. ГАСО. Ф.24. Оп.16. Д.1082. Л.31.

Словом, наряду с некоторым внешним давлением артель пользовалась и поддержкой высоких инстанций. Очевидно, например, что одной ей не вытянуть было эпохального в истории завода события – очередной капитальной перестройки плотины.

25. Бывшая заводская плотина, нач. XXI в.

В октябре 1907 г. с состоянием нижне-исетской плотины знакомились К. Морен, заводской смотритель Всеволод Иванов, члены артельного правления

183. ГАСО. Ф.24. Оп.19.
Д.1275. Л.17.

А. Белоглазов и П. Колосов. И констатировали, что все на соплях. Весной следующего года правление приняло решение о ремонте: «Весенний [вешнячный – Н.К.] прорез плотины и деревянный водопроводный ларь вспомогательных цехов от ветхости пришли в полную негодность и угрожают падением» [183]. Те же К. Морен, В. Иванов и председатель артельного правления И. Кочергин (затем А. Белоглазов) формально триумвиратом командовали перестройкой. Но двигателем проекта, конечно же, был главный техник Урала К. Морен. Подрядчиком по ремонту стал житель ВИЗа, записанный верхотурским мещанином, Терентий Лошкарев. Плотинного мастера ни даже подмастерья в штате артельного завода, и пришлось обращаться в Каменский завод, один из немногих оставшихся казенных заводов. Оттуда прибыл старший доменный мастер Василий Косяков, как все уставщики знакомый с любым заводским делом. В помощь от Уральского горного управления был командирован также горный инженер А.П. Соколов.

Итак, в сентябре 1909 г. началась последняя в заводские времена капитальная реконструкция ниже-исетской плотины. И, в общем, то было главное техническое дело, совершенное Нижне-Исетской артелью.

184. Там же. Л.136, 138.

Нижне-Исетский пруд понижен был до четырех с половиной аршин, спецы, включая главного техника Морена и инженера Соколова, влезли внутрь вешняка, обстучали сливной (понурный) мост и обнаружили много неожиданного: «Замок сводов настолько ослаб на месте трещин, что камни выпадают... Бревна, перекрывающие столбы, погнили и дали прогиб, отчего горизонтальные швы устоя ниже пола разошлись... По вырубке части сливного моста брусев под ними не оказалось, под устоем на длину около сажени имеется пустота. Этого ни на одном прежнем чертеже не было показано, эта пустота является неожиданностью...» [184]

В принципе непонятно, как не случилось до сих пор катастрофы, и завод исправно, в общем, работал.

Не менее удивительно, что артель, в общем, сумела соблюсти сроки, и капитально отремонтированную плотину комиссия принимала в конце марта 1910 г. – всего на полтора месяца позже назначенного срока. И сверх того летом прежний деревянный ларь заменили на водопроводную деревянную же трубу.

И все же следует признать, что полноценного возрождения завода под артельным правлением так и не состоялось. Вернее всего, причиной тому неумение трезво распорядиться свалившимися кредитными возможностями: известно, что еще в конце 1907 г. артель запрашивала через Уральское горное управление из Горного департамента 80 тыс. р., и какую-то часть успела получить. В конце концов, не им первым, не им последним легкий кредит переломил хребет. Наверняка же причина неудачи крылась и где-то глубже, где-то в тех глубинных материях, из-за которых, в конечном итоге, потерпела крах не только «модель», но и масштабное ее воплощение. Во всяком случае, очевидно, что завод продолжал работать в убыток, и с началом Мировой войны церемониться с артелью уже никто не собирался. Правлению артели дали это понять, и в октябре 1914 г. общее собрание приняло это к сведению, подтвердило потерю перспектив и объявило конец эксперимента. Тотчас же была сформирована комиссия по ликвидации аренды Нижне-Исетского завода и приему всего заводского хозяйства обратно в казну. Казенного долгу артели насчитали 93 тыс. рублей.

185. ГАСО. Ф.24. Оп.19.
Д.1080. Л.175.

В мае 1915 г. пришлось констатировать: «Трудовая артель более не существует, и Нижне-Исетский завод ныне совершенно не действует» [185].

Исход

У Нижне-Исетской трудовой артели тоже хватало должников – помимо частных лиц было и несколько серьезных организаций и заведений: Пермская и Тюменско-Омская железные дороги, компания Камско-Тобольского водного пути, типографии «Уральской жизни» и «Уральского края», Пермское инженерное товарищество, торговые дома «Братья Беллер», «Братья Степановы», «Ф.К. Батраков» и др. Но всего долгу на них числилось 12,5 тыс. рублей. Поэтому почти сразу после передачи завода из артели в казну распоряжением Горного департамента началась распродажа артельного накопленного имущества: торфа, кокса, белой огнеупорной глины, формовочного песку и т.п. Оборудования и зданий это не касалось, поскольку строились уже расчеты на завод.

Новый Главный начальник Павел Егоров, например, полагал: «Стало известным, что Военное ведомство намерено построить в Екатеринбурге трубочный завод и входит в переговоры с городом о приобретении подходящего места. Ввиду ликвидации Нижне-Исетского завода мне казалось бы выгодным для казны уступить его Военному ведомству» [186].

Однако Нижне-Исетский завод, весной 1915 г. полностью прекративший действие, остался в горном ведомстве. 1 сентября 1915 г. он вошел в состав Камско-Воткинского казенного горного округа на правах заводского цеха. Причем, по словам прибывшего в сентябре представителя Воткинского заводоуправления, тамошнюю администрацию интересовали в Нижне-Исетске лишь пудлинговый, кузнечный и механический цеха: «В пудлинговом цехе предполагают устроить одну сварочную печь из кирпича существующих печей... А в кузнечном цехе предполагают все существующие горна снести и взамен их устроить новые» [187].

Завод, действительно, был кое-как перестроен и кое-как возобновил действие. Жил он теперь почти исключительно заказами, как правило, разовыми и, главным образом, для железных дорог. Единственное заводское место, где не стихала жизнь, был сохраненный после роспуска артели Народный дом. Здесь по-прежнему устраивались сходы Нижне-Исетского сельского общества, действовал кинематограф и ставились любительские спектакли. С началом Мировой войны и введением «сухого закона» здесь разместилось также местное отделение Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников. Екатеринбургские средней руки заведения, вроде кредитного и ссудо-сберегательного товарищества, периодически откупали дом под лекционный зал для разного рода собраний и месячных курсов.

Потом пришло время совсем других собраний и даже митингов.

Краха старого мира Нижне-Исетский завод не пережил. Новым советским, потом белым, потом опять советским, властям приходилось постоянно заниматься благотворительностью. Что-то вроде этого: «Ввиду чрезвычайно острого положения в отношении продовольствия рабочих Нижне-Исетского горного завода прошу распоряжения об отпуске в срочном порядке на ближайшую к нему станцию Уктус одного вагона муки» [188]. Формально же летом 1918 г., не поймешь при какой власти, на заводе числилось формально действовавшего: прокатный цех, кузнечно-штамповочный цех, механическая мастерская, лесопилка, столярная мастерская, 9-сильная динамо-машина для освещения заводских цехов и зданий.

Техотдел Чехословацких войск успел сделать заказ заводу на девять штук дезинфекционных камер и полтысячи чугунных утюгов.

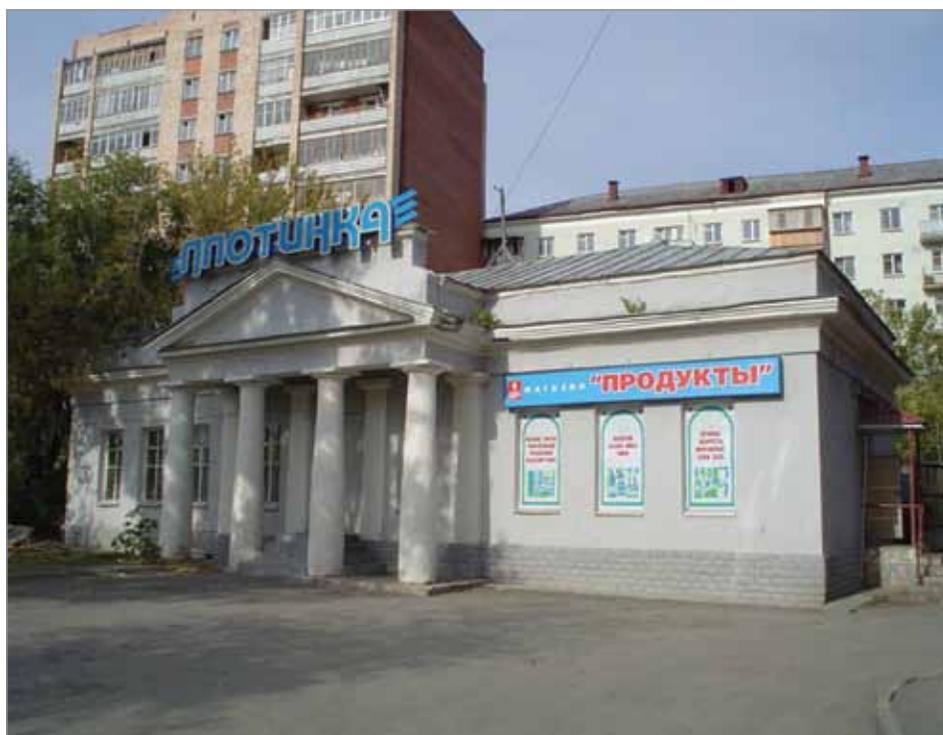
186. ГАСО. Ф.24. Оп.19. Д.1080. Л.62.

187. Там же. Л.226.

26. Заводское училище, 1848 г. Современное состояние.

188. ГАСО. Ф.24. Оп.16. Д.1082. Л.11.

27. Заводская контора, современное состояние, нач. XXI в. (также приемная артиллерийских снарядов, «народный дом» и др., 1827 г.).

А Временное областное правительство Урала успело распорядиться о выделении Нижне-Исетского завода из Камско-Воткинского округа и превращении его в самостоятельную производственную единицу.

Только производственной единицей Нижне-Исетску не суждено было стать. Он умер естественной смертью, или, может, впал в двадцатилетнюю спячку, а проснулся, чтобы возродиться уже советским Химмашем.

* * *

Действительно, завод Химмаш в Екатеринбурге можно считать историческим преемником Нижне-Исетска. Проектирование, а затем и строительство его уже в советском Свердловске началось спустя чуть более полутора десятка лет после окончательной остановки Нижне-Исетского завода. И несомненно, что самый выбор места ему учитывал близость старого заводского поселка и знакомство всех слоев здешнего населения с заводским делом. Хоть заводское дело в новую эпоху было уже совсем другим.

Конечно, новый завод сейчас же затмил старый. В конце концов, Нижне-Исетск всегда был предприятием не имперского и даже не общеуральского, а всего лишь окружного, масштаба. Но за век свой он несколько раз оказывался весомой гирькой на весах державной экономики. Собственно, это случалось всякий раз, когда призывали его работать на военное ведомство – особенно в горячую пору.

От него не многое осталось, но все же осталось. Конечно же, это заводская плотина с прудом – след на земле всякого уральского завода XVIII–XIX вв. Это и первая заводская контора, выстроенная при Подоксенове, послужившая потом и приемной артиллерийских снарядов, и «народным домом», и много чем еще. Это здания эпохи генерала Глинки – заводоуправление, училище и госпиталь. Два из них сейчас заброшены и готовы развалиться, и странно, что никому нет до них дела. Это обелиск от памятника Александру II.

И остается что-то еще, нечто неосязаемое, что можно назвать исторической памятью или духовным наследием. Нечто глубинное, ибо Нижне-Исетский завод навсегда остался одним из могучих корней нового Екатеринбурга.

28. Заводоуправление, 1844 г. Современное состояние.

29. Заводской госпиталь, 1854 г. Современное состояние.

Список иллюстраций

1. Нижне-Исетская плотина, 1800-е гг. «План профиль и фасад Нижне-Исетского казенного завода плотине, перестроенной по проекту Екатеринбургского монетного двора уставщика Егора Усольцева» (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7927. Подлинник).
2. А.С. Ярцев. 1770-е гг. (Википедия).
3. План Нижне-Исетского завода, 1802 г. (ГАСО. Ф.28. Оп.1. Д.66. Л.303-304. Подлинник).
4. Нижне-Исетская стальная фабрика, 1804 г. «Фасад поднятого плотнишного строения стальной фабрики, и в оной внешний вид стальной и очистительной печи» (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7933.). Заверенная копия.
5. Пильная и мукомольная мельницы Нижне-Исетского завода, 1807 г. «План и профиль Нижне-Исетского стального дела казенного завода пильной и мукомольной мельницам» (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7937. Подлинник).
6. Машина для обточки пушечных цапф по проекту И. Подоксенова, 1812 г. «План и профиль машине, вновь построенной по проекту гитен-фервальтера Подоксенова при Нижне-Исетском казенном заводе в 1812 году в феврале-месяце для отточки у чугунных пушек цапфов. Сочинен в марте-месяце того ж года.»(ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7929. Подлинник).
7. План сгоревшей свирельной фабрики Нижне-Исетского завода, 1820-е гг. (ГАСО. Ф.25. Оп.1. Д.7944 (1). Подлинник).
8. Пушка Я. Зотина в собрании Артиллерийского музея в Петербурге.
9. Вагранка Нижне-Исетского завода, 1824 г. «План и профиль устроенной при Нижне-Исетском заводе чугунно-литейной печи в малом виде, на манер доменной.» (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7942. Подлинник).
10. План Нижне-Исетского завода, 1809 г. (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7603. Заверенная копия).
11. Пудлингово-сварочный цех, 1874 г. (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.8087. Л.24. Подлинник).
12. План Нижне-Исетского завода, 1878 г. (ГАСО. Ф.43. Оп.1. Д.961. Л.277. Подлинник).
13. Открытие памятника Александру II.
14. Памятник Александру II.
15. Вид на плотину и цеха с горы по правому берегу, нач. XX в.
16. Богородицкая церковь и здание бывшего заводоуправления, нач. XX в.
17. Богородицкая церковь, нач. XX в.
18. Детский сад в здании бывшего управительского дома, 1941 г.
19. Управительский дом Нижне-Исетского завода, 1879 г. Управитель Н.П. Коженков, жена Анна Андреевна, дочери Анна и Елизавета.
20. Заводская контора, 1874 г. (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.8087. Л.1. Подлинник).
21. Заводская школа (мужское училище), 1874 г. (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.8087. Л.3. Подлинник).
22. Вид на Нижне-Исетский завод, нач. XX в.
23. Виды Нижне-Исетского завода, нач. XX в.
24. Торжества в честь 300-летия дома Романовых. Народный дом в Нижне-Исетске, 1913 г.
25. Бывшая заводская площадка, нач. XXI в.
26. Заводское училище (1848 г.) Современное состояние.
27. Заводская контора, современное состояние, нач. XXI в. (также приемная артиллерийских снарядов, «народный дом» и др., 1827 г.).
28. Заводоуправление (1844 г.). Современное состояние.
29. Заводской госпиталь (1854 г.). Современное состояние.

Приложение

***Управители Нижне-Исетского завода,
1789 – 1907 гг.***

Никита Анисимович Ломаев	1789-1795 гг.
Константин Хмелинин	1798-1799 гг.
Василий Ломаев	1799 г.
Александр Мамышев	1799-1800 гг.
Михаил Иванович Ларин	1801-1805 гг.
Иван Иванович Рихтер	1805 -1807 гг.
Иван Никитич Подоксенов	1807-1833 гг.
Александр Никитич Чайковский	1833-1835 гг.
Иван Иванович Лебедин	1835-1839 гг.
Александр Иоасафович Москвин	1839-1843 гг.
Павел Петрович Милованов	1844-1847 гг.
Ламанский	1848-1849 гг.
Лев Васильевич Данковский	1849-1856 гг.
Виктор Михайлович Малахов	1856-1864 гг.
Владимир Казимирович Рейхель	1865-1870 гг.
Павел Михайлович Карпинский	1870-1873 гг.
Николай Петрович Коженков	1873-1882 гг.
Александр Николаевич Фелькнер	1882-1886 гг.
Николай Александрович Огильви	1886-1889 гг.
Федор Петрович Коновалов	1890-1895 гг.
Иосиф Иосифович Тибо-Бриньоль	1897-1899 гг.
Степан Степанович Чемолосов	1900-1905 гг.
Всеволод Михайлович Иванов	1905-1907 гг.

*Меры длины**

Единица	Отношение к меньшей единице	Футы	Аршины	Миллиметры	Метры
дюйм		1/12	1/28	25,4	0,0254
вершок	1,75 дюйма	7/48	1/16	44,45	0,04445
четверть (пядь)	4 вершка	7/12	1/4	177,8	0,1778
фут	12 дюймов	1	3/7	304,8	0,3048
аршин	16 вершков	2 1/3	1	711,2	0,7112
сажень	3 аршина	7	3	2 133,6	2,1336
верста	500 сажений	3 500	1 500	1 066 800	1 066,8
миля	7 верст	24 500	10 500	7 467 600	7 467,6

Меры веса

Мера	Отношение к меньшей единице	Фунты	Граммы	Килограммы
доля		1/9216	0,0444	0,0000444
золотник	96 долей	1/96	4,2657	0,0042657
лот	3 золотника	1/32	12,79726	0,01279726
фунт	32 лота	1	409,5124	0,4095124
пуд	40 фунтов	40	16380,496	16,380496
берковец	10 пудов	400	163800	163,8

Меры площади

Мера	Отношение к кв. саженям	км ² , м ²	га**
1 кв. верста	250 000	1,1381 км ²	113,81
1 десятина	2400	10 925,4 м ²	1,0925
1 четь	1200	5462,7 м ²	0,54627
1 осьминник	300	1365,675 м ²	0,137

* Масштаб в планах и чертежах XIX в. приводится к 1 английскому дюйму.

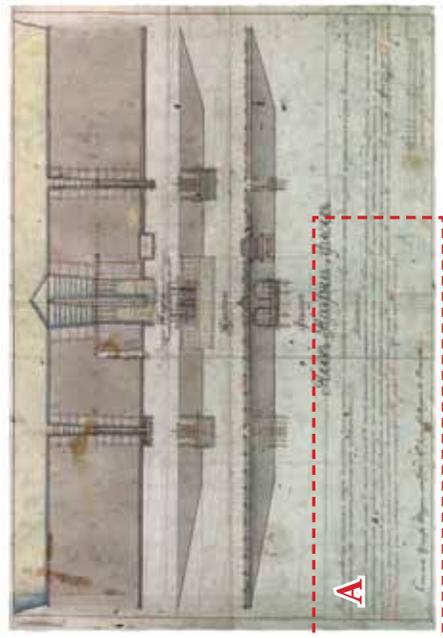
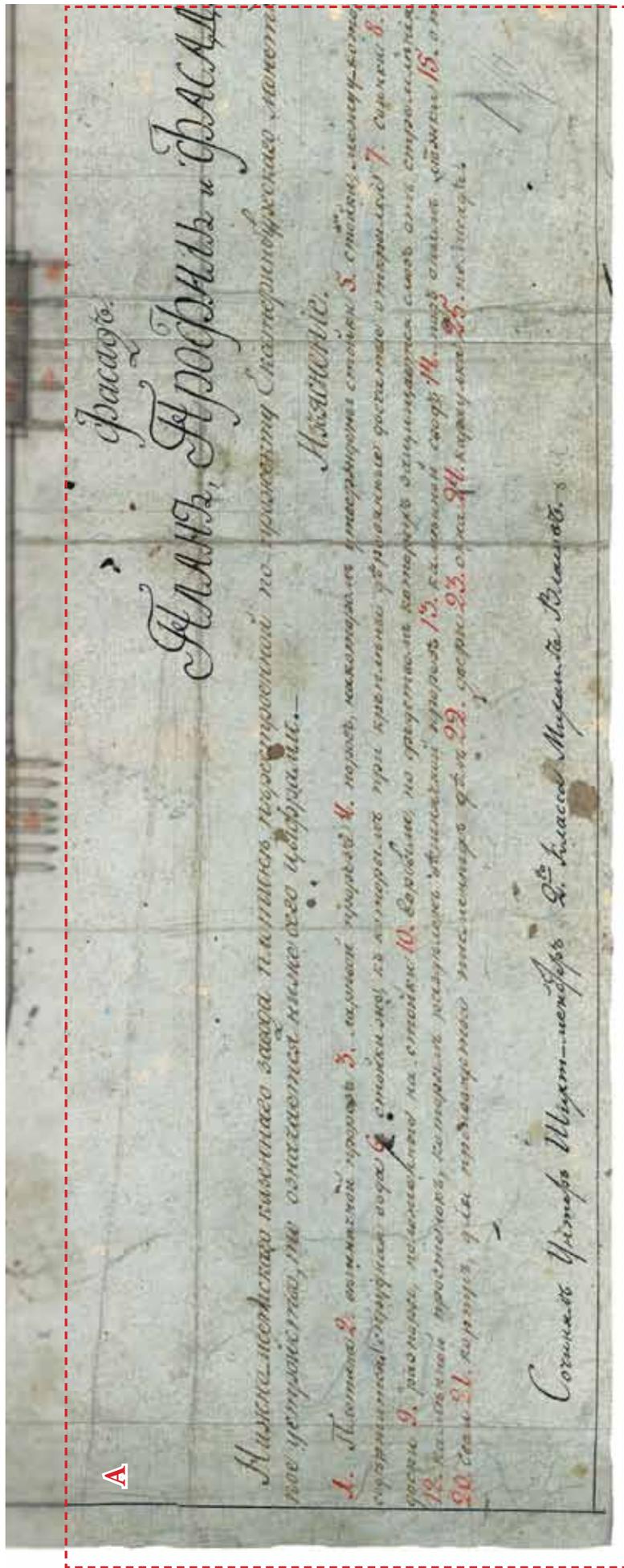
** Гектар (от гекто- и ар) – метрическая единица площади, равная площади квадрата со стороной 100 м:

1 га = 10 000 м² = 0,01 км².

Табель о рангах в горном ведомстве в XVIII – XIX вв.*

Класс	Воинские (пехота)	Гражданские	Горные, 1734 – 1801 гг.	Горные, с 1801 г.
III	Генерал-лейтенант (генерал-поручик)	Тайный советник		
IV	Генерал-майор	Действительный статский советник		Обер-берг-гауптман 4 кл.
V	Бригадир (до 1799 г.)	Статский советник		Обер-берг-гауптман 5 кл.
VI	Полковник	Коллежский советник		Берг-гауптман
VII	Подполковник	Надворный советник		Обер-берг-мейстер
VIII	Майор	Коллежский ассессор	Обер-берг-мейстер	Берг-мейстер, обер-гитен-фервальтер
IX	Капитан	Титулярный советник	Берг-мейстер (заводской судья), обер-гитен-фер- вальтер (заводской ко- миссар), обер-маркшей- дер (главный межевщик), обер-цегентнер (главный казначей), обер-форшт- мейстер.	Маркшейдер, обер-берг-робирер
X	Капитан-поручик (до 1796 г.)	Коллежский секретарь	Маркшейдер (горный ме- жевщик), земский судья, секретарь Канцелярии Главного правления заво- дов.	Гитен-фервальтер
XII	Лейтенант (поручик)	Губернский секретарь	Гитен-фервальтер (завод- ской управитель), геодезии поручик, форшт-мейстер (лесной управитель).	Берг-гешворен, берг-пробирер
XIII	Унтер-лейтенант (подпоручик)	Провинциальный секретарь	Берг-гешворен (горный надзиратель), вице-марк- шейдер (геодезист), обер- берг-про-бирер, механик, цегентнер (заводской каз- начей), берг-шрейбер (се- кретарь в горном началь- стве).	Шихтмейстер 13 кл.
XIV	Прапорщик	Коллежский регистратор	Шихтмейстер (надзиратель припасов, надзиратель ле- сов), геодезии прапорщик, берг-пробирер (пробир- ный мастер), бухгалтер (со- держатель счетов), земский комиссар.	Шихтмейстер 14 кл.
-	Унтер-офицер (подпрапорщик)	Письмоводитель	Унтер-шихтмейстер (над- зиратель работ), унтер- механик, унтер-пробирер (пробователь руд).	Унтер-шихтмейстер

* В скобках горных чинов приведены практиковавшиеся русские названия.

ПЛАН, ПРОФИЛЬ и ФАСАД

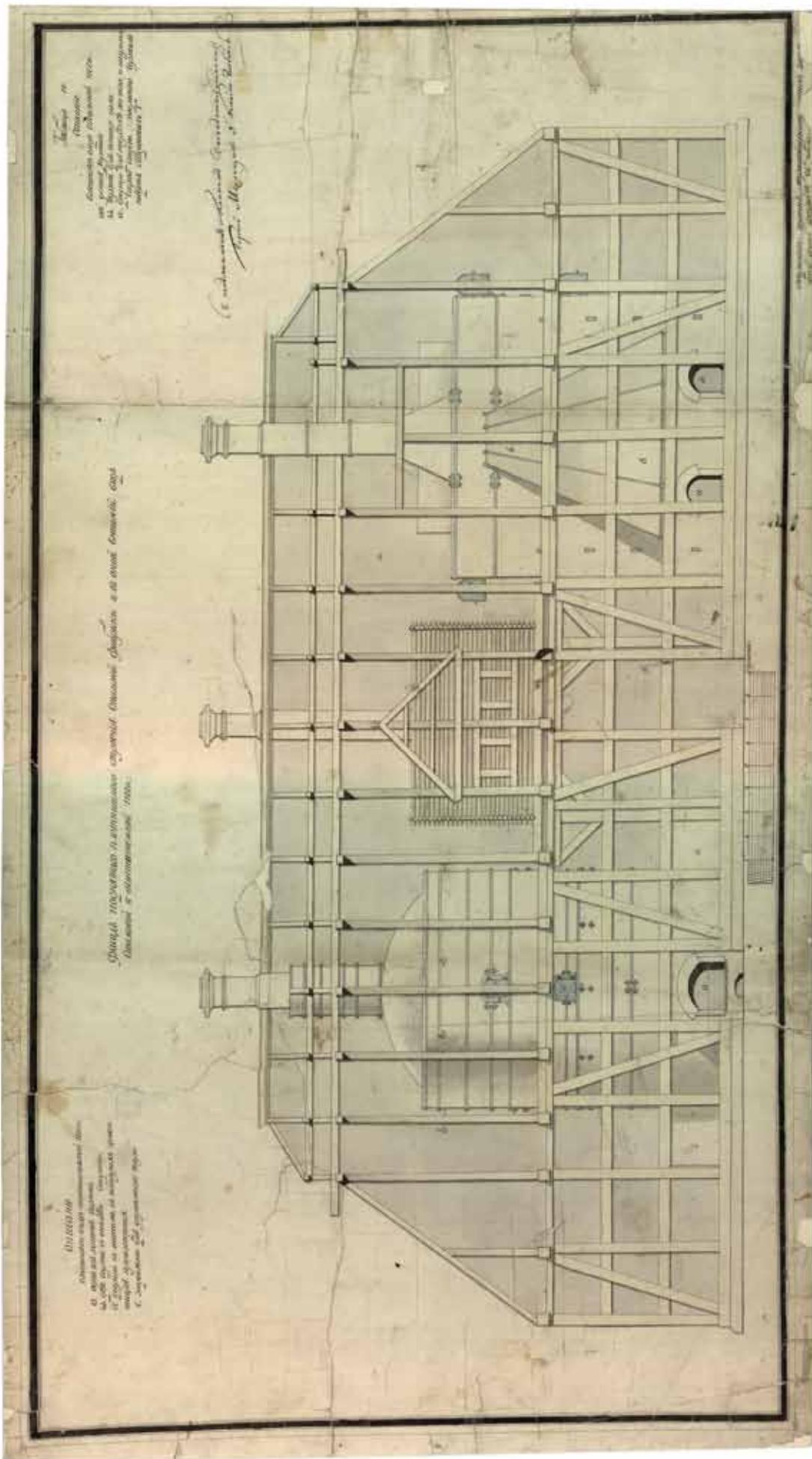
Нижне-Исетского казенного завода плотина, перестроенной по проекту Екатеринбургского монетного двора уставки Егора Усолицева. А где какое устройство, то означается ниже сего цифрами.

ИЗЪЯСНЕНИЕ.

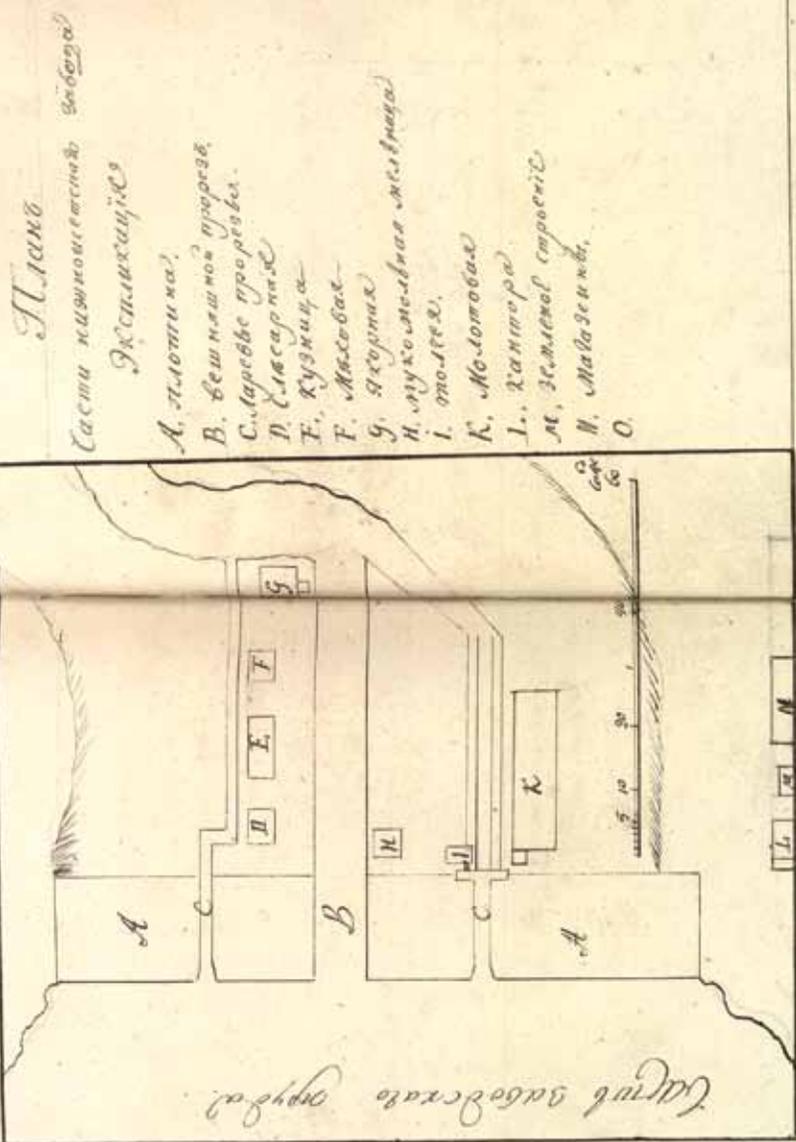
1 – плотина; 2 – веиничный прорез; 3 – дарево прорез; 4 – порог, на котором утверждены стойки; 5 – стойки, между которыми зазоры со скородниками, посредством которых содержится струдная вода; 6 – стойки же к которым прикреплены деревянные доски; 7 – свинки; 8 – цетки; 9 – цетки, где поставлены стойки, а к оным прикреплены доски; 10 – распоры, положенные на стойки; 11 – стюз; 12 – каменный прорез, каменный; 13 – каменный прорез; 14 – каменный прорез; 15 – каменный прорез; 16 – каменный прорез; 17 – каменный прорез; 18 – каменный прорез; 19 – каменный прорез; 20 – каменный прорез; 21 – каменный прорез; 22 – каменный прорез; 23 – каменный прорез; 24 – каменный прорез; 25 – каменный прорез.

Масштаб 20 сажен. Сочинил инженер-инженер 2-го класса Михаил Власов»
(ПАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7927. Подлинник).

Нижне-Исетская плотина, 1800-е гг. Фрагмент А - «Изъяснение».

Фасад поднятого плотниного строения стальной фабрики, и в оной внешний вид стальной и очистительной печи. Описание внешнего вида очистительной печи: а) одно из устьев горнов; в) два горна с внешней стороны; с) дверцы кместам, в которых цементация производится; е) задвижки для управления жара. Описание внешнего вида стальной печи: аа) от устья горнов; вв) труба для отводу дыму; сс) дверцы для нарузки железа и вырузки сырой стали. Масштаб 9 аршин. Подлинный чертил кадет Богданович. (ТАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7933. Заверенная копия. Размер 90 x 50 см). Нижне-Исетская стальная фабрика, 1804 г.

Планъ

Части нижнеисетскаго завода

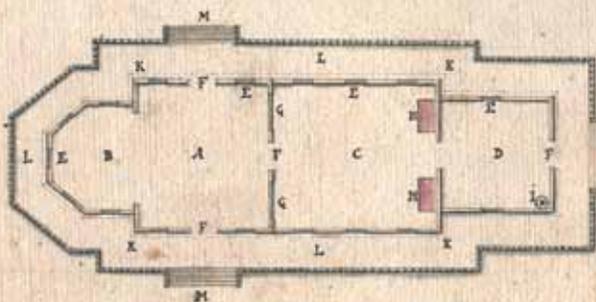
Испланированъ

- А. Плотина.
- В. Вешалшная прорезь.
- С. Старевые прорези.
- Д. Масарный.
- Е. Кузница.
- Ф. Мельница.
- Г. Якорная.
- И. Оухомельная мельница.
- К. Молоковая.
- Л. Кантора.
- М. Земельное строение.
- Н. Магазинный.
- О.

Часть заводскаго орудья

План Нижне-Исетского завода, 1802 г. Масштаб 6 0 сажень. (ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 66. Л. 303-304. Подлинник. Размер 29,7 x 21 см).

ПЛАНЪ И ПРОЕКТЪ
ЦЕРКВИ МАНАЧЕНОИ КОТРОКНЮ ВОКРА ВОМЕСЕНІА ГОСПОДНЯ

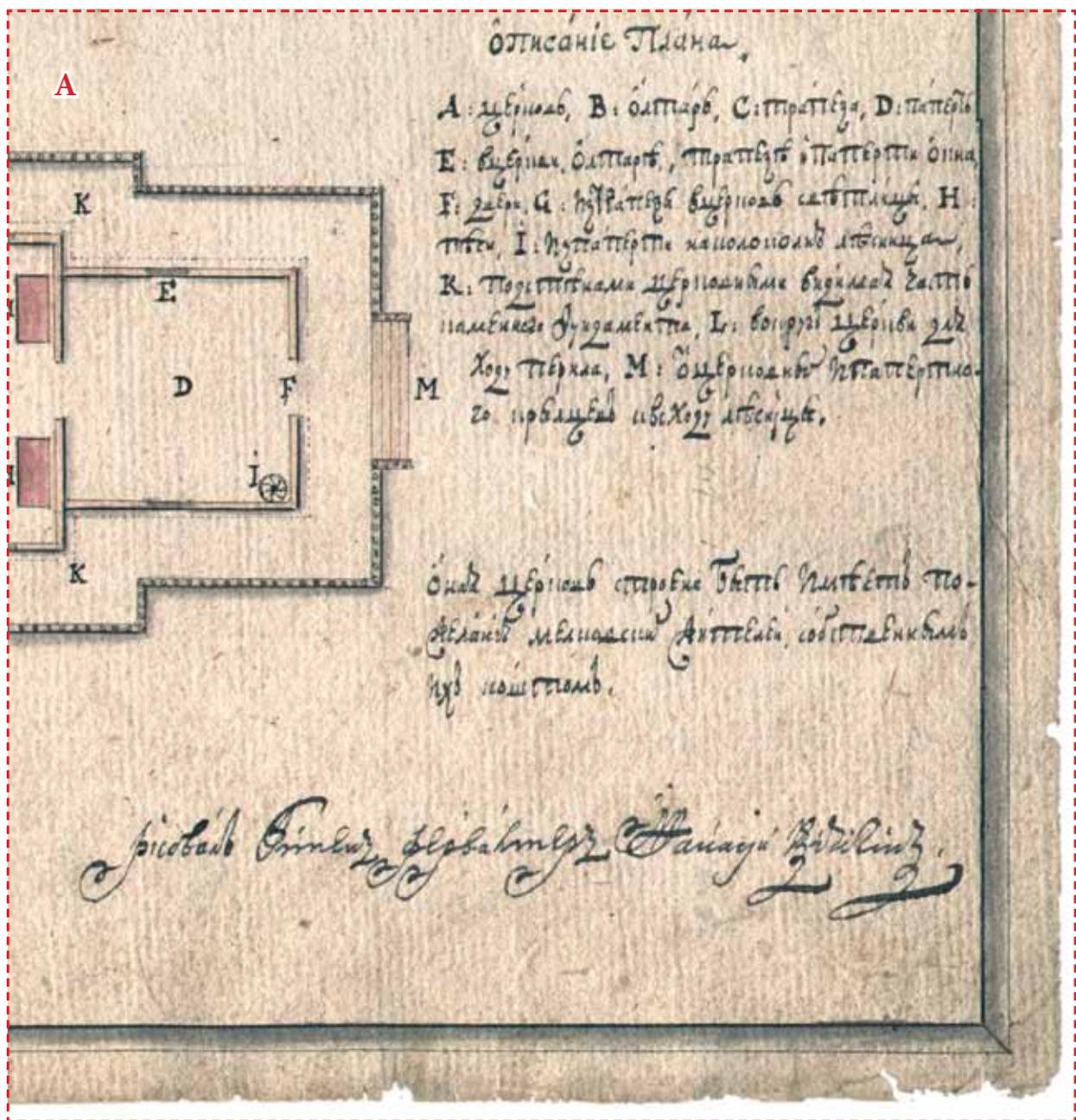
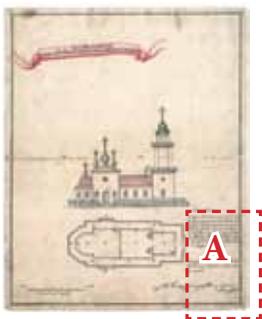
ОТЪЗВАНІЕ ПЛАНА.

А - Алтарь, В - алтарь, С - алтарь, Д - алтарь
Е - Алтарь, алтарь, алтарь, алтарь, алтарь
F - Алтарь, алтарь, алтарь, алтарь, алтарь
G - Алтарь, алтарь, алтарь, алтарь, алтарь
H - Алтарь, алтарь, алтарь, алтарь, алтарь
I - Алтарь, алтарь, алтарь, алтарь, алтарь
K - Алтарь, алтарь, алтарь, алтарь, алтарь
L - Алтарь, алтарь, алтарь, алтарь, алтарь
M - Алтарь, алтарь, алтарь, алтарь, алтарь

Судъ алтарь, алтарь, алтарь, алтарь, алтарь
алтарь, алтарь, алтарь, алтарь, алтарь
алтарь, алтарь, алтарь, алтарь, алтарь

Сделанъ планъ, проектъ, проектъ, проектъ, проектъ

Проект деревянной Вознесенской церкви в Екатеринбурге, 1766 г. Масштаб 6 аршин.
(ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1972. Л.862 об. - 862 а. Размер 29,7 x 42 см).

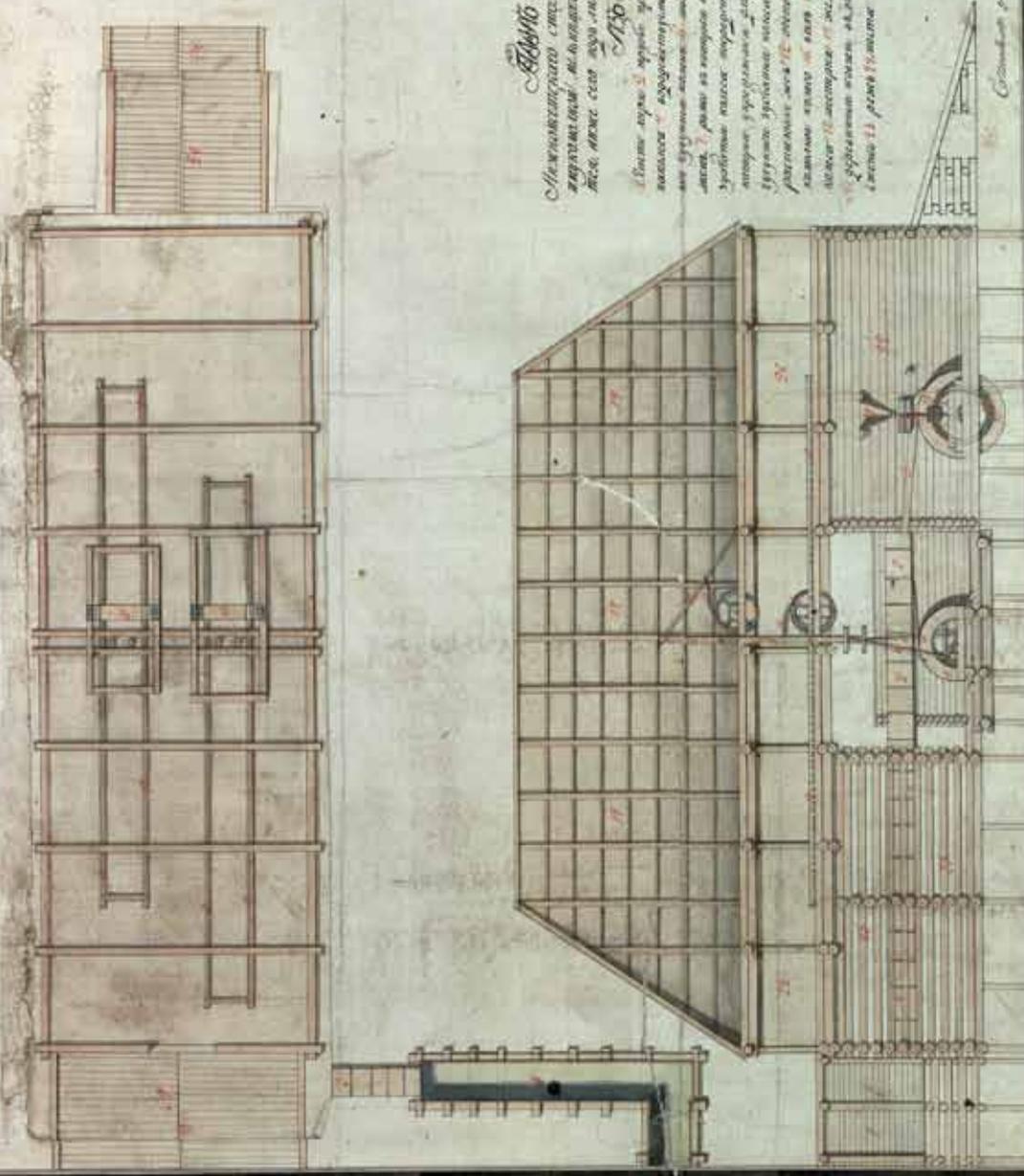
ПЛАН И ПРОФИЛЬ
 ЦЕРКВИ, НАЗНАЧЕННОЙ К СТРОЕНИЮ ВО ИМЯ ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ.
 ОПИСАНИЕ ПЛАНА.

А. церковь; В. алтарь; С. трапеза; D. паперть; Е. в церкви, алтаре, трапезе, паперти окна; F. двери; G. из трапезы в церковь светлицы; H. печи; I. из паперти на колокольню лестница; K. под стенами церковными видимая часть каменного фундамента; L. вокруг церкви для ходу перила; M. от церковных и папертного крылец к входу лестницы.

Оная церковь строена бысть имеет по желанию мещанских [Мельковской слободы – Н.К.] жителей собственным их коштом.

Масштаб 6 аршин. Рисовал гитен-фервальтер Афанасий Кичигин.

Проект деревянной Вознесенской церкви в Екатеринбурге, 1766 г. (ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1972. Л.862 об. - 862 а).
 Впоследствии Вознесенская церковь Нижне-Исетского завода. Фрагмент А - «Описание плана».

ВѢТРИЛЬ ПРОВОДНИКЪ

Механическое устройство для перемещения мукомольных жерновов
 вращающихся на вертикальной оси, при помощи вращающейся
 оси, на которой сидят мукомольные жерновы, вращающейся
 оси, на которой сидят мукомольные жерновы, вращающейся

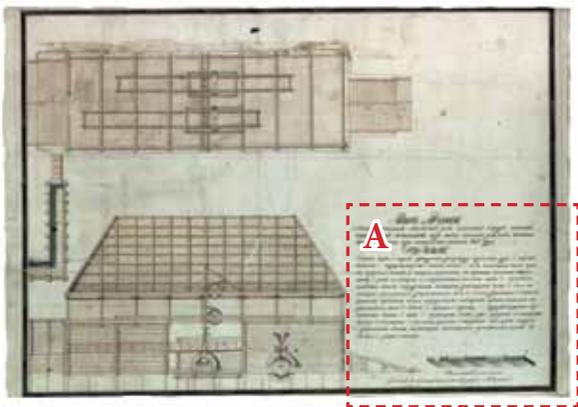
ОБЪЯСНЕНИЕ

1. Ветряная мельница, 2. Крыльцо, 3. Крыльцо, 4. Крыльцо, 5. Крыльцо, 6. Крыльцо, 7. Крыльцо, 8. Крыльцо, 9. Крыльцо, 10. Крыльцо, 11. Крыльцо, 12. Крыльцо, 13. Крыльцо, 14. Крыльцо, 15. Крыльцо

Механическое устройство для перемещения мукомольных жерновов

Пильная и мукомольная мельницы Нижне-Исетского завода, 1807 г. Масштаб 5 сажень. (ГАСО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 7937. Подлинник. Размер 61 x 46 см.)

ПЛАН и ПРОФИЛЬ

Нижне-Исетского стального дела казенного завода пильной и мукомольной мельницамъ, а где какое во оныхъ действе, означается ниже сего под литерами. Сочиненъ 1807 года.

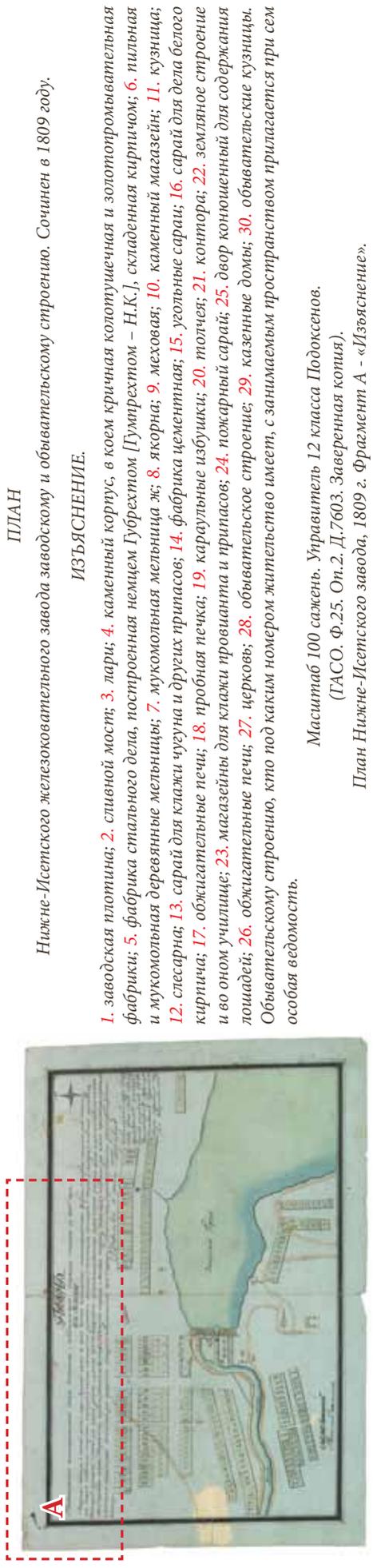
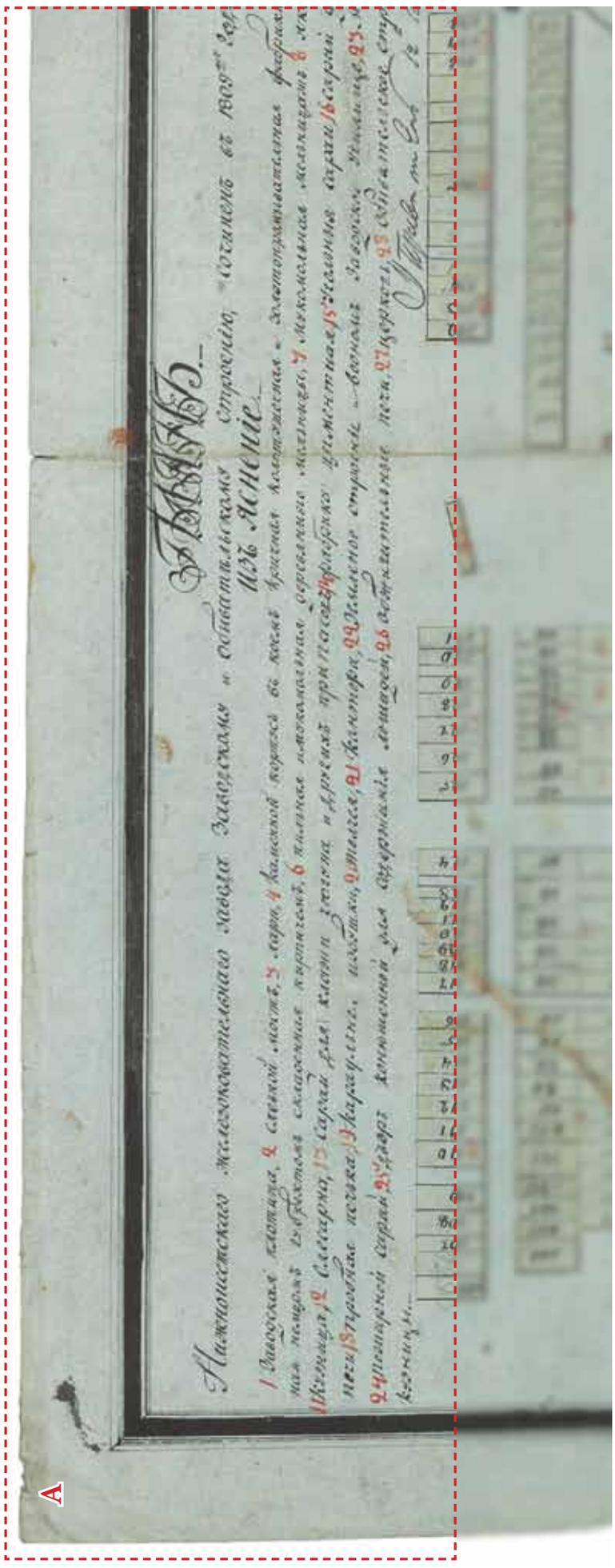
ИЗЪЯСНЕНІЕ:

1. Часть ларя; 2. трубы, проведенные для проходу на действе воды; 3. спуски на колеса; 4. вододѣйствующее пильное колесо; 5. валъ, а в концахъ оного кривыя чугунныя колена; 6. шатуны, укрепленные к кривымъ коленамъ и рамамъ; 7. рамы, в которыя выкладываются желѣзныя пилы; 8. желѣзные зубчатые колеса, посредствомъ которыхъ действуютъ сани; 9. сани, на которыя укрепляется для распиловки лесъ; 10. валки деревянныя; 11. на оныхъ чугунныя зубчатые колеса, посредствомъ которыхъ притягивается к распиловке лесъ; 12. очепъ; 13. храпы; 14. крыша; 15. вододѣйствующее мукомольное колесо; 16. валъ; 17. на концахъ оного сухіе чугунныя с пальцами колеса; 18. шестерня; 19. желѣзное веретно; 20. жернова из сераго камня; 21. деревянные ковши, в которыя засыпается для молотья хлебъ; 22. стѣны; 23. режъ; 24. моста.

Масштабъ 5 сажень. Сочинилъ унтер-шихтмейстеръ Селянинъ.

(ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7937. Подлинник).

Пильная и мукомольная мельницы Нижне-Исетского завода, 1807 г. Фрагмент А - «Изъяснение».

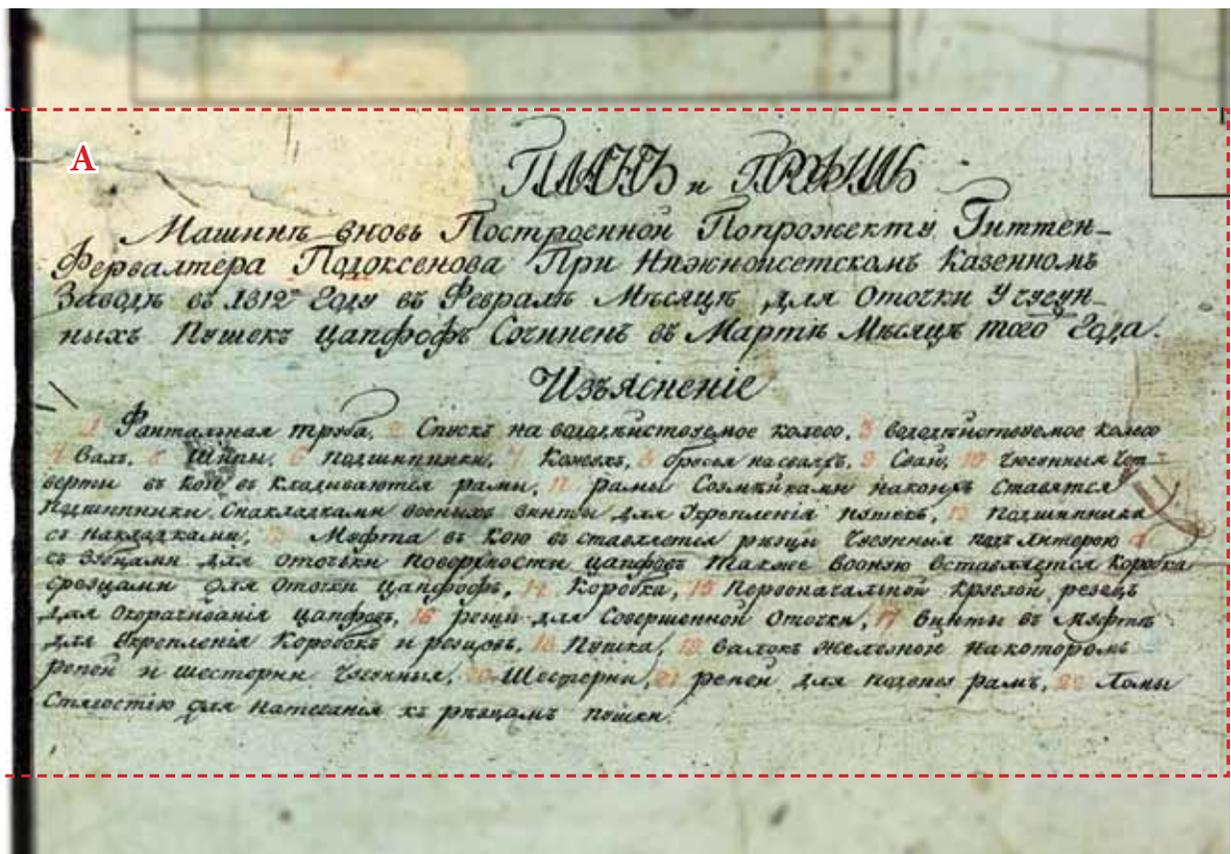
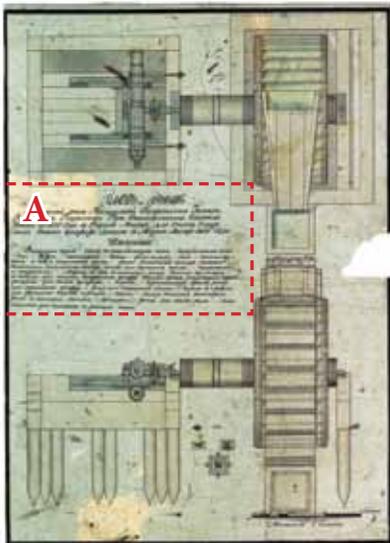
ПЛАН

Нижне-Исетского железнокозательского завода заводскому и обывательскому строению. Сочинен в 1809 году.

ИЗЪЯСНЕНИЕ.

1. заводская плотина; 2. сливной мост; 3. лари; 4. каменный корпус, в коем кирпичная колотушечная и золотопромывательная фабрики; 5. фабрика стального дела, построенная немцем Губрехтом [Гумбрехтом - Н.К.], складенная кирпичом; 6. пыльная и мукомольная деревянные мельницы; 7. мукомольная мельница ж; 8. якорна; 9. меховая; 10. каменный магазин; 11. кузница; 12. слесарня; 13. сарай для кладки чулуна и других припасов; 14. фабрика цементная; 15. угольные сараи; 16. сарай для дела белого кирпича; 17. обжигательные печи; 18. пробная печь; 19. караульные избышки; 20. толчач; 21. контора; 22. земляное строение и во оном училище; 23. магазин для кладки прованта и припасов; 24. пожарный сарай; 25. двор конюшенный для соержания лошадей; 26. обжигательные печи; 27. церкви; 28. обывательское строение; 29. казенные дома; 30. обывательские кузницы.
- Обывательскому строению, кто под каким номером жительство имеет, с занимаемым пространством прилагается при сем особая ведомость.

Масштаб 100 сажень. Управитель 12 класса Подоксенов.
 (ПАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7603. Заверенная копия).
 План Нижне-Исетского завода, 1809 г. Фрагмент А - «Изъяснение».

ПЛАН и ПРОФИЛЬ

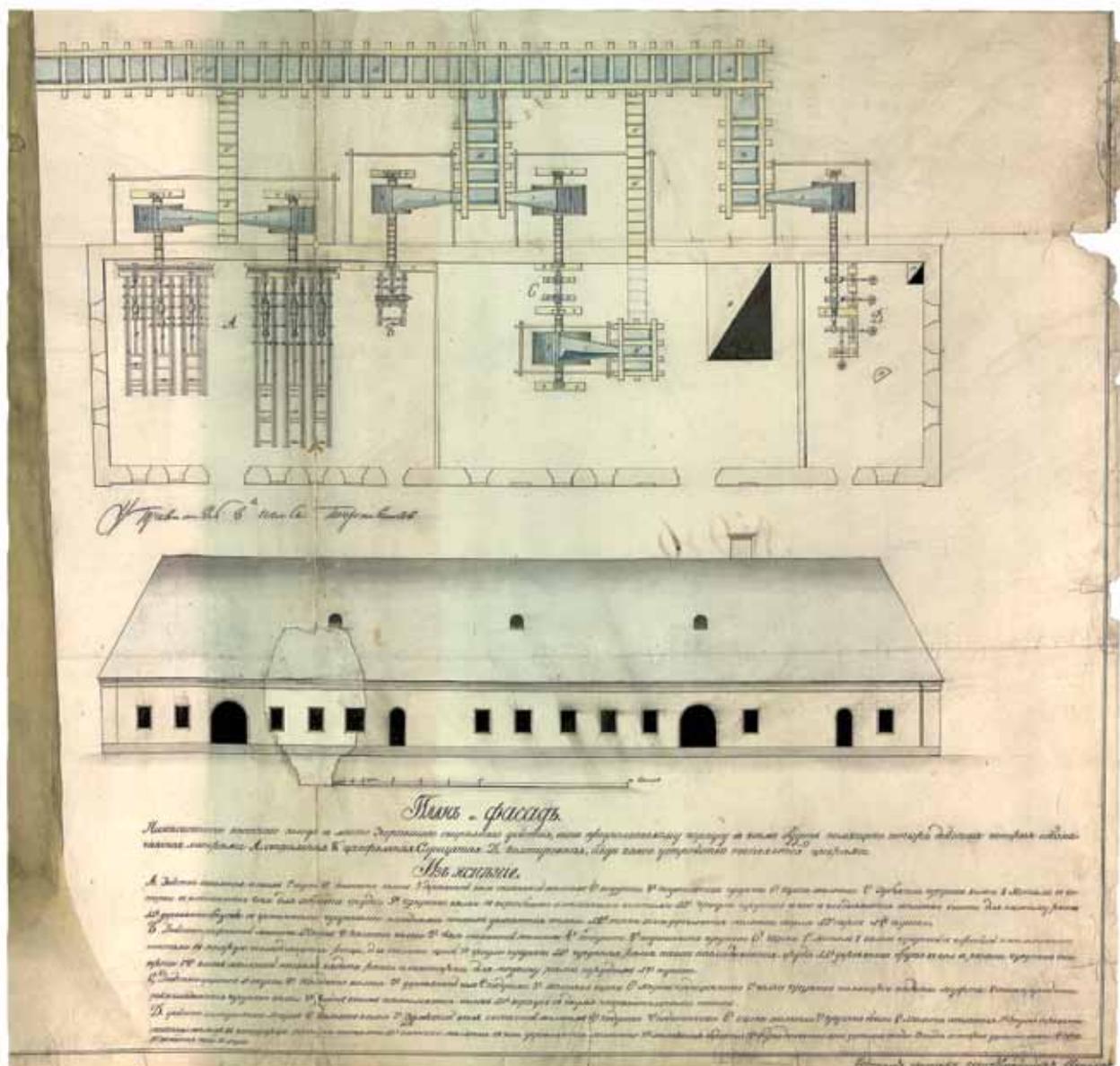
Машина, вновь построенной по проекту гиттен-фервальтера Подоксенова при Нижне-Исетском казенном заводе в 1812 году в феврале-месяце для отточки у чугунных пушек цапфов. Сочинен в марте-месяце того ж года.

ИЗЪЯСНЕНИЕ.

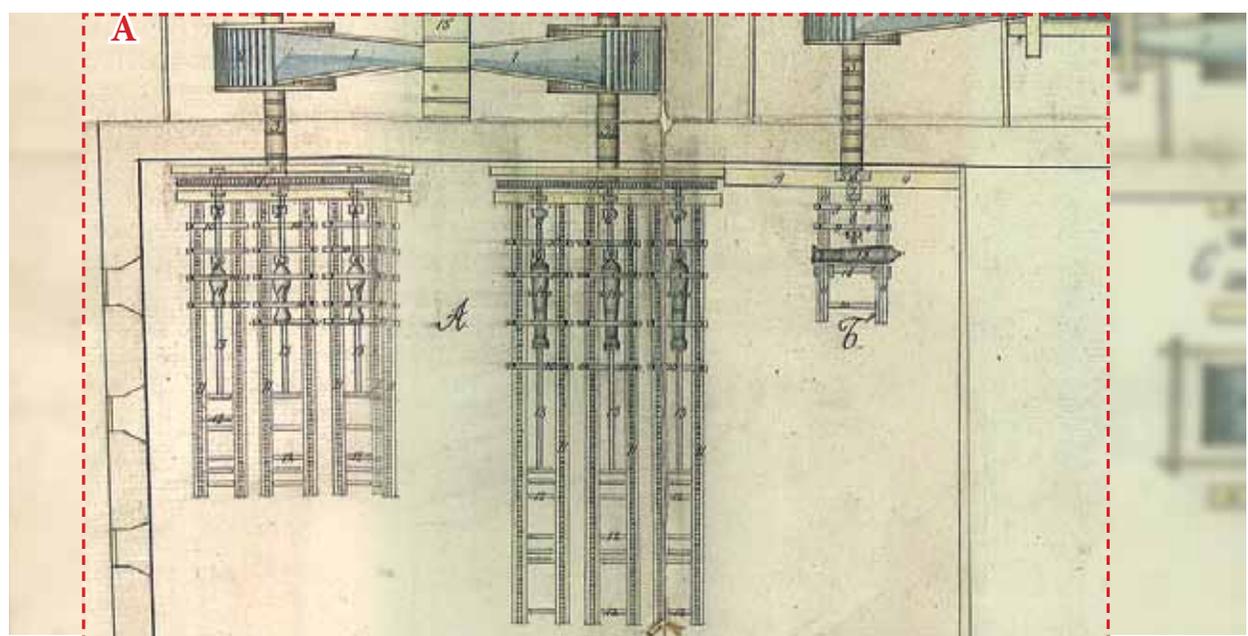
1. фронтальная труба; 2. спуск на вододействующее колесо; 3. вододействующее колесо; 4. вал; 5. шиты; 6. подшипники; 7. кожух; 8. брусъ на сваях; 9. сваи; 10. чугунные четверти, в кои вкладываются рамы; 11. рамы со змейками, на кои ставятся подшипники с накладками, во оных винты для укрепления пушек; 12. подшипники с накладками; 13. муфта, в кою вставляются резцы чугунные, под литерою «а» с зубцами для отточки цапфов; 14. коробка; 15. первоначальный круглый резец для окорачивания цапфов; 16. резцы для совершенной отточки; 17. винты в муфте для укрепления коробок и резцов; 18. пушка; 19. валок железный, на котором репей и шестерни чугунные; 20. шестерни; 21. репей для подвигу рам; 22. ломы с тягостию для натяганія къ резцамъ пушки».

Масштаб 1 сажень. (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7929. Подлинник).

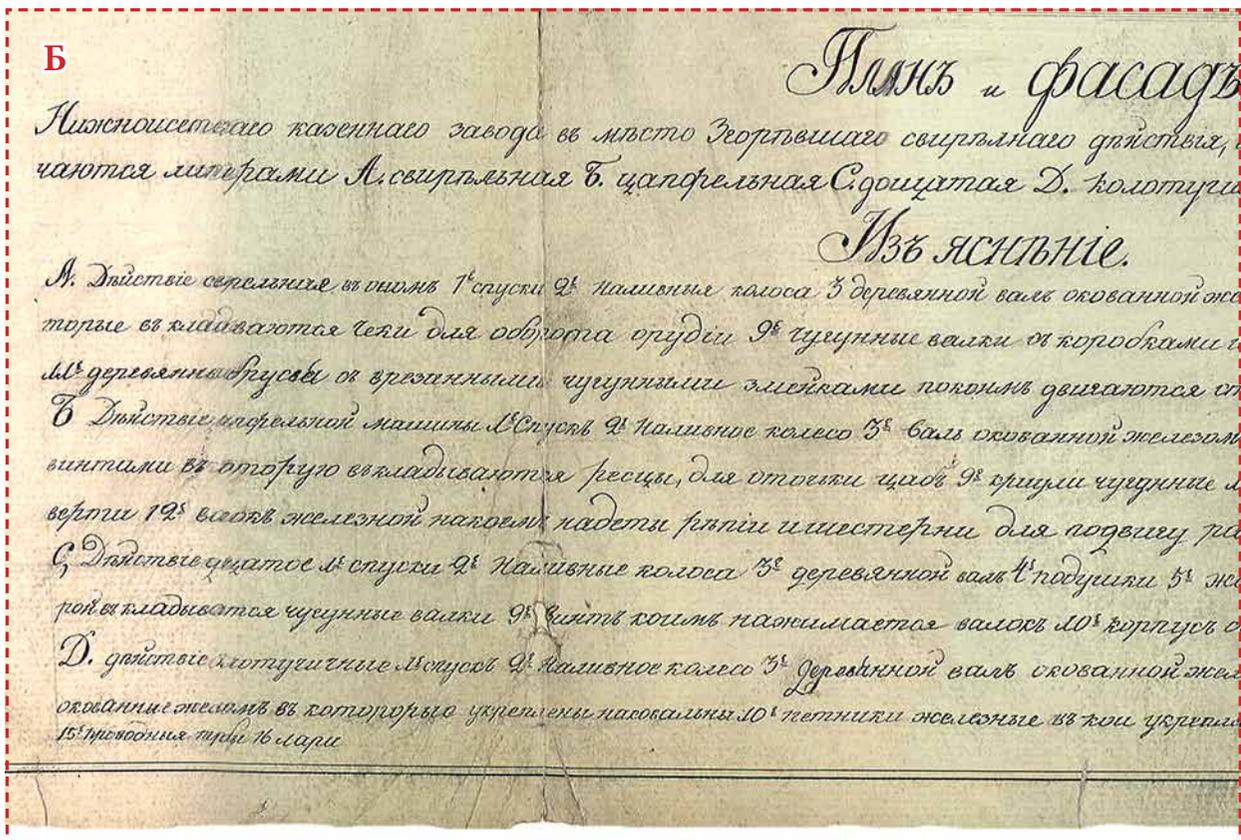
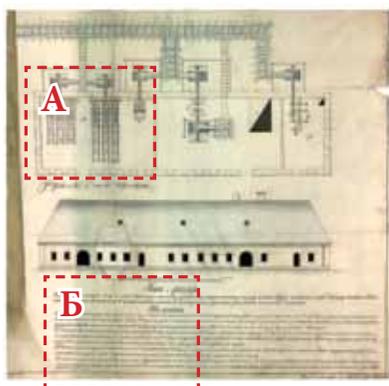
Машина для обточки пушечных цапф по проекту И. Подоксенова, 1812 г. Фрагмент А - «Изъяснение».

Проект свирельной фабрики Нижне-Исетского завода, 1820-е гг. Масштаб 10 сажень.
(ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7944 (2). Подлинник. Размер 79 x 91 см).

Масштаб 10 сажень. Чертил унтер-шхтмейстер Исаков. (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7944 (2). Подлинник).
Проект свирельной фабрики Нижне-Исетского завода, 1820-е гг. Фрагмент А - «Действия: свирельное и цапфельной машины».

ПЛАН и ФАСАД

Нижне-Исетского казенного завода вместо сгоревшего свирельного действия вновь предполагаемому корпусу, в котором будет помещено четыре действия, которые обозначаются литерами: А – свирельная, Б – цапфельная, С – дощатая, Д – колотушечная. А где какое действие – означается цифрами.

ИЗЪЯСНЕНИЕ.

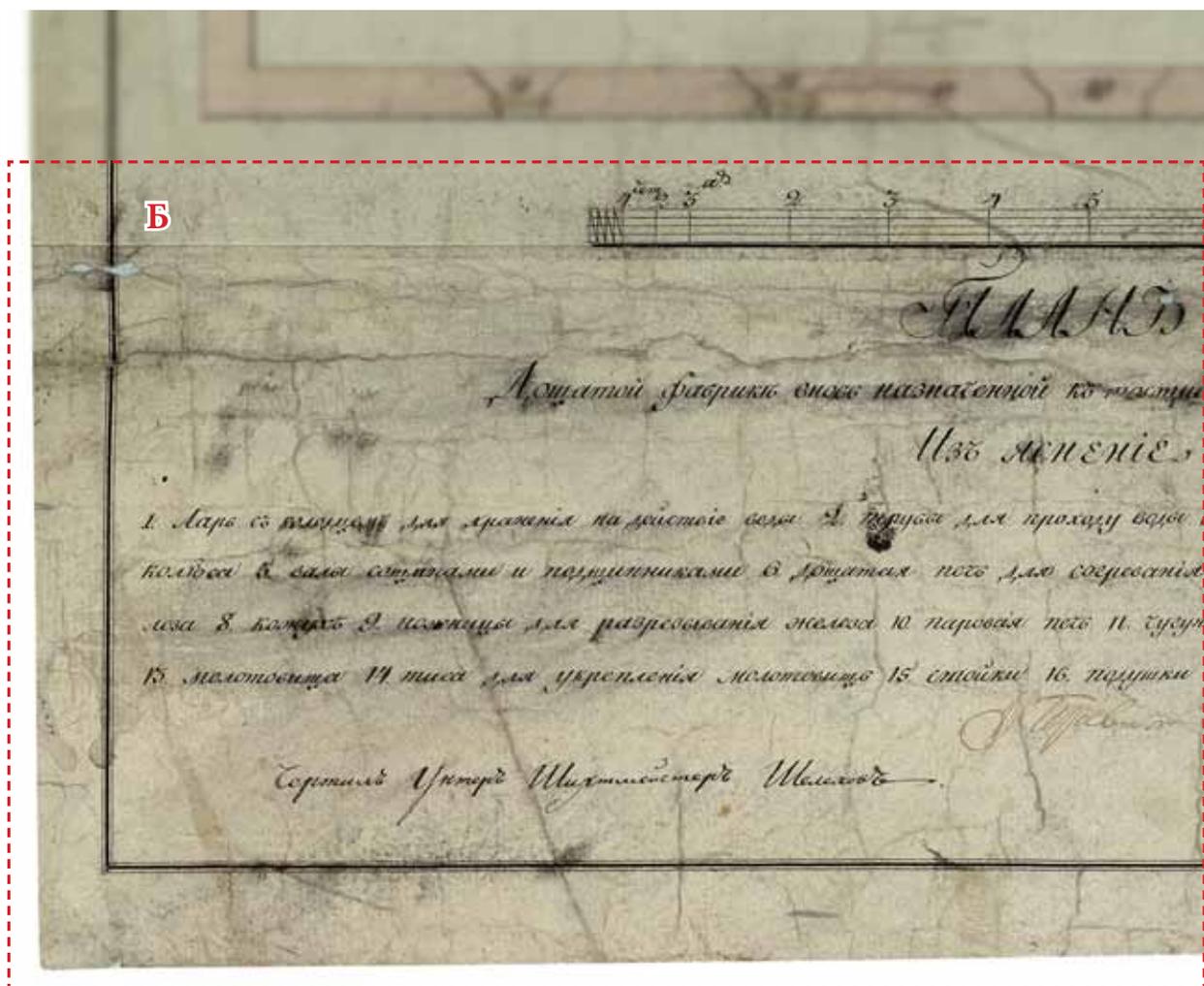
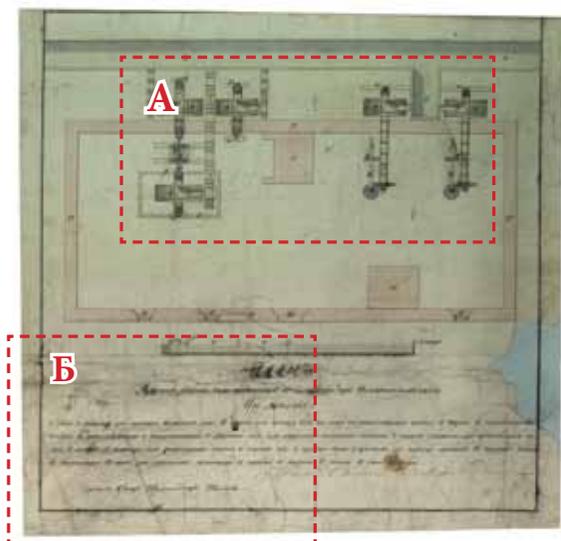
А. Действие свирельное, в оном: 1-е, спуски; 2-е, наливные колеса; 3-е, деревянный вал, окованный железом; 4-е, подушки; 5-е, подципники чугунные; 6-е, щипы железные; 7-е, зубчатые чугунные колеса; 8-е, мотыли, в которые вкладываются чеки для оборота орудий; 9-е, чугунные валки с коробками и железными винтами; 10-е, криули чугунные, в кои вкладываются железные винты для нажиму резок; 11-е, деревянные брусья с врезанными чугунными змейками, по коим двигаются станы; 12-е, станы, в кои укрепляются железные сверла; 13-е, сверла; 14-е, пушки.

Б. Действие цапфельной машины: 1-е, спускъ; 2-е, наливное колесо; 3-е, вал, окованный железом; 4-е, подушки; 5-е, подципники чугунные; 6-е, щипы; 7-е, мотыль; 8-е, валокъ чугунный с коробкой и железными винтами, в которую в которую вкладываются резцы для отточки цапф; 9-е, криули чугунные; 10-е, чугунная рама, на кою накладывается орудие; 11-е, деревянные брусья, в кои врезаны чугунные четверти; 12-е, валокъ железный, на коемъ надеты репи и шестерни для подвигу рамы съ орудиемъ; 13-е, пушка.

С. Действие дощатое: 1-е, спуски; 2-е, наливные колеса; 3-е, деревянный вал; 4-е, подушки; 5-е, железные щипы; 6-е, медные подципники; 7-е, валки чугунные, на которые надеты муфты; 8-е, стан чугунный, в который вкладываются чугунные валки; 9-е, винтъ, коимъ нажимается валокъ; 10-е, корпусъ съ двумя нагревательными печами.

Д. Действие колотушечное: 1-е, спускъ; 2-е, наливное колесо; 3-е, деревянный вал, окованный железом; 4-е, подушки; 5-е, подципники; 6-е, щипы железные; 7-е, чугунные бочки; 8-е, молота железные; 9-е, ступля деревянные, окованные железом, в которые укреплены наковальны; 10-е, пятники железные, в кои укрепляются молотовища; 11-е, молотовища березовые; 12-е, брусья деревянные, в кои укреплены стойки; 13-е, стойки, в которые укреплены молота; 14-е, горна; 15-е, проводные трубы; 16-е, лари.

Масштаб 10 сажень. Чертил унтер-шихтмейстер Исаков. (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7944 (2). Подлинник).
 Проект свирельной фабрики Нижне-Исетского завода, 1820-е гг. Фрагмент Б - «Изъяснение».

ПЛАН

Дощатой фабрикѣ, вновь назначенной къ построению при Нижне-Исетскомъ заводе.

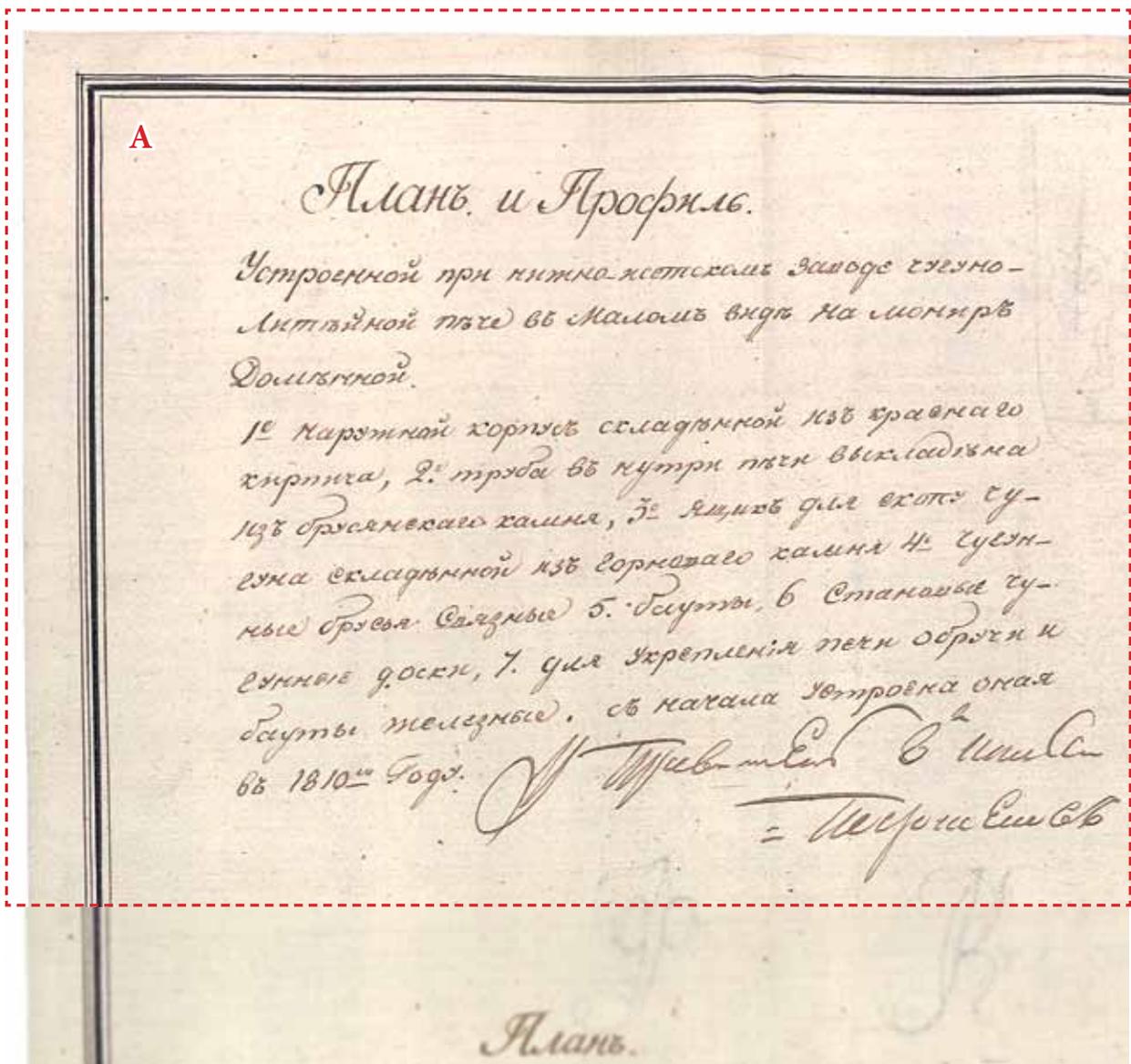
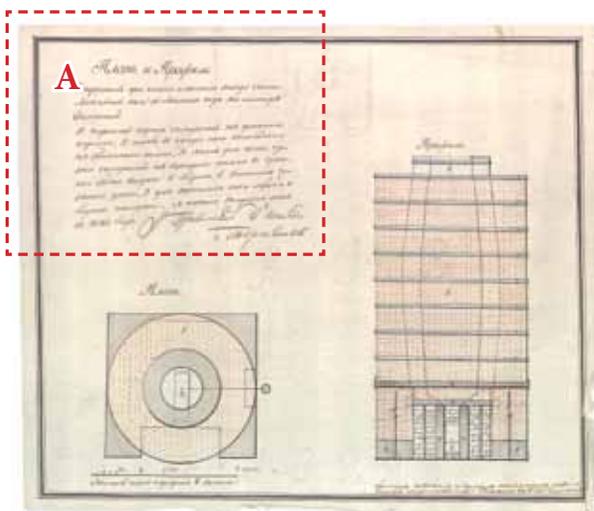
ИЗЪЯСНЕНИЕ.

1. ларь с колодеземъ для хранения на действие воды; 2. трубы для проходу воды из ларя на вододѣйствуемые колеса; 3. спуски; 4. вододѣйствуемые колеса; 5. валы со щипами и подщипниками; 6. дощатая печь для согревания железныхъ болванок; 7. станокъ с валками для прокатыванія железа; 8. кожух; 9. ножницы для разрезыванія железа; 10. паровая печь; 11. чугуныя бочки с кулаками для подъема молотовъ; 12. чугуныя молота; 13. молотовица; 14. тиса для укрѣпленія молотовицы; 15. стойки; 16. подушки; 17. стѣны; 18. окна; 19. двери.

Управитель 10 класса Подоксенов. Масштаб 10 сажень.

Чертил унтер-ишхтмейстер Шелехов. (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7932. Подлинник).

Проект дощатой фабрики Нижне-Исетского завода, 1810-е гг. Фрагмент Б - «Изъяснение».

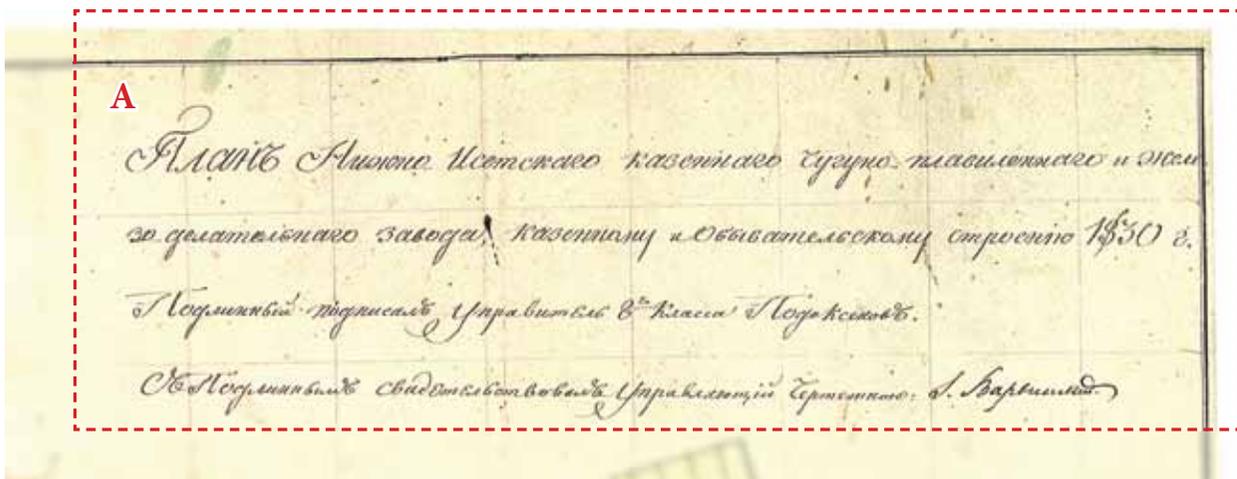
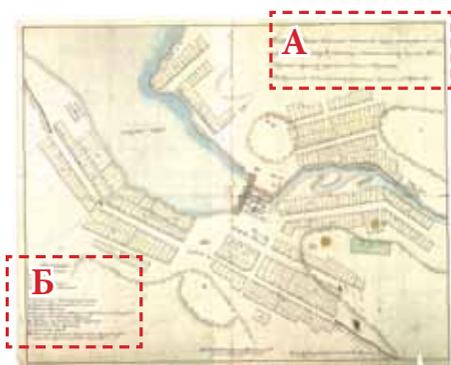
ПЛАН И ПРОФИЛЬ

Устроенной при Нижне-Исетском заводе чугунно-литейной печи в малом виде, на манер доменной.

1-е, наружный корпус, складенный из красного кирпича; 2-е, труба внутри печи, выкладена из бруснянского [Бруснянской волости - Н.К.] камня; 3-е, ящик для скопу чугуна, складенный из горнового камня; 4-е, чугунные брусья связные; 5-е, бауты; 6-е, становые чугунные доски; 7-е, для укрепления печи обручи и бауты железные. С начала устроена она в 1810 году.

Управитель 8 класса Подоксенов. Масштаб 2 сажени.

С натуры снимал и чертил надзиратель работ унтер-шихтмейстер Платонов 2-й, 1824 года мая 21. (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7942. Подлинник). Вагранка Нижне-Исетского завода, 1824 г. Фрагмент А - «Изъяснение».

ПЛАН Нижне-Исетского казенного чугуноплавильного и железодельного завода казенному и обывательскому строению 1830 г. Подлинный подписал управитель 8 класса Подоксенов. (...)

План Нижне-Исетского завода, 1830 г. Фрагмент А - «Название».

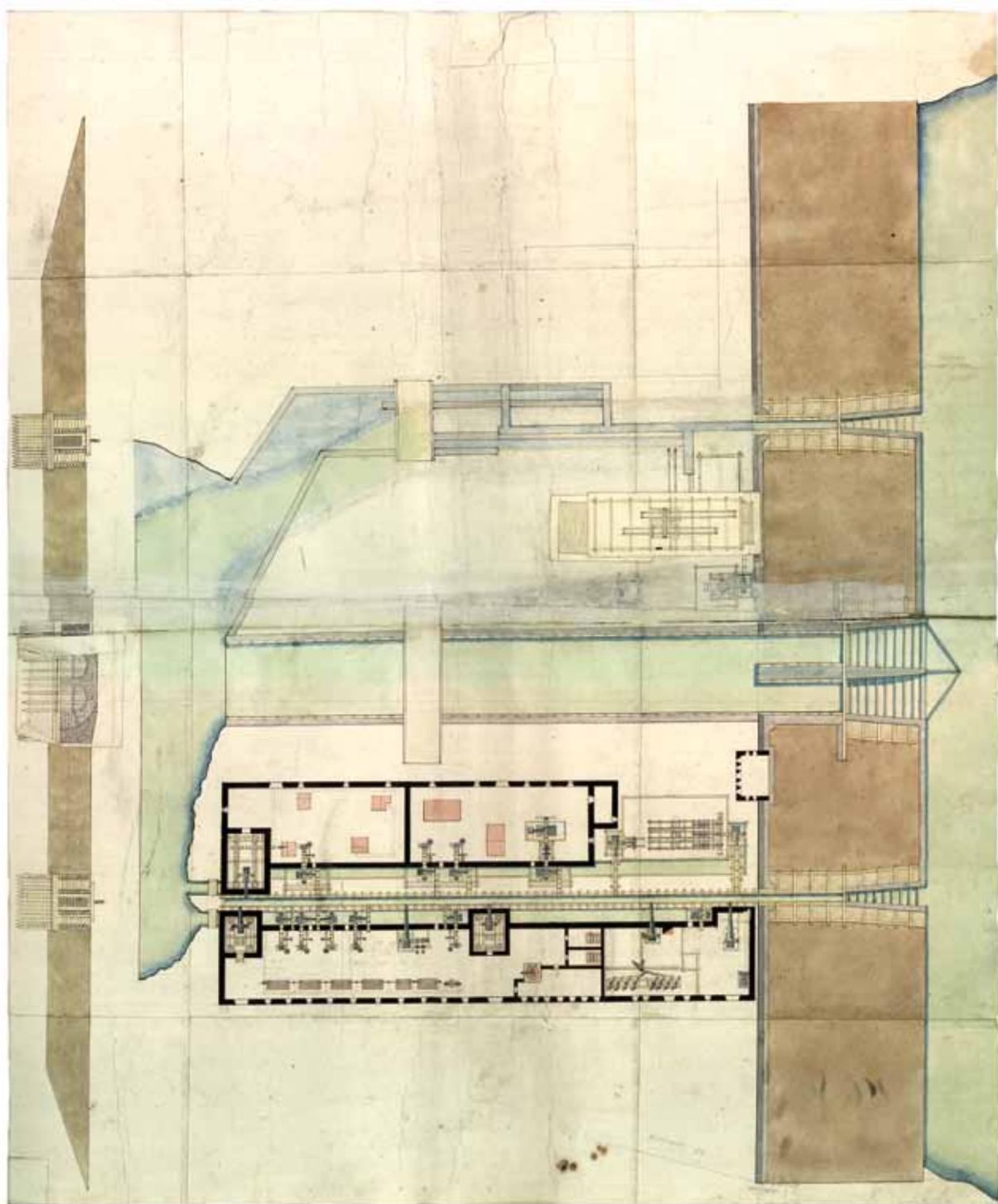

ИЗЪЯСНЕНИЕ.

1. Каменная контора. 2. Полиция. 3. Школа. 4. Фабричные корпуса. 5. Провиантские магазины. 6. Меховая. 7. Конюшня. 8. Магазины для казенных припасов. 9. Комната для [цементования] стали. 10. Казенная кузница. 11. Комната, в которой обжигается из белой глины кирпичи. 12. Церкви. 13. Казенные квартиры. 14. Кладбище. 15. Обывательское строение. 16. Обывательские кузницы. 17. Питательный дом. 18. Вновь предполагаемые фабричные корпуса для сверления орудий и отливки снарядов.

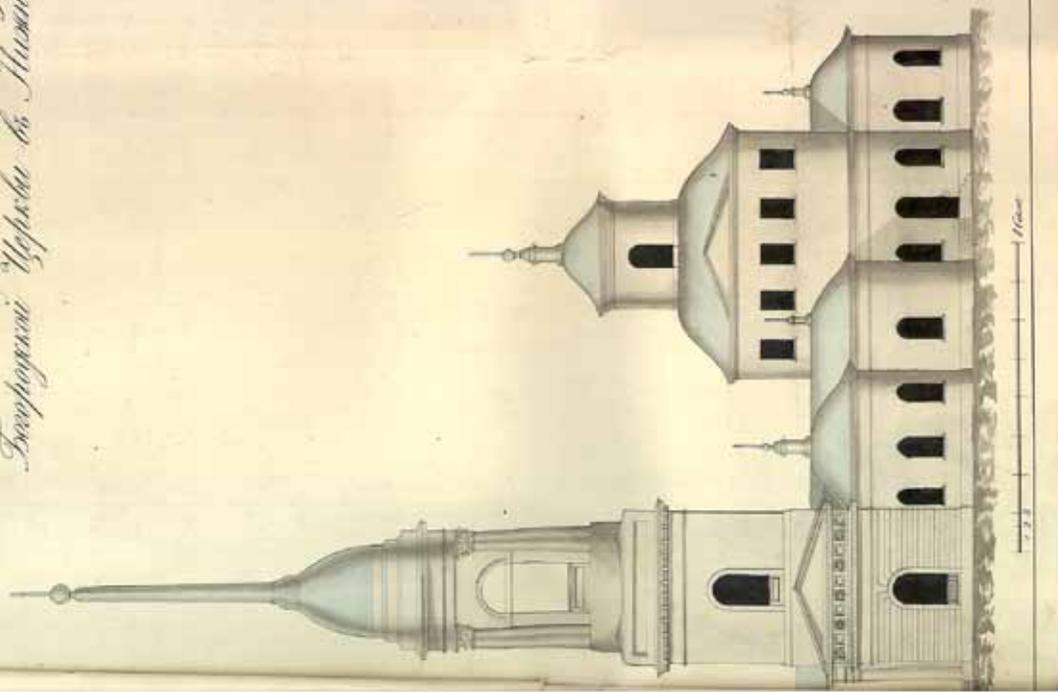
Масштаб 150 сажень. Чертил унтер-шихтмейстер И. Шелехов (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7601. Заверенная копия).

План Нижне-Исетского завода, 1830 г. Фрагмент Б - «Изъяснение».

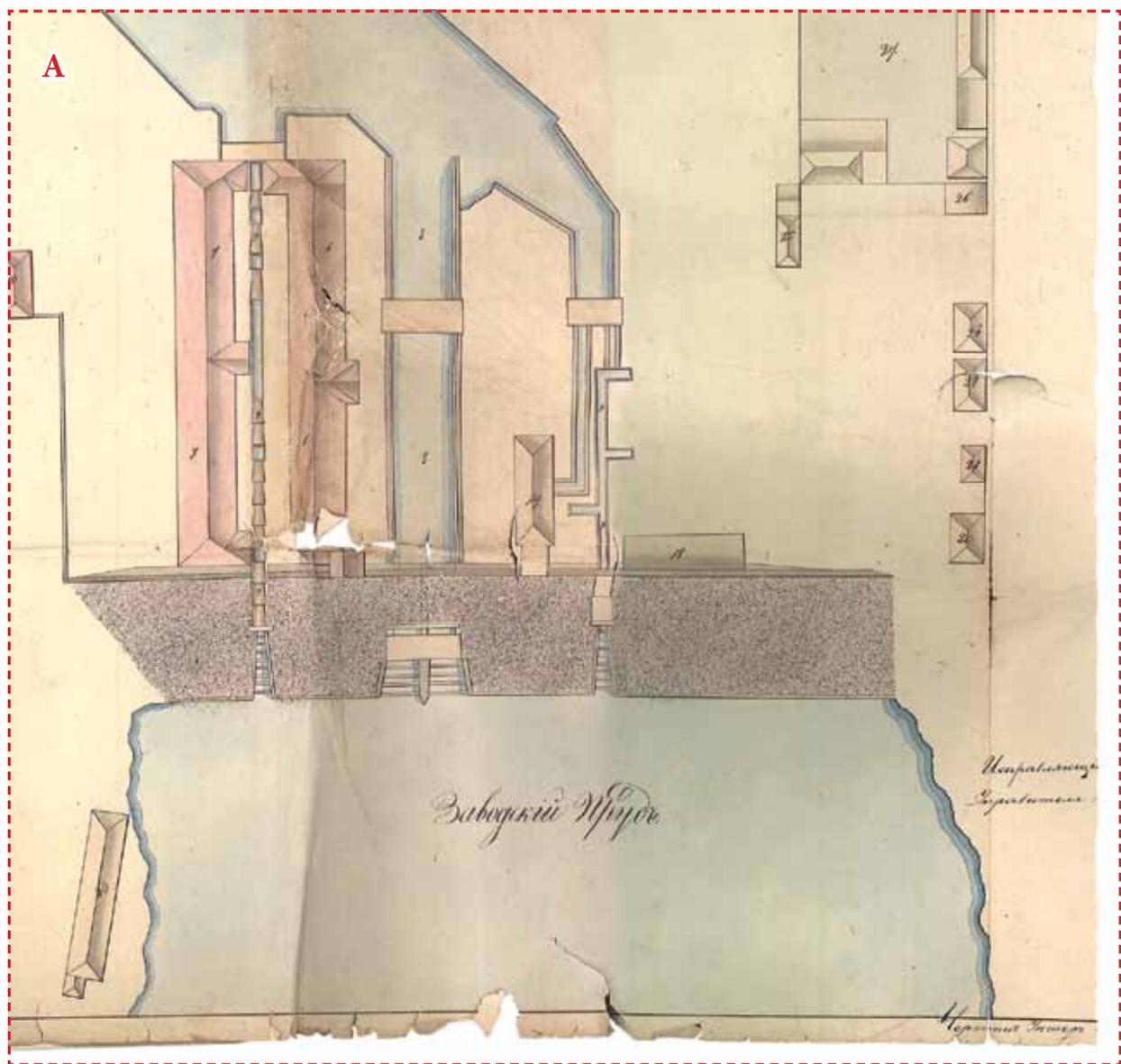
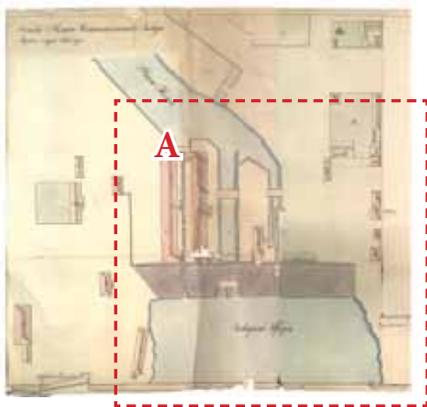

План Нижне-Исетского завода, 1-я пол. XIX в. (ГАСО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 7923. Дубликат. Размер 115 x 77 см).

План и Вид
Богородицкой Церкви въ Нижнеитетскомъ Заводе 1843. Года

Богородицкая церковь Нижне-Исетского завода, 1843 г. Уттер-ихтмейстер Костромин. Масштаб 8 сажень. (ГАСО. Ф. 28 Оп. 2. Д. 2863 Л. 13. Подлинник. Размер 54,3 x 50 см).

ИЗЪЯСНЕНИЕ.

1. Казенный каменный дом. 2. Казенный деревянный дом. 3. Каменная контора. 4. Вновь строящийся каменный флигель для помещения архива. 5. Вновь предполагаемая каменная школа. 6. Корпус, в коем помещены якорная, плющильная, очищательная, слесарная фабрики и цилиндрические меха. 7. Корпус, в коем помещены кирпичная, ваграночная, литейная фабрики и цилиндрические меха. 8. Сливной мост. 9. Лари. 10. Пилозубая фабрика. 11. Приемная снарядов. 12. Амбар для клажи молотовиц. 13. Обывательское строение. 14. Магазин для хранения железа. 15. Цемент[ацион]ная фабрика. 16, 17. Казенные дома. 18. Навес. 19. Пильная мельница. 20. Деревянная бывшая контора. 21. Землебитная полиция. 22. Столярная [мастерская]. 23. Кузничная фабрика. 24. Мелочные магазины. 25. Архив. 26. Машинная [мастерская]. 27. Конюшенный двор.

Масштаб 20 сажень. Чертил унтер-шихтмейстер Костромин.

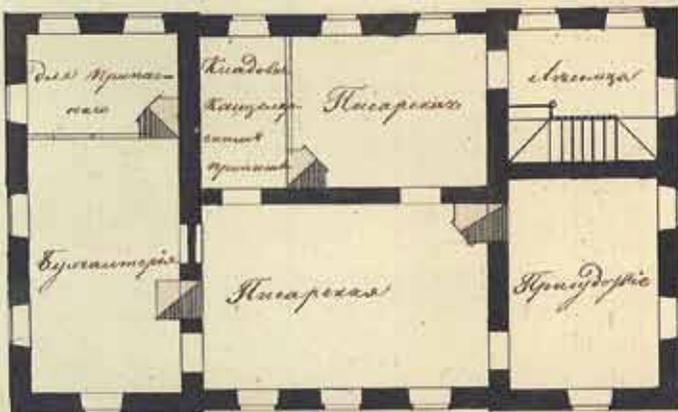
(ГАСО. Ф.28. Оп.2. Д.2863. Л.1. Подлинник).

План Нижне-Исетского завода, 1843 г. Фрагмент А - «Изъяснение».

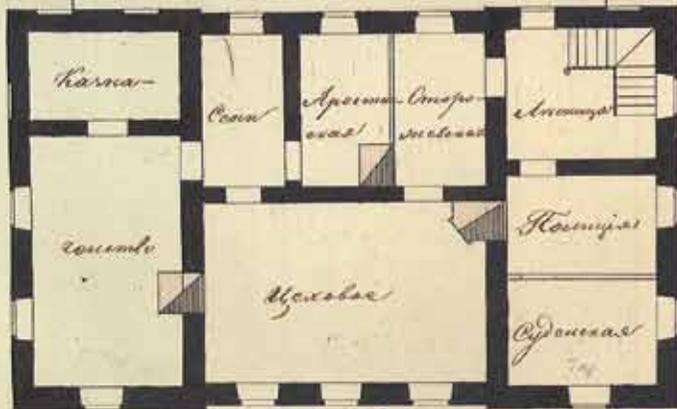
и фасаде Каменной Конторы зва Нижнеисетского завода
на 15 Дней 1843 года

Верхний Этаж

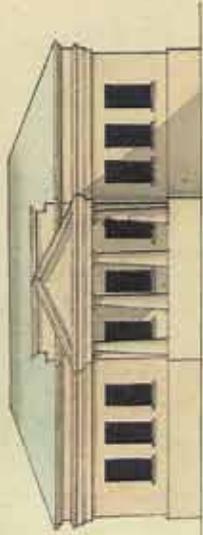

Нижний Этаж

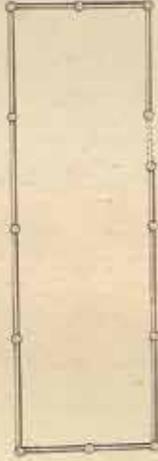

Управляющий Заводом
Управитель Удолья Каменного Завода
Чертеж Чертых Шехтинского Костромин

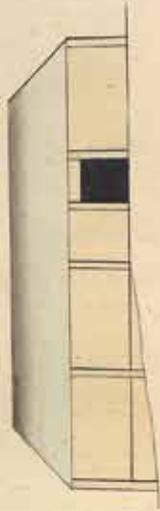
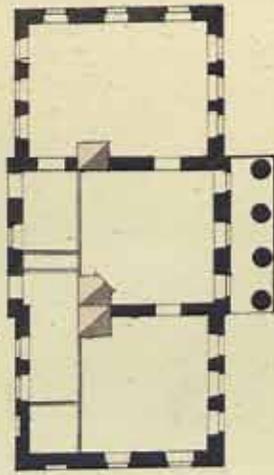
Каменная контора Нижне-Исетского завода, 1843 г. Унтер-шихтмейстер Костромин Масштаб 10 сажень. (ГАСО. Ф.28. Оп.2. Д.2863. Л.6. Подлинник. Размер 28,3 x 46 см).

План и фасад здания в доме полковника
Михайла Ивановича Заводы

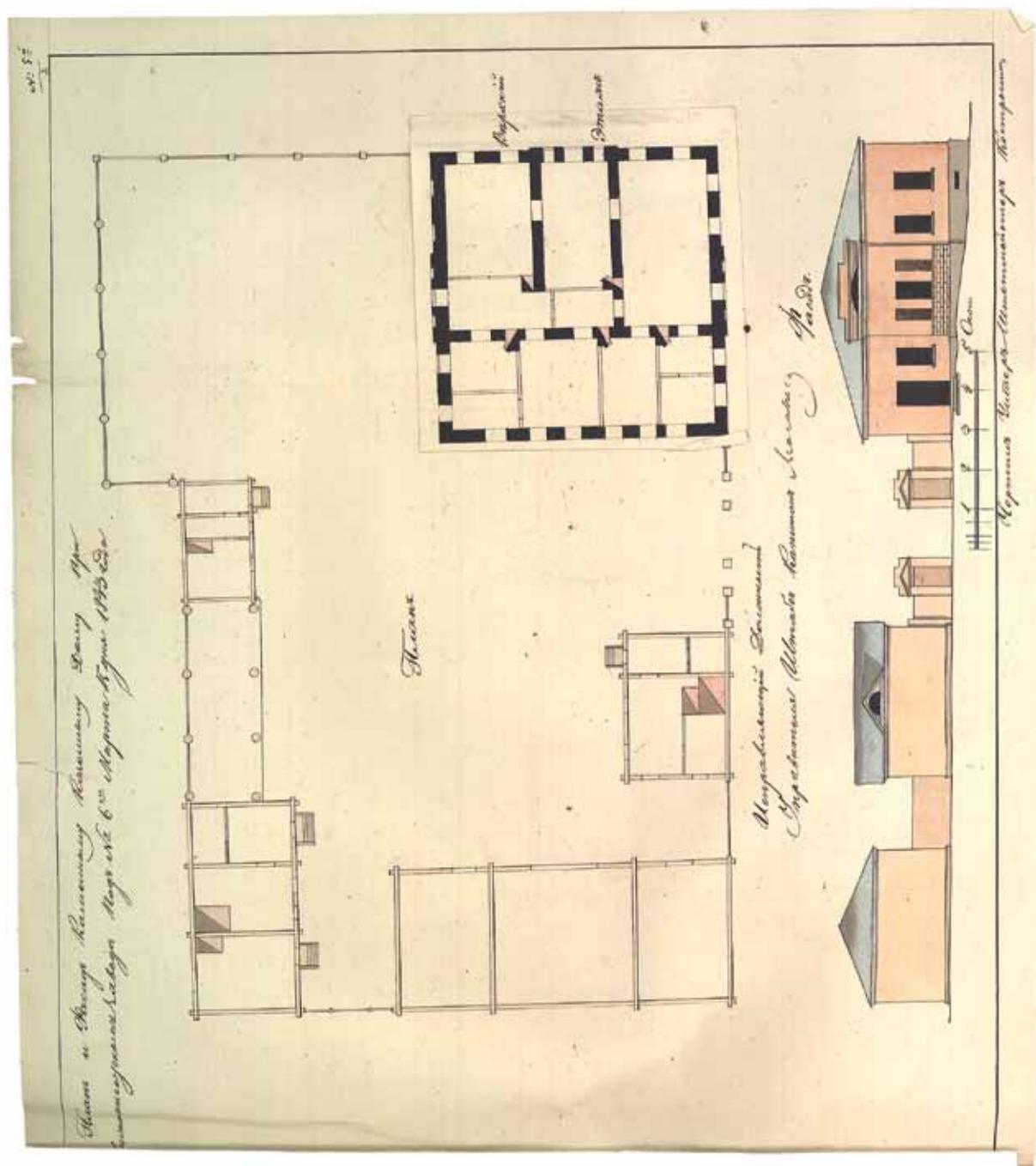

План и фасад здания
капитана Михаила Васильевича Курта в доме №157

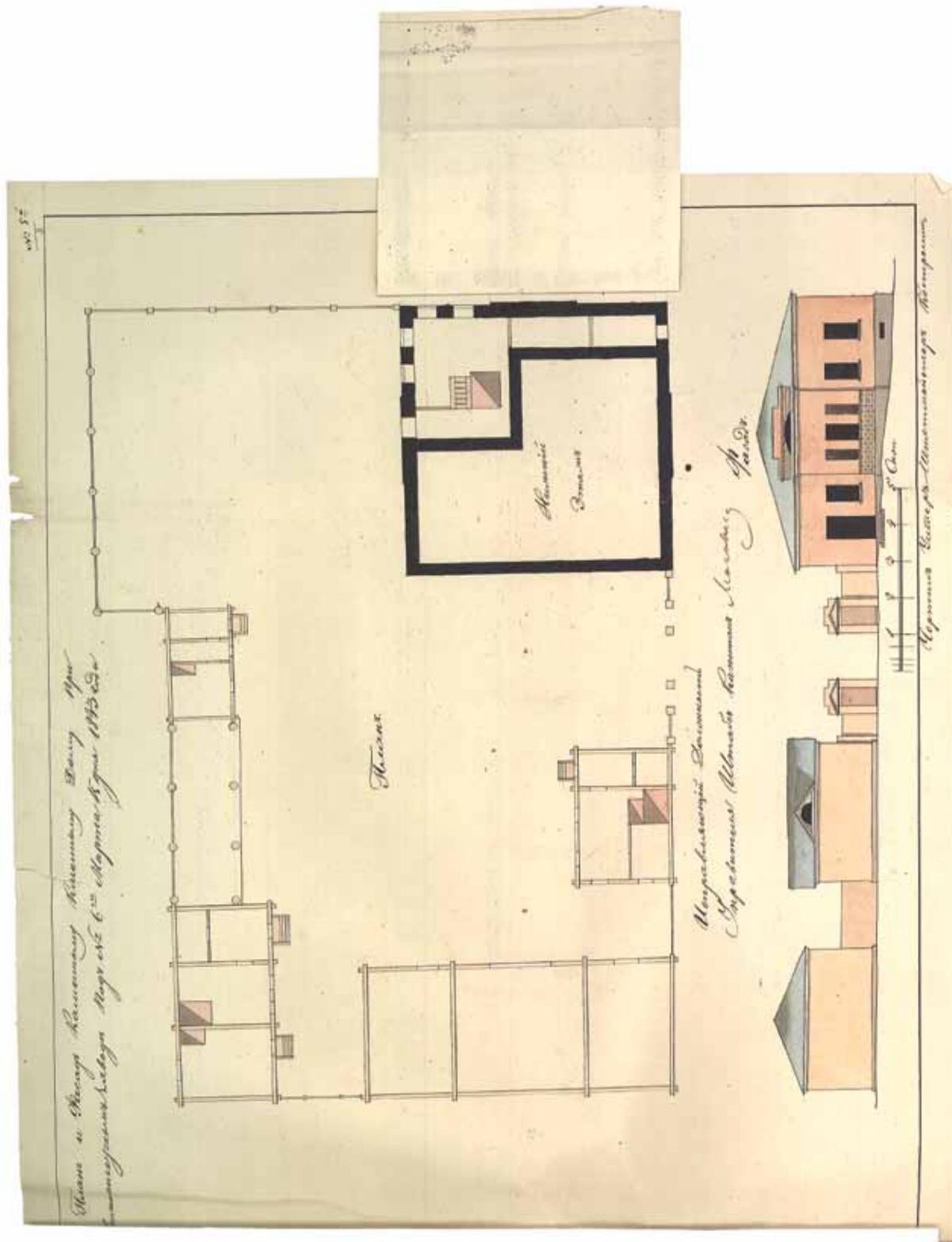

Учреждение в Костромин
Учреждение в Костромин

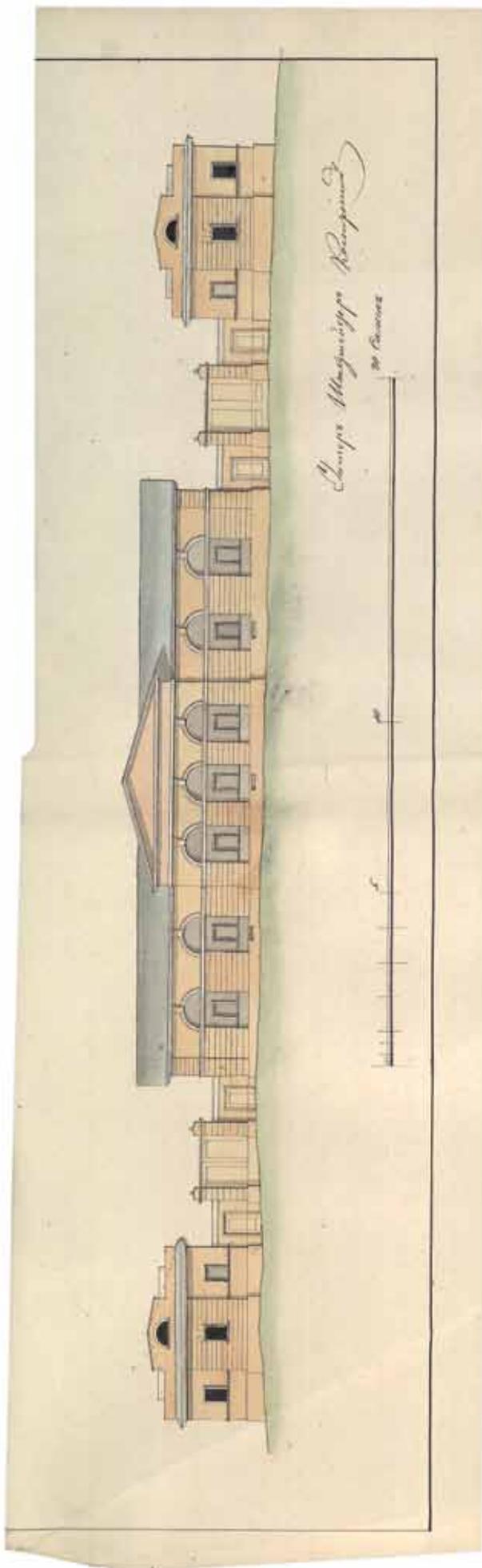
Сержант Унтер-Штирмейстер Костромин

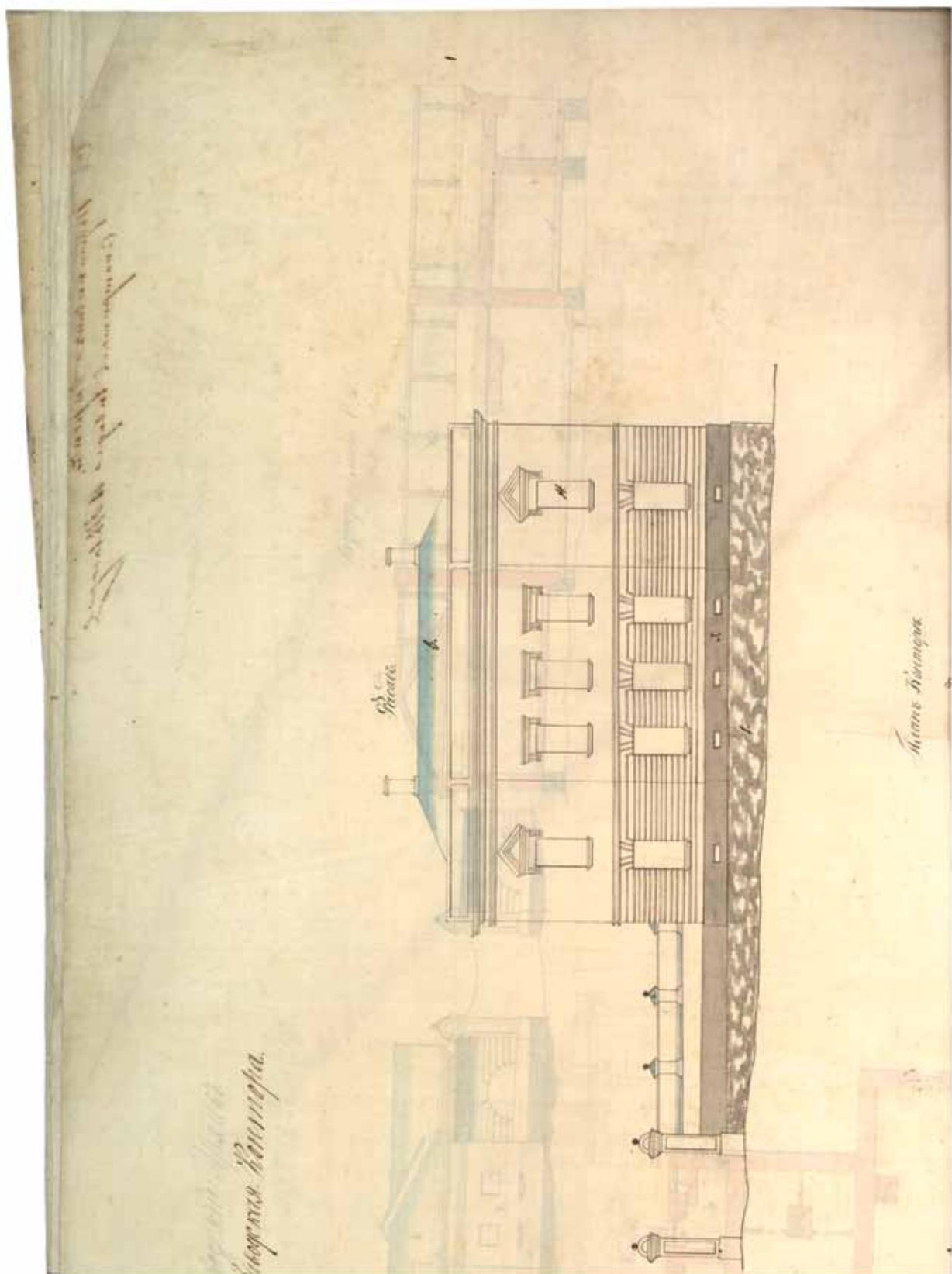
Каменный казенный дом в Нижне-Исетском заводе, 1843 г. Чертил унтер-шхтмейстер Костромин. Масштаб 5 сажень. (ГАСО. Ф.28. Оп.2. Д.2863. Л.3. Подлинник. Размер 40 x 36 см).

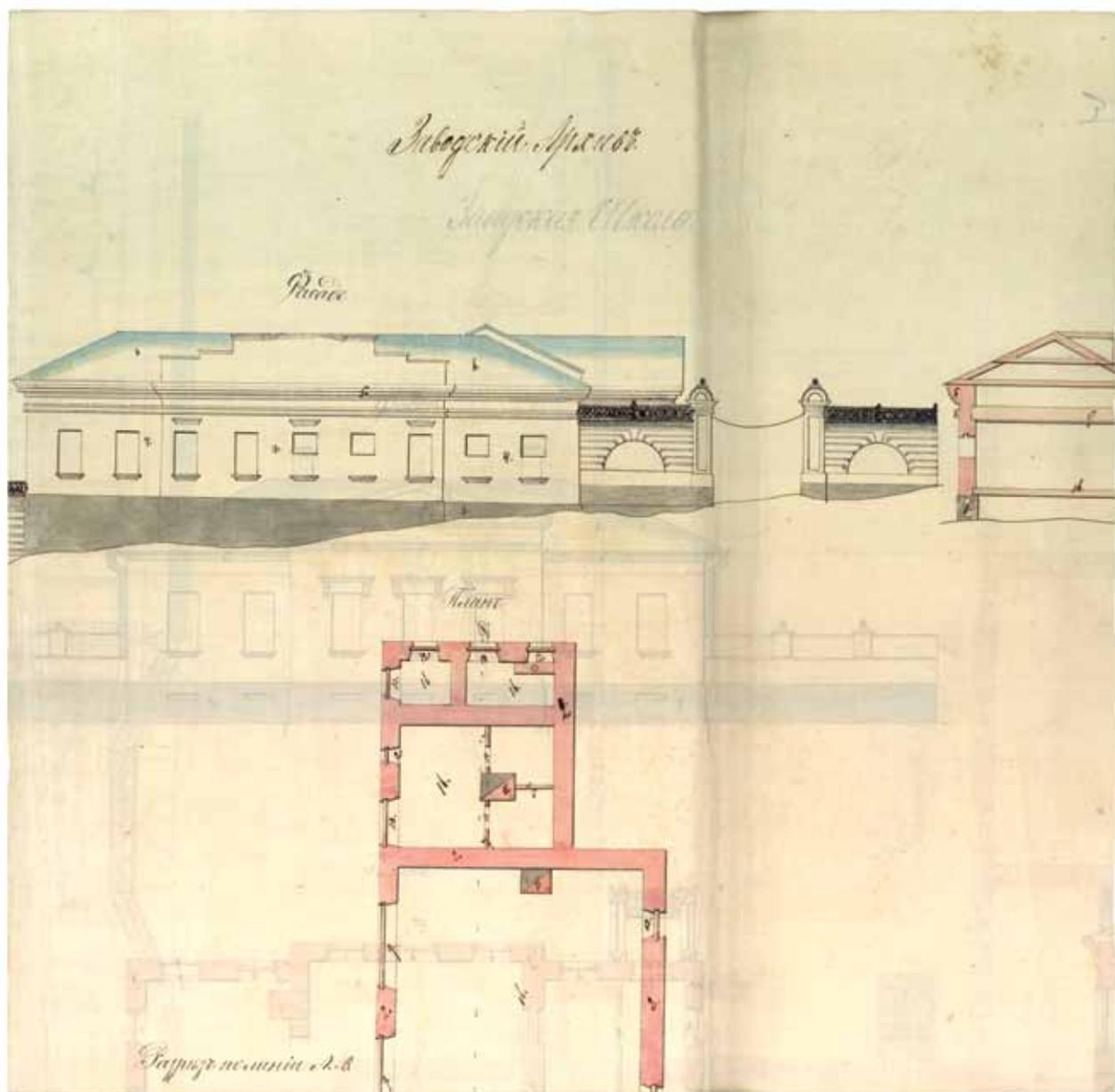
Каменный казенный дом в Нижне-Исетском заводе, 1843 г. Чертил унтер-штабтмейстер Костромин. Масштаб 5 сажень. (ГАСО. Ф.28. Оп.2. Д.2863. Л.3. Подлинник. Размер 40 х 36 см).

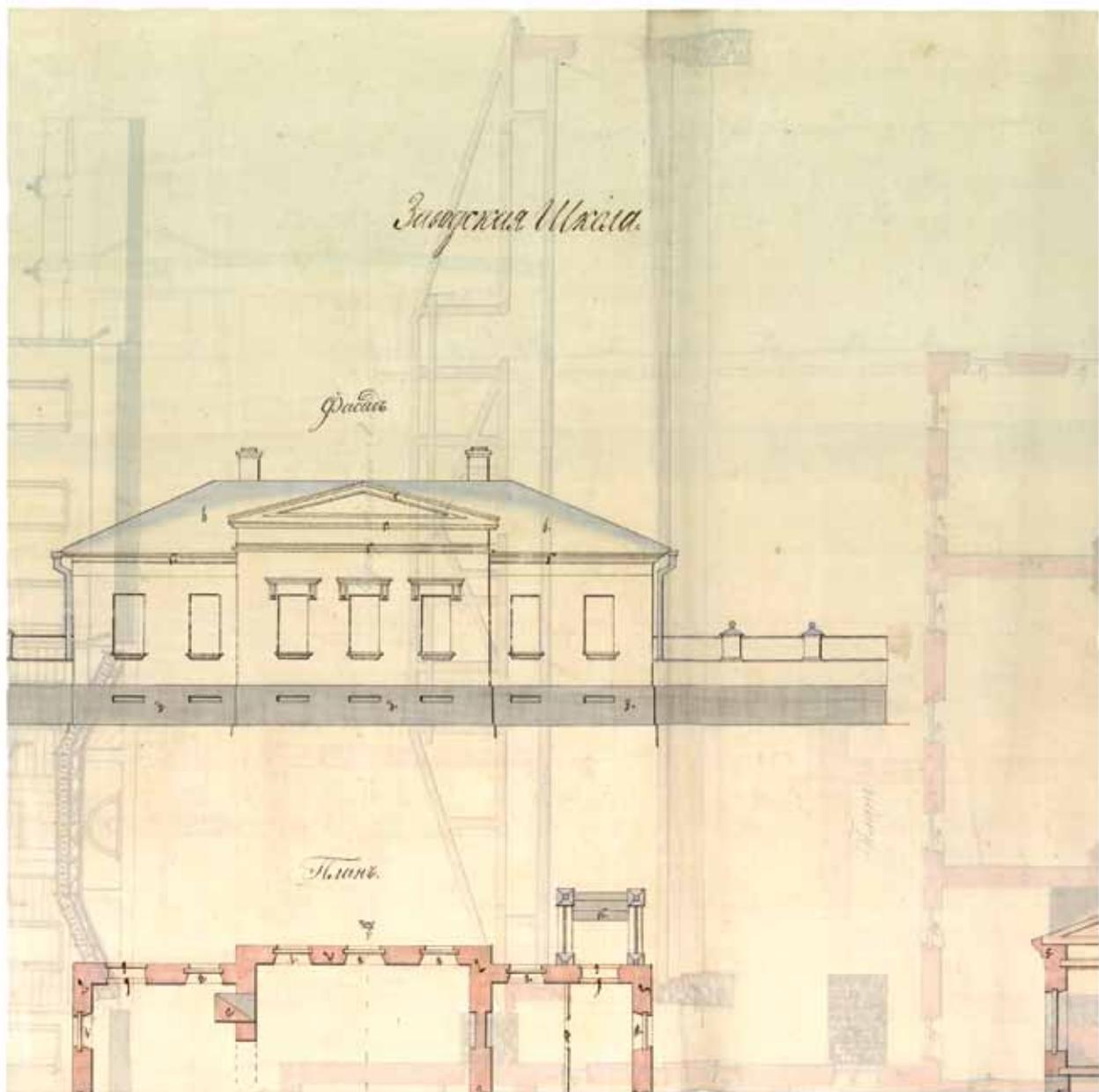
Казенная конюшня Нижне-Исетского завода, 1843 г. Унтер-цихтмейстер Костромин. Масштаб 20 сажень. (ГАСО. Ф. 28. Оп. 2. Д. 2863. Л. 14. Подлинник. Размер 58,5 x 18 см).

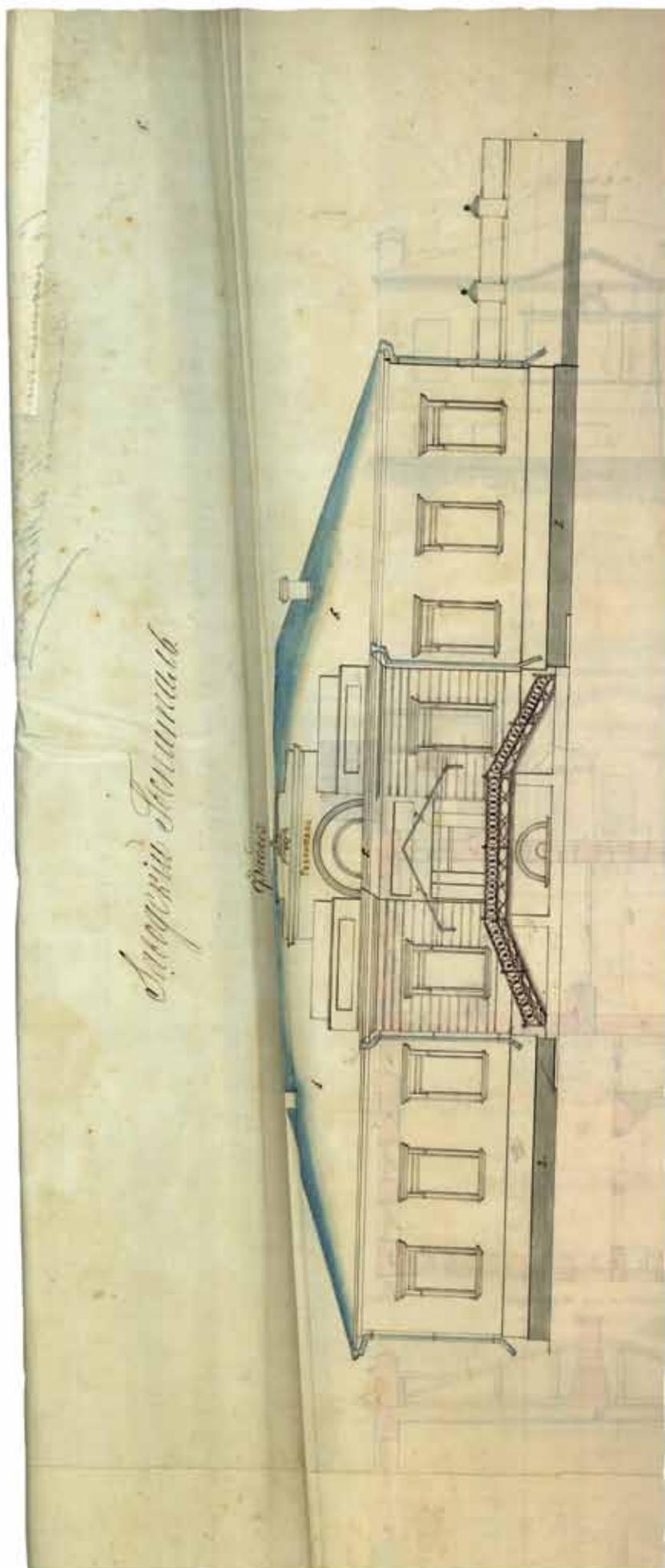
Заводская контора, 1874 (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.8087. Л.1. Подлинник. Размер 61 x 91 см. Фрагмент).

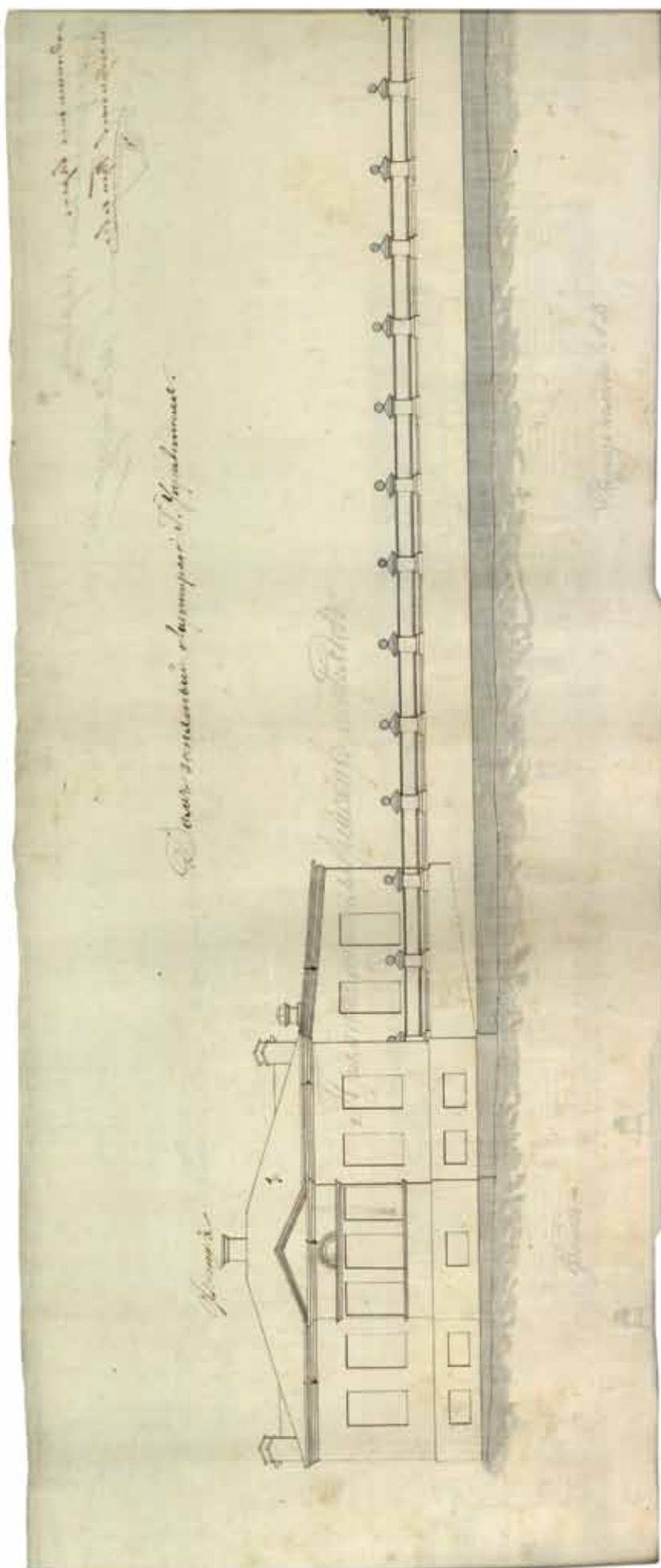
Заводской архив (располагался во дворе заводской конторы), 1874 г.
(ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.8087. Л.2. Подлинник. Размер 61 x 91 см. Фрагмент).

Заводская школа (мужское училище), 1874 г.
(ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.8087. Л.3. Подлинник. Размер 61 x 91 см. Фрагмент).

Заводской госпиталь, 1874 г. (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.8087. Л.4. Подлинник. Размер 61 x 91 см. Фрагмент).

Управительский дом, 1874 г. (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.8087. Л.6. Подлинник. Размер 61 x 91 см. Фрагмент).

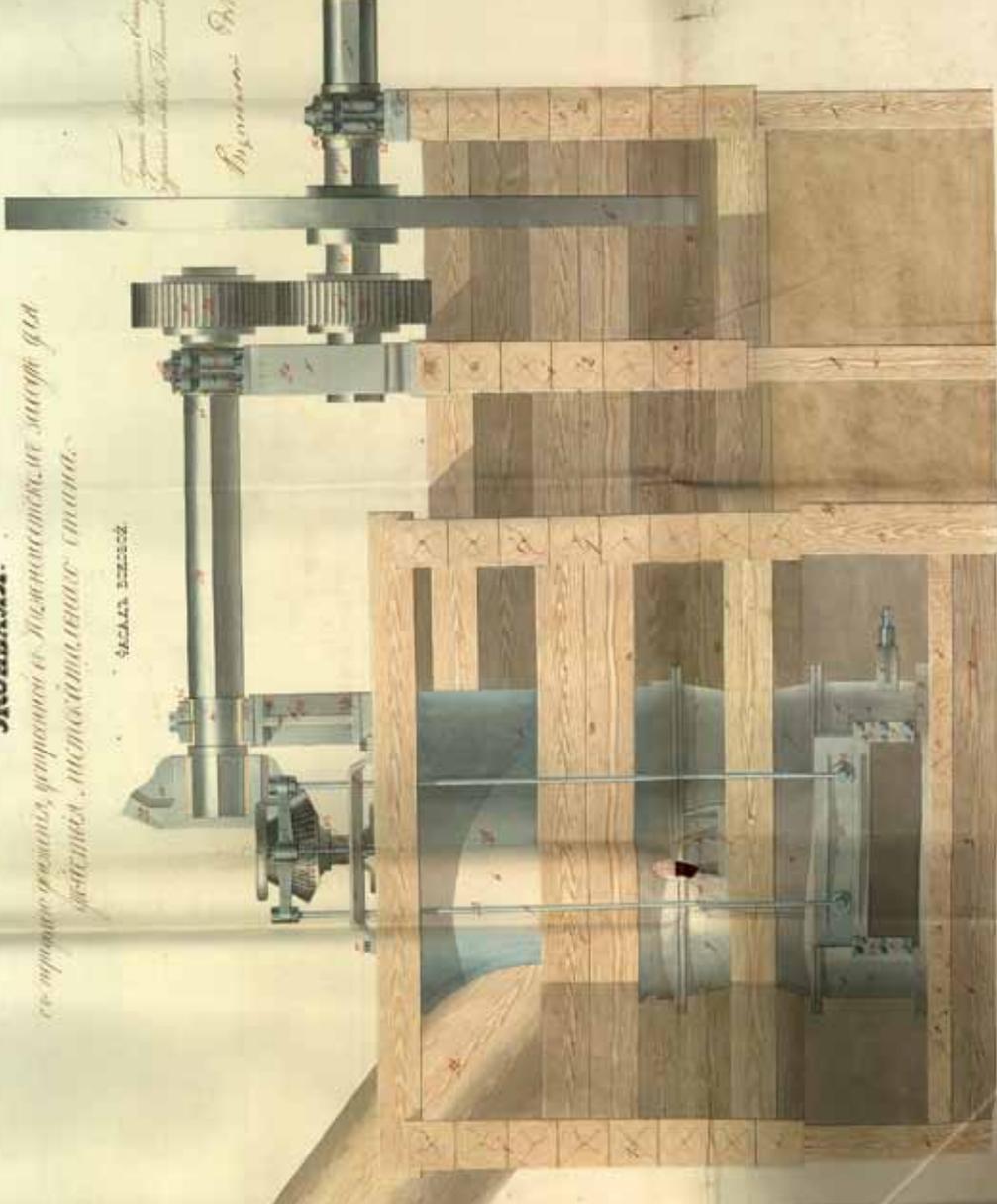
ЧЕРТЕЖЪ ТУРБИНЫ ПО СИСТЕМѢ ЖОНВАЛЯ.

св. турбина Жонваля, устроенная в. Магистратской же заставе для
привода механической стана.

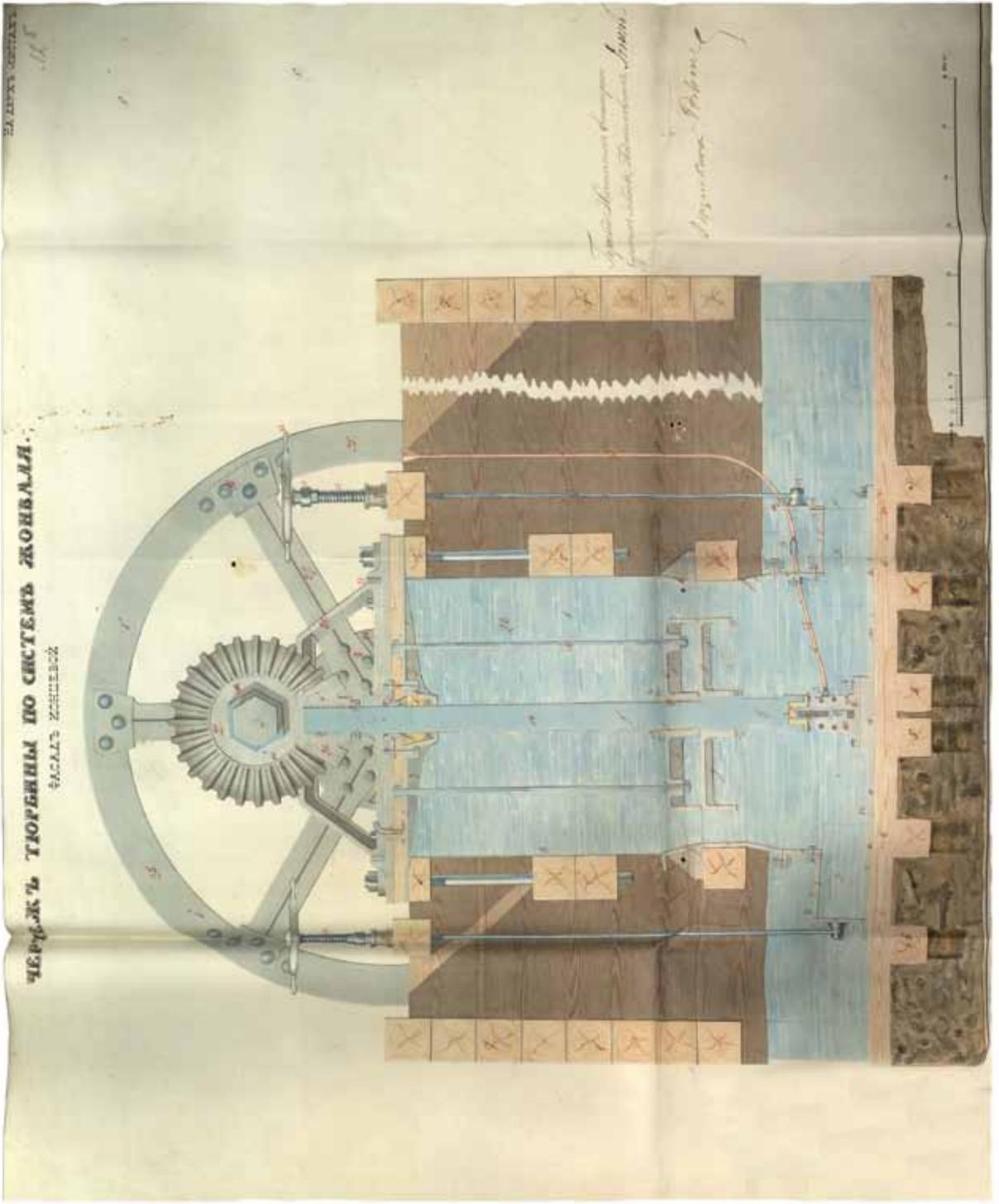
ЧИСЛА ДИМЕТРЪ

*Турбина Жонваля
устроенная в заставе
Магистратской*

Видъ съ боку

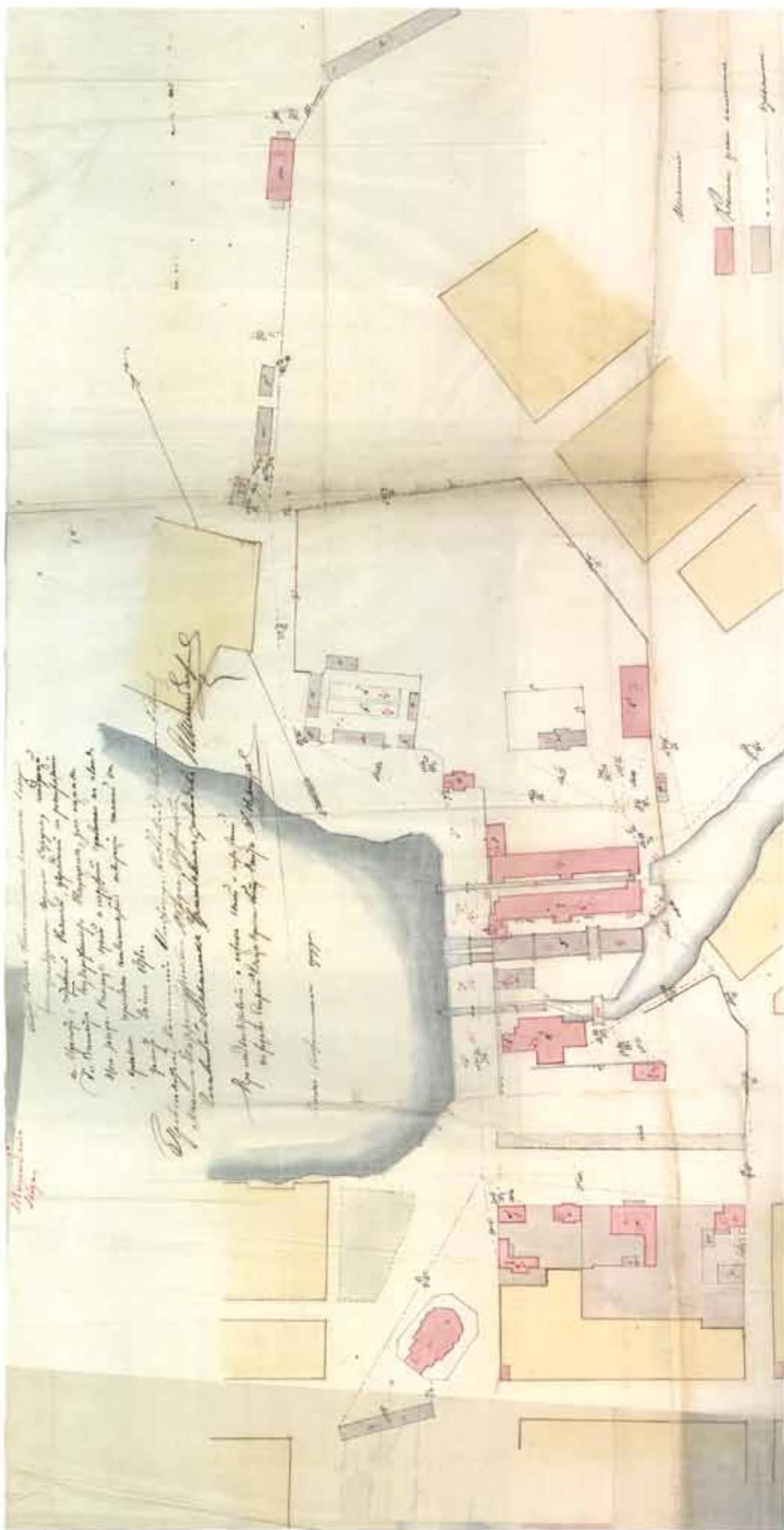
Турбина системы Жонваля на Нижне-Исетском заводе, вид сбоку, 1854 г. Масштаб 6 футов. (ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1902. Лл. 126-12в. Подлинник. Размер 60,3 x 51 см).

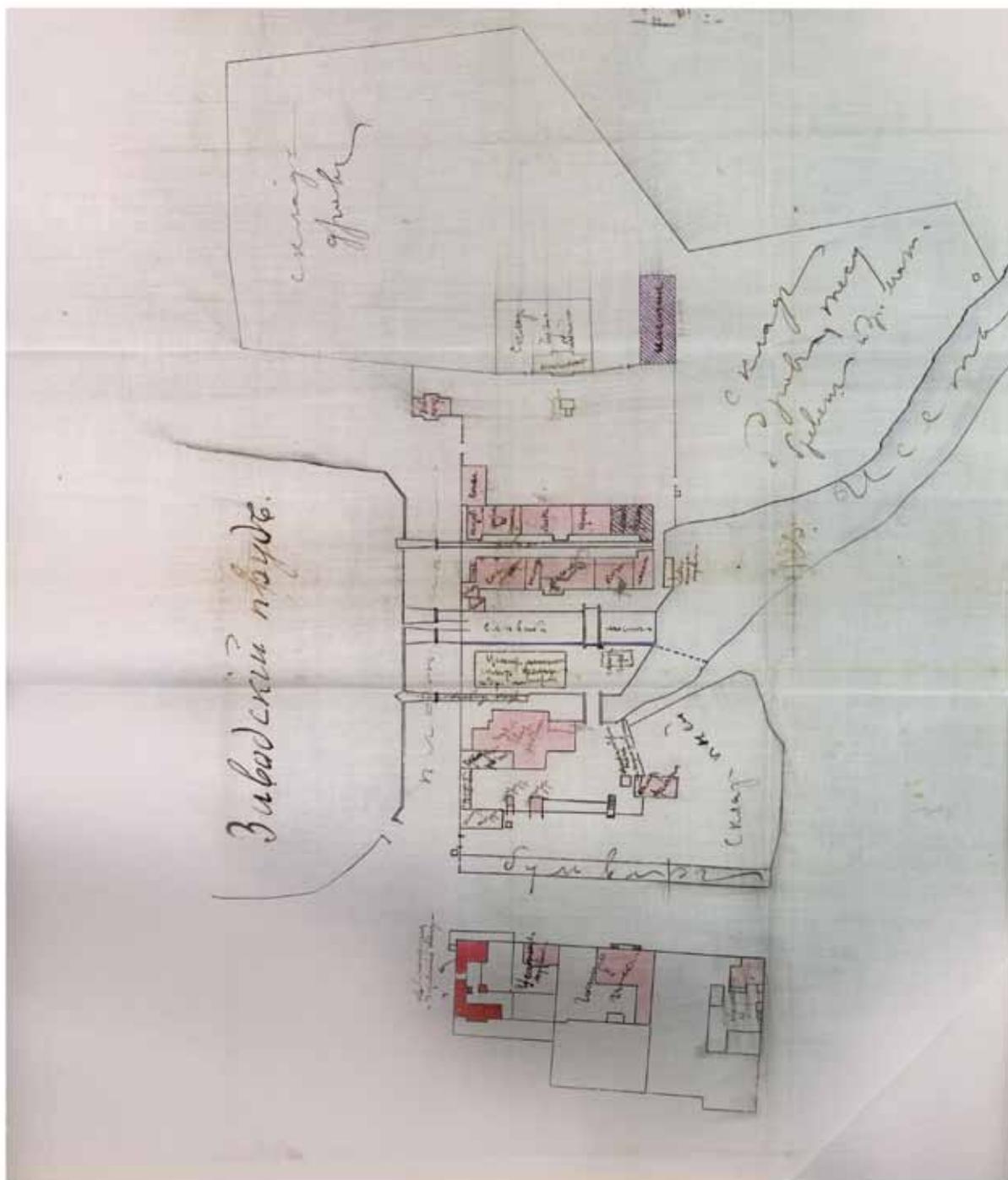
ЧЕРТЕЖЪ ТУРБИНЫ ПО СИСТЕМѢ ЖОНВАЛЯ.
ФАСАДЪ КРИВОГО

Турбина Жонвалъ
на Нижне-Исетскомъ заводе
Масштабъ 1:100

Турбина системы Жонваля на Нижне-Исетском заводе, вид с конца, 1854 г. Масштаб 6 футов. (ПАСО. Ф.43. Оп.2. Д.1902. Лл.126-12в. Подлинник. Размер 60,3 x 51 см).

План Нижне-Исетского завода, 1878 г. (ГАСО. Ф.43. Оп.1. Д.961. Л.277. Подлинник. Размер 85 x 43,4 см).

План Нижне-Исетского завода, 1906 г. (ГАСО. Ф.24. Оп.19. Д.1389. Л.46. Подлинник).

**ПРАВЛЕНИЕ
ТРУДОВОЙ
АРТЕЛИ РАБОЧИХЪ**

— и —
**КУСТАРЕЙ
НИЖНЕ-ИСЕТСКАГО
ГОРНАГО ЗАВОДА**
Екатеринбургскаго уѣзда,
Пермской губ.

24 февраля 1907 г.

№ 174

Адресъ для писемъ и телеграммъ:
Екатеринбургъ, Нижнеисетской артели
для грузовъ:
ст. Уктусъ, Пермск. ж. д.

Телефонъ № 202.

Текущій счетъ въ Екатеринбургск. Отдѣл.
Государств. Банки № 775.

ЖЕЛѢЗО

пудлинговое среднее и мелко-
зортное.

Кувачныя поковки

железныя, стальныя, болты и проч.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ИЗДѢЛІЯ.

чугунныя отливки.

Сельско-хозяйственныя орудія

одно и двух-конныя молотилки.

СТОЛЯРНЫЯ ИЗДѢЛІЯ

мебель, паркетъ, оконныя рамы, двери
и друг. предметы.

КОЛЕСА И ХОДКИ.

Заказы принимаются въ Правленіи
Артели.

25 ФЕВ. 1907

219

2896/201

Уральское Горное Управление.

На основании п. 13 арендного договора от 9 января сего года, Управление Артели имеет честь покорнейше просить Горное Управление выдать Трудовой Артели разрешение на установку мясорубочной рамы на арендованном Житне-Метском заводе.

На основании п. 13 арендного договора от 9 января сего года, Управление Артели имеет честь покорнейше просить Горное Управление выдать Трудовой Артели разрешение на установку мясорубочной рамы на арендованном Житне-Метском заводе.

Председатель Правленія Степанов

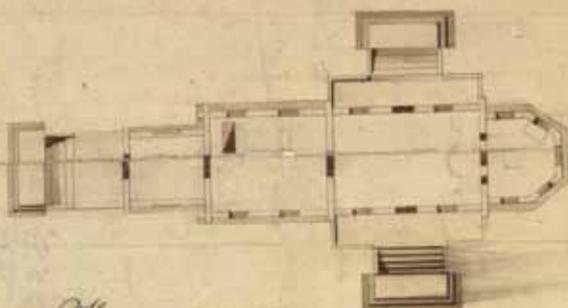
Члены: Колосов
Крыльницкий

Управителем завода П. Поклевского

Бланк правления Нижне-Исетской трудовой артели, 1907 г. Резолюция П.П. Боклевского (ГАСО. Ф.24. Оп.19. Д.1389. Л.219. Размер 21,6 x 28,2 см).

Список зданий Вознесенской Якобин:

План и фасад Деревянной церкви в
Новом месте за №

Масштаб плана в 10 саженях

Деревянная Вознесенская церковь, середина XIX в. (ГАСО. Ф.25. Оп.2. Д.7655 Размер 36,8 x 40 см).

**Корепанов
Николай Семенович**

Корепанов Н.С. (р.1964), историк и краевед, автор многочисленных публикаций, в т.ч. нескольких монографий по истории Урала, Екатеринбурга XVIII-XIX вв. Сотрудник Музея истории Екатеринбурга.

Нижне-Исетский завод вблизи Екатеринбурга был основан в начале XIX в. и действовал чуть более ста лет. Замышлявшийся как монетный двор, он был рожден как передовое предприятие по производству стали. В начале XX в. здесь произошло почти уникальное для Урала событие – завод был передан в аренду рабочей артели.

Настоящее издание является первой специальной работой, посвященной истории Нижне-Исетского завода. Большинство планов и чертежей публикуется впервые.

Корепанов

Корепанов

Корепанов

Корепанов, сотрудник

Музея истории Екатеринбурга

Николай Семенович

Корепанов

г. Екатеринбург

*Председатель Комитета
по истории Екатеринбурга
Корепанов Николай Семенович*

Николай Семенович Корепанов

Корепанов Николай Семенович

